

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

4

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Заместитель главного редактора

МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Ответственный секретарь

МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by

- Белецкий С. В.** Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т. Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волянски Ф. Институт истории по научной работе Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жеребцов И. Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Линднер Р. Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А. Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д. Техасский университет в Браунсвилле, США.
Фэн Ш. Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М. Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Бригадин П. И.** Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Вабищевич А. Н. Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э. Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда и Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г. Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф. Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В. Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р. Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Пилипенко М. Ф. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х. Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Федосик В. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шадурский В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шиндлинг А. Институт истории Нового времени Тюбингенского университета им. Эберхарда и Карла, Тюбинген, Германия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі па навуковай рабоце Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Рэспубліка Комі.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І.	Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда і Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Фядосік В. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шадурскі В. Г.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шындлінг А.	Інстытут гісторыі Новага часу Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда і Карла, Цюбінген, Германія.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maliugin@bsu.by

Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Bryhadzin P. I.	Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrionovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Schindling A.	Institute of the Early Modern History, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Shadurski V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЕДАКЦЫІ EDITORIAL

В этом году исполняется 80 лет с начала Второй мировой войны, ставшей одним из самых трагических событий мировой истории. По разным оценкам, она унесла жизни 50–80 млн человек, из них свыше 26 млн – советские граждане. За годы войны погибло 2,5–3 млн жителей Беларуси (есть мнение, что и больше), т. е. как минимум не стало каждого третьего белоруса. Демографическая катастрофа такого масштаба не могла не оставить отпечаток в судьбе практически каждого человека, а геополитические, социальные, ментальные и другие составляющие следа войны многие десятилетия оказывают влияние на историческую память.

Редакция предлагает читателю тематический номер, в котором авторы, базируясь на национальных историографических нарративах, представляют видение Второй мировой войны на различных уровнях исторической памяти: и как набор описаний, идей и образов прошлого, формируемый властным дискурсом; и как коллективные обыденные представления о прошлом; и как индивидуальную память, которая социально опосредована и соединяет индивида с социальной стратой.

Современная историографическая мысль испытывает косвенное политическое влияние. Национальная история, как и национальная историческая политика, совершенно естественно оказывается в центре внимания в ходе национально-государственного строительства, которое необходимо сейчас всем новым независимым (постсоветским) государствам. Наши страны еще только начали писать свою национальную историю и в настоящее время находятся в процессе выстраивания «полезного прошлого», которое могло бы стать основой самоидентификации. Исторические события интерпретируются по-разному, зачастую с противоположных позиций, в связи с чем «полезное прошлое» закономерно приобретает и героические, и трагические черты. Данные социологических опросов показывают, что увеличивается разрыв между научными исследованиями и обыденными представлениями граждан Восточной и Центральной Европы о Второй мировой войне.

Нам видится чрезвычайно важным обратить особое внимание на проблемы исторической памяти и исторической политики рубежа XX–XXI вв. в европейской историографии, рассмотреть взаимодействие научной историографии и массового исторического сознания в современной Восточной и Центральной Европе. Потому в тематическом разделе публикуются работы исследователей из Беларуси, России и Польши.

В статье российских специалистов Л. В. Алиевой, Л. В. Антоновой и Т. Г. Хришкевич анализируется современное состояние исследований проблем социальной сплоченности в контексте Второй мировой войны в западной и российской литературе. Отмечается, что в рассматриваемых работах отражаются вызванные войной процессы консолидации и раскола, перемены в сознании общества и отдельного человека как в воюющих на стороне антигитлеровской коалиции странах, так и в Германии. Но при этом подчеркивается, что социальная сплоченность, хотя и несет значительный исследовательский потенциал, остается неизученной темой в работах, посвященных социальной истории Второй мировой войны.

В статье Н. Н. Мезги показана роль Западной Беларуси в польско-советских отношениях в 1939–1941 гг. Автор приходит к выводу, что как для СССР, так и для Польши западнобелорусский вопрос не имел самостоятельного значения, а был элементом политики каждого из этих государств, направленной на достижение более широких внешнеполитических целей. Исход борьбы между СССР и Польшей за территорию Западной Беларуси, по мнению автора, был неразрывно связан с крахом Версальской системы, позволившим осуществить воссоединение Западной Беларуси с БССР.

Е. Миронович в своей статье обратился к анализу листовок и воззваний КПБ(б) к советским гражданам, оказавшимся на оккупированной территории. Он изучил содержание и форму листовок, определив две основные функции – побудить местных жителей выполнить свой долг перед народом

и Родиной (сделать это предлагалось с оружием в руках в партизанских отрядах либо же посредством оказания помощи партизанам), а также призвать граждан не делать ничего, что потенциально может усилить немцев: уклоняться от вывоза на принудительные работы в Германию, не выполнять обязательные поставки продуктов питания, а главное – не служить в парамилитарных коллаборационистских структурах.

Еще один тематический раздел номера, который вы держите в руках, включает материалы индийских ученых Центра российских и центральноазиатских исследований (*Centre for Russian and Central Asian Studies, CRCAS*) Университета имени Джавахарлала Неру (*Jawaharlal Nehru University*) по проблематике истории революционного и национально-освободительного движения в Индии.

CRCAS является одним из ведущих центров междисциплинарных исследований государств, получивших независимость после распада Советского Союза. Он начал работать в конце 1960-х гг. как составная часть Программы изучения международной политики в Индийской школе международных исследований. В начале 1970-х гг. Индийская школа международных исследований была объединена с недавно созданным Университетом имени Джавахарлала Неру и получила название Школы международных исследований. С тех пор центр функционировал как самостоятельная регулярная академическая структура. В 1974 г. сюда на постоянной основе была приглашена первая группа ученых со степенью кандидата наук. В 1975 г. изменилось название – Центр советских и восточноевропейских исследований. После распада Советского Союза он был переименован в Центр российских, центральноазиатских и восточноевропейских исследований, а после реорганизации

Школы международных исследований в 2005 г. получил современное название.

С момента своего создания центр тесно сотрудничает с политиками и широким академическим сообществом. Здесь работают приглашенные ученые как из Индии, так и из-за рубежа, которые изучают комплекс вопросов, связанных с историей и современным состоянием постсоветских государств. Центр организует регулярные семинары и конференции, с тем чтобы объединить широкий круг экспертных знаний и облегчить обмен мнениями между учеными.

Сотрудничество Белорусского государственного университета и Центра российских и центральноазиатских исследований Университета имени Джавахарлала Неру соответствует интересам обеих сторон. Центр среди своих важнейших задач определил укрепление связей с образовательными учреждениями новых независимых государств, содействие исследованиям в области двусторонних отношений между Индией и бывшими советскими республиками и продвижение этих исследований в других академических учреждениях Индии.

CRCAS выпускает научный журнал «Современная Центральная Азия» (*Contemporary Central Asia*), являющийся площадкой для обсуждения различных аспектов истории и современного состояния регионов бывшего Советского Союза. Также он публикует ежемесячную новостную рассылку с информацией о последних событиях в новых независимых (постсоветских) государствах.

В библиотеке и документальном центре *CRCAS* собраны учебные и научные материалы в форме книг, микрофильмов, журналов, газет и справочных документов. Особое внимание уделяется созданию аутентичной и всеобъемлющей базы данных по региону.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

**Героизм и повседневность:
к 80-летию начала Второй мировой войны**

**Гераізм і паўсядзённасць:
да 80-годдзя пачатку Другой сусветнай вайны**

**Heroism and everyday life:
on the 80th anniversary of outbreak of World War II**

УДК 94(47)+94(430)+94(410)+316.4

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л. В. АЛИЕВА¹⁾, Л. В. АНТОНОВА¹⁾, Т. Г. ХРИШКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000, г. Псков, Россия

Образец цитирования:

Алиева ЛВ, Антонова ЛВ, Хришкевич ТГ. Современная историография феномена социальной сплоченности в период Второй мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;4:7–16. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-7-16>.

For citation:

Alieva LV, Antonova LV, Khrishkevich TG. Contemporary historiography on the phenomenon of the social cohesion in the period of the Second World War. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;4:7–16. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-7-16>.

Авторы:

Людмила Владимировна Алиева – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры отечественной истории исторического факультета.

Лидия Владимировна Антонова – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры всеобщей истории и регионоведения исторического факультета.

Татьяна Георгиевна Хришкевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения исторического факультета.

Authors:

Liudmila V. Alieva, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history.

zemkod1922@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4239-3207>

Lidia V. Antonova, PhD (history); senior lecturer at the department of world history and area studies, faculty of history.

antonova.lidia.24@yandex.ru

Tatiana G. Khrishkevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of world history and area studies, faculty of history.

faschoda@mail.ru

Рассматривается современное состояние исторических исследований проблемы социальной сплоченности в контексте Второй мировой войны. Анализируются основные работы, отражающие вызванные войной процессы консолидации и раскола, перемены в сознании общества и отдельного человека как в воюющих на стороне антигитлеровской коалиции странах, так и в Германии. Подчеркивается, что социальная сплоченность остается неизученной темой в работах, посвященных социальной истории Второй мировой войны. В заключении отмечается исследовательский потенциал анализа проблем солидарности и единства в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: социальная сплоченность; историография; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Россия; Германия; Великобритания.

СУЧАСНАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ФЭНОМЕНА САЦЫЯЛЬнай ЗГУРТАВАНАСЦІ ў ПЕРЫЯД ДРУГОЙ СУСВЕТнай ВАЙНЫ

Л. У. АЛІЕВА^{1*}, Л. У. АНТОНАВА^{1*}, Т. Г. ХРЫШКЕВІЧ^{1*}

^{1*} Пскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт, пл. Леніна, 2, 180000, г. Пскоў, Расія

Разглядаецца сучасны стан гістарычных даследаванняў праблемы сацыяльнай згуртаванасці ў кантэксце Другой сусветнай вайны. Анализуецца асноўныя працы, у якіх адлюстроўваюцца выкліканыя вайной працэсы кансалідацыі і расколу, перамены ў свядомасці грамадства і асобнага чалавека як у краінах, што ўдзельнічалі ў вайне на баку антыгитлераўскай кааліцыі, так і ў Германіі. Падкрэсліваецца, што сацыяльная згуртаванасць застаецца нявывучанай тэмай у працах, прысвечаных сацыяльнай гісторыі Другой сусветнай вайны. У заключэнні адзначаецца даследчы патэнцыял аналізу праблем салідарнасці і еднасці ў гады Другой сусветнай вайны.

Ключавыя словы: сацыяльная згуртаванасць; гістарыяграфія; Другая сусветная вайна; Вялікая Айчынная вайна; Расія; Германія; Вялікабрытанія.

CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY ON THE PHENOMENON OF THE SOCIAL COHESION IN THE PERIOD OF THE SECOND WORLD WAR

L. V. ALIEVA^a, L. V. ANTONOVA^a, T. G. KHRISHKEVICH^a

^aPskov State University, 2 Lenin Square, Pskov 180000, Russia

Corresponding author: L. V. Alieva (zemkod1922@gmail.com)

The historiography of World War II is one of the most extensive research topics in historical science. Over the years, a comprehensive study of the military, political and economic history of wartime has been conducted. Particular attention during recent decades has been given to the social aspects of the war. However, the topic of social cohesion in the warring countries remains insufficiently analyzed. Thus, the main objective of the article is to analyze the current state of research on social cohesion in the context of World War II in contemporary British, German and Russian historical literature. The present study of the reflection of cohesion problems in Soviet Union, Great Britain and Germany during World War II is based on the principles of a new interdisciplinary branch of social science – anthropology of war. It integrates the achievements, subject areas and research tools of history, sociology, military psychology, cultural studies, pedagogy, medicine and other disciplines that study the existence of people and society at large in wartime conditions. A comparative analysis of the chosen historiography shows that at the present stage there is a commonality of approaches among historians related to interest in certain personalities, everyday life during World War II and war's gender dimension. The differences in assessments and methods are determined by the role and place of a particular state in the military-political confrontation as well as by prevailing historiographical paradigms. In any case, the theme of social cohesion was not adequately reflected in these studies. In conclusion, the authors note the research potential of analyzing the problems of social cohesion during World War II.

Keywords: social cohesion; historiography; World War II; Great Patriotic War; Russia; Germany; Great Britain.

Введение

В 2019 г. исполняется 80 лет с начала Второй мировой войны. В сложившихся условиях очевидна необходимость дальнейшей серьезной научной ра-

боты по ее изучению. Историография Второй мировой войны является одной из наиболее обширных исследовательских тем исторической науки.

За прошедшие годы было проведено всестороннее рассмотрение военной, политической и экономической истории. В последние десятилетия особое внимание уделялось социальным аспектам войны. Однако в ряду подобных исследований имеется тема, которая остается недостаточно изученной, – это тема социальной сплоченности в воюющих странах. Ее дальнейшее изучение направлено на решение важной задачи – углубление и расширение сферы научных исследований периода Второй мировой войны.

Проблеме сплоченности современного общества посвящен целый комплекс работ, но они носят преимущественно социологический характер, тогда как исторические факторы ее формирования, особенно мировые войны XX в., остаются пока вне поля зрения исследователей. Авторы данной статьи предпринимают попытку оценки степени изученности отдельных аспектов социальной сплоченности в российской, британской и германской

исторической науке в контексте Великой Отечественной и Второй мировой войн.

В свете усиливающегося внимания к историографии войны сравнительный исторический анализ российской, немецкой и британской научной литературы приобретает особую актуальность. Перед исследователями стоит задача изучить историю Второй мировой войны с учетом достижений и новых подходов, складывающихся в мировой исторической науке. Историков призывают раскрыть многокомпонентность войны во всей ее сложности, рассмотреть процессы консолидации и раскола, вызванные войной во многих странах, а также проанализировать перемены в сознании общества и отдельного человека. Для современных российских исследователей особую актуальность приобретает изучение места и роли Великой Отечественной войны и России в победе над нацизмом как неотъемлемой и важнейшей составляющей Второй мировой войны.

Методология исследования

Историография феномена социальной сплоченности в России, Германии и Великобритании периода Второй мировой войны базируется на принципах новой междисциплинарной отрасли науки, интегрирующей достижения, предметные области и исследовательский инструментарий военной психологии, социологии, педагогики, истории, культурологии, медицины и других дисциплин, из-

учающих человека в условиях военной деятельности, – антропологии войны [1]. Среди современных историков интерес к военно-антропологической проблематике неуклонно растет, поскольку данный подход позволяет комплексно изучать «человеческий ракурс» войны, включая ценностный и социокультурный аспекты, к которым относится и социальная сплоченность.

Результаты и их обсуждение

Одним из событий, сохраняющих свое особое символическое значение в процессах консолидации современного российского общества, является победа в Великой Отечественной войне. Участие в поддержании социокультурного воспроизводства ритуалов памяти о победе принимают не только системы государственной пропаганды и контроля, но и научные институты. Несмотря на сохраняющуюся приверженность современных ученых традиционной тематике изучения войны (ее причины, ход, итоги и уроки, военные операции и др.), в историографии наблюдается сдвиг фокуса исследований на широкую панораму жизнедеятельности общества и отдельного человека в условиях войны, в том числе проблему социальной сплоченности советского народа в борьбе с нацизмом [2, с. 159–168; 3, с. 63–71].

Исторический опыт показывает, что внешняя опасность способна сплотить общество, и Великая Отечественная война является тому примером. Несмотря на известные факты сотрудничества с нацистами на разных уровнях и в различных сферах [4, с. 36–42; 5, с. 157–169], историки констатируют сплоченность советского народа, представители ко-

торого ради спасения Отечества были готовы жертвовать жизнью [6, с. 7–11; 7, с. 25–32; 8, с. 10–18].

Сплочение общества стало ответной реакцией не только на угрозу порабощения, но и на изменение политики руководства страны. В современных российских научных исследованиях отмечается трансформация национальных приоритетов в годы войны: происходит обращение к национальным истокам, традиции, исторической памяти, наследию [9, с. 389; 10, с. 10–20]. Национальная политика военного периода понимается при этом как переход от классовой к отвечающей интересам всех слоев политической нации (общности советских народов) политике во имя сохранения жизни каждого народа и их совокупности в едином государстве – Советском Союзе [11, с. 93–114].

Отдельную нишу в современных исторических исследованиях занимает проблема диалектики духовного потенциала победы в Великой Отечественной войне. Многие исследователи отмечают связь сплочения советского народа с условиями формирования советской духовности [12, с. 31–36]. Духовный потенциал населения советской России складывался на базе русского менталитета, форми-

ровавшегося под влиянием православия. Религиозный компонент ментальности наряду с марксизмом и сохранением традиционных нравственных ценностей (общинность, социальная справедливость, совесть, державность, патриотизм и самопожертвование) стали той объединяющей силой, которая оказывала огромное содействие победе над фашизмом [13, с. 19–52; 14].

Великая Отечественная война дала массу примеров беспредельной самоотверженности, мужества и героизма, которые являются свидетельством не только высочайшей степени социальной консолидации, но и глубоко осознанного стремления сделать все возможное и невозможное для защиты социалистического общества. В современных публикациях о Великой Отечественной войне риторика жертвенности представлена весьма широко [15, с. 160–167]. При этом следует подчеркнуть, что героями научных статей в России сегодня являются не Александр Матросов и Зоя Космодемьянская, а рядовые граждане страны, возложившие свои жизни на алтарь Победы, что с точки зрения нынешнего времени – подвиг [16, с. 189–190; 17, с. 1–5; 18, с. 38–40].

Проблема социальной сплоченности в период Великой Отечественной войны в современных исторических исследованиях часто рассматривается в гендерном разрезе [19, с. 21–47; 20, с. 29–31; 21, с. 82–86]. Единение против врага представляется авторами публикаций как общая заслуга мужчин и женщин, фронта и тыла, военных и мирного населения, к которому традиционно относят женщин и детей. Образы женщин, которые использовали пропагандисты, усиливали восприятие антифашистских лозунгов и обладали высоким консолидирующим эффектом.

Чрезвычайно обширна британская историография двух мировых войн XX в. При этом в исторической памяти британцев Великой, безусловно, является Первая мировая война. В научной литературе, в том числе последних десятилетий, ей уделяется значительно больше внимания, чем Второй мировой войне [22; 23]. Не ставя задачу сделать полный обзор британских исследований Второй мировой войны, остановимся на том, какое отражение в них нашла проблема социальной сплоченности в военное время.

В публикациях 1990-х гг. в период активных интеграционных процессов в Европе актуальным был вопрос о влиянии войны на структуру общества, ее роли в послевоенном формировании государства всеобщего благосостояния [24, р. 1–16]. Довольно долго в историографии утверждалось, что война была для Британии временем солидарности, ослабления идеологических разногласий и закладывания основ того национального консенсуса, которым принято характеризовать период во внутриполитическом развитии страны с конца войны

до 1970-х гг. Согласно этому подходу именно в военное время британцы переступили через границы классов, личной выгоды, либерального индивидуализма; в Великобритании произошла самая сильная среди всех стран-союзников, за исключением СССР, трансформация и мобилизация сил. Однако в 1980–90-е гг. данный подход подвергся критике. Историками отмечалось, что сложная социально-экономическая обстановка только усугубляла классовые разногласия, а результаты выборов 1945 г. и приход к власти лейбористов лучше всего продемонстрировали отсутствие консенсуса. Напротив, характерным было недоверие к власти и усиление индивидуализма как противоположности нацизму. Нахождение на территории Британии американских и канадских войск, беженцев из Европы, временных рабочих из колоний, в итоге оставшихся навсегда, только провоцировало социальное напряжение и никак не способствовало сплоченности и солидарности [25; 26; 27, р. 1–27]. В настоящее время историки избегают однозначных оценок по данному вопросу, подчеркивая противоречивость социальных процессов периода войны.

В 2015 г. вышла трехтомная «Кембриджская история Второй мировой войны», которая представляет наиболее актуальные для британской исторической науки оценки и подходы к ее изучению. Книга построена по принципу характерного для современной историографии проблемного подхода. В контексте рассматриваемой нами темы обращает на себя внимание третий том, посвященный проблемам экономики, общественной жизни и культуры в период войны. В разделе «Социальная практика народной войны» авторы поставили задачу ответить на вопрос: что нужно для мобилизации всего общества? И, хотя термин «сплоченность» не применялся напрямую, по существу, ими всесторонне рассматривались различные аспекты единения людей перед лицом внешней угрозы на разных уровнях: нации, локального сообщества, воинского подразделения. Авторы оперировали такими понятиями, как «моральный дух», «высокая эмоциональная вовлеченность в войну», «война как социальное поле», «тотальная сила народной войны». Прежде всего исследовалась роль пропаганды, направленной на «формирование общественного духа». Авторы указывали на то, что советские солдаты и мирные жители стали «моральным золотым стандартом» сплоченности и готовности к самопожертвованию, а британская пропаганда активно использовала для мобилизации населения «русскую тему»: так, образ самоотверженной советской женщины представлялся как идеал для британок [28, р. 336].

Вместе с тем Дж. Фокс, например, отмечала, что действия британской пропаганды по борьбе с «пятой колонной», роспуском сплетен и т. п. имели весьма противоречивый эффект. Внедрение

в сознание людей идеи о том, что они окружены шпионами, только провоцировало подозрительность и страхи, разрушало продвигавшиеся правительством концепции «социальной солидарности» и «народной совести». С одной стороны, говорилось о сплочении и взаимной поддержке внутри отдельных сообществ (жители дома или района, работники одного предприятия), а с другой – доверие внутри таких групп подрывалось листовками, утверждавшими, что даже сосед может оказаться шпионом. Эта кампания, кроме того, усугубила и классовую разобщенность. В противоположность романтизированным и загадочным образам из кинематографа пропаганда обычно представляла условного шпиона как «скромного рабочего человека» [29, р. 957–958].

Среди исследований социальной истории периода Второй мировой войны отметим, например, монографию С. О. Роуз. В ней уделяется внимание использованию в целях сплочения идеи национальной идентичности, гражданственности и концепции «британскости». Последний термин еще из имперской риторики викторианской эпохи приобрел особую актуальность в условиях необходимости объединения перед лицом внешней угрозы. Официальная пропаганда, пресса, писатели и художники активно эксплуатировали идею особого национального характера британцев. Они создавали образ нации, состоявшей из готовых на самопожертвование, от природы терпеливых и всегда неунывающих людей [30, р. 1–28]. При этом поведение, которое не соответствовало данному идеалу, могло характеризоваться как «небританское».

В связи с популярностью гендерных исследований в публикациях последних лет часто затрагивалась тема вклада в победу британских женщин, в частности их роли в функционировании промышленности военного времени. В том, что женщины занялись «мужским трудом», исследователи усматривали свидетельство не только единения всего общества перед лицом угрозы, но и преодоления гендерных стереотипов и развития идей равенства [31; 32].

Отметим также работы М. Тейлора, в которых проблемы отношений власти и общества, классовых противоречий, национальной идентичности, консенсуса или разобщенности в Британии военного времени рассмотрены через призму истории спорта, а именно футбола – игры, ставшей символом нации [33].

Германская историография, посвященная проблемам Второй мировой войны, не склонна оперировать понятием «социальная сплоченность». Употребление этого термина в отношении периода существования Третьего рейха, на наш взгляд, возможно применительно только к отдельным социальным категориям. В то же время исследова-

ния, посвященные социальной истории Германии в годы Второй мировой войны, занимают заметное место в массиве современных научных публикаций. Преимущественно немецкие авторы сосредотачивают свое внимание на конкретных военнополитических или экономических процессах, роли государства в построении тоталитарного режима [34]. Новым словом в германской историографии стали работы, посвященные повседневной жизни, позволяющие проследить настроения отдельных социальных групп во время войны [35–37].

Один из наиболее авторитетных исследователей истории Германии Эрнст Нольте в своей работе «Фашизм в его эпоху» дал всестороннюю характеристику национал-социализма, определяя его на основе трех критериев – антимарксизма, антилиберализма и антиконсерватизма, тем самым обозначив критерии, объединяющие сторонников германского фашизма [38; 39]. Обратившись к его исследованиям, можно условно рассматривать сплоченность немецкого народа вокруг личности фюрера как результат государственной стратегии, основанной на применении трех организационных принципов – опоры на партийный аппарат, тоталитаризм и вождизм. Фундаментальное исследование Норберта Фрая «Государство фюрера» много внимания уделяет усилиям по консолидации общества, следствием которых становится всеобщая унификация государственной политической, экономической и социальной жизни. Заметное место в работе занимает борьба с инакомыслием как неотъемлемый элемент построения унифицированного государства. Таким образом, определенная степень консолидации отдельных социальных групп является результатом идеологической мобилизации 1933–1939 гг., поддержки элит, устранения политической конкуренции в лице социал-демократов и коммунистов, реализации Нюрнбергских законов [40]. Однако поддержка режима, в некоторой мере обусловленная экономической стабильностью предвоенных лет, после военных неудач быстро сменилась недоверием и разобщенностью.

Заметное место в изучении германского общества отведено личности А. Гитлера и его влиянию на массы [41; 42]. Культ фюрера особенно укрепился после внешнеполитических успехов в марте и сентябре 1938 г. – присоединения Австрии и заключения Мюнхенского соглашения о Судетской области. Социальное согласие в этот период связывалось с именем фюрера. Первые военные успехи в Польше, Дании и особенно Франции добавили в обществе оптимизма, но очень быстро сменились разочарованием как в вожде, так и во власти в целом, постепенно расшатывалась солидарность с режимом [43]. Проследить отдельные элементы сплочения вокруг личности А. Гитлера позволяют биографии политических и военных деятелей –

Э. Роммеля, В. Кейтеля, Э. фон Манштейна, Ф. Паулюса и др. [44; 45]. Как правило, авторы отмечают личную преданность вождю со стороны его ближайшего окружения. Критические настроения преимущественно связываются с военными элитами.

В целом германская историография сосредоточена не на оценке сплоченности, а на всестороннем анализе теории национал-социализма [46], политике антисемитизма [47, с. 381–420], пропаганде, истории молодежи и отдельных социальных групп [48–50], роли армии и предпринимательских элит [51]. Все они в совокупности позволяют нарисовать картину общественных настроений, выявить сопоставимые социальные индикаторы, отражающие уровень социальной сплоченности (например, материальное обеспечение общества, пассивные взаимоотношения, уровень включенности в общественную и политическую жизнь и пр.).

При рассмотрении темы единства немецкой нации в годы Второй мировой войны нельзя не обратиться к проблемам коллаборационизма и движению Сопротивления [52; 53]. На наш взгляд, справедливо утверждение, что единство немецкого общества в годы войны во многом обусловлено воздействием пропаганды и сложившимся за шесть предвоенных лет мировоззрением. Например, поддержка идеи завоевания «жизненного пространства» на Востоке нашла отражение в работе П. Лонгериха. В ней приводится ряд документов, касающихся подготовки войны на уничтожение и реализации Генерального плана «Ост» [54].

В рамках изучения оккупационной политики и масштабов убийств мирного населения авторы обращаются, например, к истории специальных

групп СС, доказывая, что главной задачей последних было проведение мероприятий в соответствии с нацистской концепцией «нового порядка» в Европе. В работе А. Ангрика действия «айнзацгрупп» СС показаны через призму формирования аппарата убийств, а также деятельности активных членов организации, проявлявших энтузиазм, рвение и инициативу в выполнении поставленных задач. Рисуя социальный профиль и типологию членов репрессивных команд, А. Ангрик показывает, что среди них были как простые полицейские, так и остепененные ученые. Эти группы «не были гомогенны, но их убийственные действия были ужасающе “гомогенны”» [55, с. 450]. Это же касается действий вермахта, которые также отражали высокую степень солидарности в осуществлении идей тотальной войны.

Тема согласия с идеологией и стремления реализовать ее на практике проходит красной нитью через исследования, посвященные нацистским преступлениям на фронте. Установка солдат на исполнение любого приказа командования, воздействие идеологии национал-социализма и пропаганды на вермахт рассмотрены всесторонне, на основе многочисленных документов, в том числе источников личного происхождения. Немецкие ученые констатируют причастность к нацистским преступлениям не только командования, но и рядовых вермахта. В своих работах они глубоко и основательно анализируют степень готовности солдат к «варварству» в отношении военнопленных и гражданского населения оккупированных областей, которые могут быть только «врагами» [56–59].

Заключение

Таким образом, в настоящее время накоплен значительный пласт исследований, посвященных Второй мировой войне. Сравнительный анализ российской, германской и британской историографии показывает, что на современном этапе присутствуют как общность подходов, связанная с интересом к повседневности войны, ее персоналиям, гендерному измерению, так и различия, обусловленные ролью и местом государства в военно-политическом противостоянии, но тема социальной сплоченности не нашла в них должного отражения. За семьдесят лет изучения Второй мировой и Великой Отечественной войн методология исследований

претерпела существенные изменения, что делает работы историков трех стран более монолитными на нынешнем этапе. Их объединяют мультидисциплинарность принципов, многофакторность и комплексность. В то же время все еще сохраняется значительный исследовательский потенциал, к которому можно отнести анализ проблем солидарности и единства в контексте войны. Поиск ответов на стоящие перед современным обществом вызовы делает актуальным обращение к изучению практик предшествующих эпох, особенно в период крупнейшего социального катаклизма в истории человечества.

Библиографические ссылки

1. Сенявская ЕС. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли. *Вестник Мининского университета* [Интернет]. 2016 [прочитано 21 марта 2019 г.]; 1–2. Доступно по: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/168>.
2. Касимов РН. Великая Отечественная война как символ в коллективной памяти россиян. В: Загребин АЕ, Воронцов ВС, Касимов РН, Черниенко ДА, редакторы. *Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона: научный альманах*. Ижевск: Шелест; 2017. с. 159–168.

3. Науменко ВЕ. «...Кто без боя отдаст свой дом и селение, тот не мужчина» (Великая Отечественная война в восприятии ингушского народа). *Наследие веков* [Интернет]. 2015 [прочитано 17 мая 2019 г.];1:63–71. Доступно по: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Naumenko.pdf.
4. Шабельникова НА. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии. *Клио*. 2019;1:36–42.
5. Воробьев СВ, Каширина ТВ. Историография коллаборационизма на оккупированных европейских и советских территориях в годы Второй мировой войны. *Вопросы истории*. 2019;6:157–169. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii-201905Statyi03.
6. Камардина НВ. Государство и идеология: опыт советского прошлого (на примере дальневосточного общества в 1941–1945 гг.). *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2016;2:7–11.
7. Коваленя АА. Идеино-политическое отстаивание белорусской государственности в годы Великой Отечественной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;4:10–18.
8. Коваленя АА. Отстаивать правду Великой Отечественной войны. *Проблемы управления*. 2015;2:25–32.
9. Чубарьян АО. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании. *Вестник Российской академии наук*. 2016;86(5):387–391. DOI: 10.7868/S0869587316050042.
10. Хришкевич ТГ. Вторая мировая война в восприятии современных немцев: поражение или освобождение? *Метаморфозы истории*. 2015;6:10–20.
11. Вдовин А. Великая Отечественная война и новая национальная политика СССР. *Свободная мысль*. 2015;6:93–114.
12. Быковская ГА, Македонская ВА. Вторая мировая война: православие и борьба с фашизмом. *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук*. 2016;2:31–36.
13. Цеханская КВ. Война и вера: религиозный аспект подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны. *Метаморфозы истории*. 2019;13:19–51.
14. Шкаровский МВ. *Нацистская Германия и Православная Церковь: нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР*. Москва: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья; 2002. 524 с. Совместное издание с «Общество любителей церковной истории».
15. Суркова ИЮ. Социальная инклюзия и сплоченность как принципы формирования современного российского патриотизма. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2012;3:160–167.
16. Ушакова НВ. Великая Отечественная война в истории моей семьи: мой дед – Мальченко Семен Андреевич. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2015;1:189–190.
17. Юраков ДМ, Старунская АА. Великая Отечественная война глазами моей семьи. *Концепт* [Интернет]. 2015 [прочитано 7 июня 2019 г.];25:6–10. Доступно по: <https://e-koncept.ru/2015/65304.htm>.
18. Бурмистрова Елизавета Е, Бурмистрова Екатерина Е. Великая Отечественная война в истории моей семьи. *Вестник науки и образования*. 2017;12(2):38–40.
19. Алиева ЛВ, Филиппова ТВ. Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны. *Метаморфозы истории*. 2015;6:21–47.
20. Барсукова НВ. Советские женщины на защите страны в годы Великой Отечественной войны. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017;5-3:29–31.
21. Шуняков ДВ. «Слабый пол» на войне. Награждение женщин-военнослужащих орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). *Военно-исторический журнал*. 2019;3:82–86.
22. Reynolds D. Britain, the Two World Wars, and the Problem of Narrative. *The Historical Journal*. 2017;60(1):197–231. DOI: 10.1017/S0018246X16000509.
23. Kramer A. Recent Historiography of the First World War (Part I). *Journal of Modern European History*. 2014;12(1):5–28. DOI: 10.17104/1611-8944_2014_1_5.
24. Jones H, Kandiah M, editors. *The Myth of Consensus: New Views on British History, 1945–64*. London: Springer; 1996. 186 p.
25. Harris J. War and Social History: Britain and the Home Front during the Second World War. *Contemporary European History*. 1992;1(1):17–35. DOI: 10.1017/S096077730000504X.
26. Calder A. *The Myth of the Blitz*. London: Pimlico; 2012. 320 p.
27. Smith HL. *Britain in the Second World War: A social history*. Manchester: Manchester University Press; 1996. 189 p.
28. Geyer M, Tooze A, editors. *The Cambridge History of the Second World War. Volume III. Total War: Economy, Society and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 833 p.
29. Fox J. Careless Talk: Tensions within British Domestic Propaganda during the Second World War. *Journal of British Studies*. 2012;51(4):936–966. DOI: 10.1086/666741.
30. Rose SO. *Which People's War? National Identity and Citizenship in Wartime Britain, 1939–1945*. Oxford: Oxford University Press; 2004. 328 p.
31. Vickers E. «The Forgotten Army of the Woods»: The Women's Timber Corps during the Second World War. *The Agricultural History Review*. 2011;59(1):101–112.
32. Gazeley I. Women's pay in British industry during the Second World War. *The Economic History Review. New Series*. 2008;61(3):651–671. DOI: 10.1111/j.1468-0289.2007.00412.x.
33. Taylor M. The People's Game and the People's War: Football, Class and Nation in Wartime Britain, 1939–1945. *Historical Social Research*. 2015;40(4):270–297. DOI: 10.12759/hsr.40.2015.4.270-297.
34. Броснат М. *Закат тысячелетнего рейха*. Москва: Яуза; 2005. 288 с. Совместное издание с «Эксмо».
35. Людтке А. *История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти*. Журавлев СВ, редактор. Москва: РОССПЭН; 2010. 270 с.
36. Maser W. *Das Regime: Alltag in Deutschland 1933–1945*. Berlin: Dietz Verlag; 1990. 461 S.
37. Grube F, Richter G. *Alltag im Dritten Reich: So lebten die Deutschen 1933–1945*. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag; 1982. 152 S.

38. Нольте Э. Фашизм в его эпохе: Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. Федоров АИ, переводчик. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2001. 568 с.
39. Bach M, Breuer S. *Faschismus als Bewegung und Regime: Italien und Deutschland im Vergleich*. Wiesbaden: VS Verlag; 2010. 420 S.
40. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. Москва: РОССПЭН; 2009. 256 с.
41. Фест ИК. Гитлер: биография: в 3 томах. Случ СЗ, Рахшмир ПЮ, редакторы. Пермь: Культурный центр «Алетейа»; 1993. 3 тома.
42. Мазер В. Адольф Гитлер: легенда, миф, реальность. Ясинская ЛИ, Завгородняя ГС, переводчики. Ростов-на-Дону: Феникс; 1998. 603 с.
43. Моммзен Х. Гитлер, немцы и 2-я мировая война. Москва: Германский исторический институт; 2008. 28 с.
44. Кноп Г. Генералы Третьего рейха. Москва: Астрель; 2006. 511 с.
45. Ackermann J. *Heinrich Himmler als Ideologe*. Göttingen: Musterschmidt; 1970. 317 S.
46. Wildt M. *Geschichte des Nationalsozialismus*. Stuttgart: UTB; 2008. 219 S.
47. Mommsen H. Die Realisierung des Utopischen: Die «Endlösung der Judenfrage» im «Dritten Reich». *Geschichte und Gesellschaft*. 1983;9(3):381–420.
48. Кноп Г. «Дети» Гитлера. Москва: Олма-Пресс; 2004. 285 с.
49. Bennecke H. *Hitler und die SA*. München: Günter Olzog Verlag; 1962. 230 S.
50. Corni G, Gies H. *Blut und Boden: Rassenideologie und Agrarpolitik im Staat Hitlers*. Idstein: Schulz-Kirchner Verlag; 1994. 227 S.
51. Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб: история и структура, 1657–1945. Москва: Центрполиграф; 2005. 478 с.
52. Моммзен Х. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933–1945 гг. В: Михалка В, редактор. *Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований*. Москва: Весь мир; 1997. с. 263–276.
53. Dieckmann C, Quinkert B, Tönsmeier T, Editoren. *Kooperation und Verbrechen: Formen der Kollaboration in Südost- und Osteuropa 1939–1945*. Göttingen: Wallstein Verlag; 2005. 320 S. (Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus; 19).
54. Longerich P. *Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung*. München: Piper; 1998. 772 S.
55. Angrick A. *Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943*. Hamburg: Hamburger Edition; 2003. 796 S.
56. Müller K-D, Nikischkin K, Wagenlehner G, Editoren. *Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und der Sowjetunion 1941–1956*. Köln: Verlag Böhlau; 1998. 478 S.
57. Müller R-D, Volkmann H-E, Editoren. *Die Wehrmacht. Mythos und Realität*. Oldenburg: Oldenbourg Wissenschaftsverlag; 1999. 1332 S.
58. Latzel K. *Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939–1945*. Paderborn: Ferdinand Schöningh; 1998. 429 S.
59. Rass C. «Menschenmaterial»: *Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945*. Paderborn: Ferdinand Schöningh; 2003. 486 S.

References

1. Senyavskaya ES. Military anthropology: experience of formation and development of new scientific branch. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Internet]. 2016 [cited 2019 March 21];1–2. Available from: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/168>. Russian.
2. Kasimov RN. [The Great Patriotic War as a symbol in Russians collective memory]. In: Zagrebin AE, Vorontsov VS, Kasimov RN, Chernienko DA, editors. *Istoriko-kul'turnoe nasledie slavyanskikh narodov Volgo-Kamskogo regiona: nauchnyi al'manakh* [Historical and cultural heritage of the Slavic peoples of the Volga-Kama region: scientific almanac]. Izhevsk: Shelest; 2017. p. 159–168. Russian.
3. Naumenko VE. «...Those who gives up without a fight for his home and village, he is not a man» (the Great Patriotic War in the perception of the Ingush people). *Naslediye vekov* [Internet]. 2015 [cited 2019 May 17];1:63–71. Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Naumenko.pdf. Russian.
4. Shabel'nikova NA. [A Great Victory in the memory of generations: World War II in contemporary historiography of the Far East]. *Klio*. 2019;1:36–42. Russian.
5. Vorobyov SV, Kashirina TV. Historiography of the collaboration in the occupied European and Soviet territories during the Second World War. *Voprosy istorii*. 2019;6:157–169. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201905Statyi03. Russian.
6. Kamardina NV. State and ideology: the experience of the Soviet past (an example of Far East society in 1941–1945). *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*. 2016;2:7–11. Russian.
7. Kavalenia AA. The ideological and political defending of the Belarusian statehood in the years of the Great Patriotic War. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;4:10–18. Russian.
8. Kovalenya AA. To defend the truth of the Great Patriotic War. *Problemy upravleniya*. 2015;2:25–32. Russian.
9. Chubaryan AO. World War II in contemporary historiography and public consciousness. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2016;86(5):387–391. DOI: 10.7868/S0869587316050042. Russian.
10. Khrishkevich TG. World War II in the Perception of the Modern Germans: Defeat or Liberation? *Metamorphoses of History*. 2015;6:10–20. Russian.
11. Vdovin A. The Great Patriotic War and the new national policy in the USSR. *Svobodnaya mysl'*. 2015;6:93–114. Russian.
12. Bykovskaya GA, Makedonskaya VA. Orthodoxy and fascism through years of Second World War: contradictions of connections. *Sovremennye problemy humanitarnykh i obshchestvennykh nauk*. 2016;2:31–36. Russian.
13. Tsekhanskaya KV. War and faith: the religious aspect of the development of the Soviet people in the years of the Great Patriotic War. *Metamorphoses of History*. 2019;13:19–51. Russian.

14. Shkarovskii MV. *Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya Tserkov': natsistskaya politika v otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR* [Nazi Germany and the Orthodox church: Nazi policy towards the Orthodox church and religious revival in the occupied territory of the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo Patriarshego podvor'ya; 2002. 524 p. Co-published by the «Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii». Russian.
15. Surkova IY. Social inclusion and solidarity as principles of the modern Russian patriotism formation. *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2012;3:160–167. Russian.
16. Ushakova NV. [The Great Patriotic War my family's history: my grandfather – Semen Andreevich Malchenko]. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2015;1:189–190. Russian.
17. Yurakov DM, Starunskaya AA. [The Great Patriotic War through the eyes of my family]. *Kontsept* [Internet]. 2015 [cited 2019 June 7];25:6–10. Available from: <https://e-koncept.ru/2015/65304.htm>. Russian.
18. Burmistrova Elizaveta E, Burmistrova Ekaterina E. The Great Patriotic war in the history of my family. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2017;12(2):38–40. Russian.
19. Alieva LV, Filippova TV. The female face of the War: women images in poster art at the period of World War II. *Metamorphoses of History*. 2015;6:21–47. Russian.
20. Barsukova NV. [Soviet women on the defense of the country during the Great Patriotic War]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2017;5–3:29–31. Russian.
21. Shunyakov DV. «Female gender» in war. Female soldiers award with orders and medals in Great Patriotic War of 1941–1945. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2019;3:82–86. Russian.
22. Reynolds D. Britain, the Two World Wars, and the Problem of Narrative. *The Historical Journal*. 2017;60(1):197–231. DOI: 10.1017/S0018246X16000509.
23. Kramer A. Recent Historiography of the First World War (Part I). *Journal of Modern European History*. 2014;12(1):5–28. DOI: 10.17104/1611-8944_2014_1_5.
24. Jones H, Kandiah M, editors. *The Myth of Consensus: New Views on British History, 1945–64*. London: Springer; 1996. 186 p.
25. Harris J. War and Social History: Britain and the Home Front during the Second World War. *Contemporary European History*. 1992;1(1):17–35. DOI: 10.1017/S096077730000504X.
26. Calder A. *The Myth of the Blitz*. London: Pimlico; 2012. 320 p.
27. Smith HL. *Britain in the Second World War: A social history*. Manchester: Manchester University Press; 1996. 189 p.
28. Geyer M, Tooze A, editors. *The Cambridge History of the Second World War. Volume III. Total War: Economy, Society and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 833 p.
29. Fox J. Careless Talk: Tensions within British Domestic Propaganda during the Second World War. *Journal of British Studies*. 2012;51(4):936–966. DOI: 10.1086/666741.
30. Rose SO. *Which People's War? National Identity and Citizenship in Wartime Britain, 1939–1945*. Oxford: Oxford University Press; 2004. 328 p.
31. Vickers E. «The Forgotten Army of the Woods»: The Women's Timber Corps during the Second World War. *The Agricultural History Review*. 2011;59(1):101–112.
32. Gazeley I. Women's pay in British industry during the Second World War. *The Economic History Review. New Series*. 2008;61(3):651–671. DOI: 10.1111/j.1468-0289.2007.00412.x.
33. Taylor M. The People's Game and the People's War: Football, Class and Nation in Wartime Britain, 1939–1945. *Historical Social Research*. 2015;40(4):270–297. DOI: 10.12759/hsr.40.2015.4.270-297.
34. Broszat M. *Zakat tysyacheletnego reikha* [Sunset of the Millennium Reich]. Moscow: Yauza; 2005. 288 p. Co-published by the «Eksmo». Russian.
35. Ludtke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [The history of everyday life in Germany: new approaches to the study of labor, war and power]. Zhuravlev SV, editor. Moscow: ROSSPEN; 2010. 270 p. Russian.
36. Maser W. *Das Regime: Alltag in Deutschland 1933–1945*. Berlin: Dietz Verlag; 1990. 461 S.
37. Grube F, Richter G. *Alltag im Dritten Reich: So lebten die Deutschen 1933–1945*. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag; 1982. 152 S.
38. Nolte E. *Der Faschismus in seiner Epoche: Die Action française. Der italienische Faschismus. Der Nationalsozialismus*. München: R. Piper & Co. Verlag; 1963. 633 S.
- Russian edition: Nolte E. *Fashizm v ego epokhe: Aks'on Fransez. Ital'yanskii fashizm. Natsional-sotsializm*. Fedorov AI, translator. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2001. 568 p.
39. Bach M, Breuer S. *Faschismus als Bewegung und Regime: Italien und Deutschland im Vergleich*. Wiesbaden: VS Verlag; 2010. 420 S.
40. Frei N. *Der Führerstaat: nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag; 2001. 335 S.
- Russian edition: Frei N. *Gosudarstvo fyurera. Natsional-sotsialisty u vlasti: Germaniya, 1933–1945*. Moscow: ROSSPEN; 2009. 256 p.
41. Fest IK. *Gitler: biografiya* [Hitler: biography]. Sluch SZ, Rakhshmir PYu, editors. Perm: Kul'turnyi tsentr «Aleteia»; 1993. 3 volumes. Russian.
42. Maser W. *Adol'f Gitler: legenda, mif, real'nost'* [Adolf Hitler: legend, myth and reality]. Yasinskaya LI, Zavgorodnyaya GS, translators. Rostov on Don: Feniks; 1998. 603 p. Russian.
43. Mommsen H. *Gitler, nemtsy i 2-ya mirovaya voyna* [Hitler, Germans and World War II]. Moscow: German historical institute; 2008. 28 p. Russian.
44. Knopp G. *General'y Tret'ego reikha* [Generals of the Third Reich]. Moscow: Astrel'; 2006. 511 p. Russian.
45. Ackermann J. *Heinrich Himmler als Ideologe*. Göttingen: Musterschmidt; 1970. 317 S.
46. Wildt M. *Geschichte des Nationalsozialismus*. Stuttgart: UTB; 2008. 219 S.
47. Mommsen H. Die Realisierung des Utopischen: Die «Endlösung der Judenfrage» im «Dritten Reich». *Geschichte und Gesellschaft*. 1983;9(3):381–420.

48. Knopp G. «*Deti» Gitlera* [Hitler's Children]. Moscow: Olma-Press; 2004. 285 p. Russian.
49. Bennecke H. *Hitler und die SA*. München: Günter Olzog Verlag; 1962. 230 S.
50. Corni G, Gies H. *Blut und Boden: Rassenideologie und Agrarpolitik im Staat Hitlers*. Idstein: Schulz-Kirchner Verlag; 1994. 227 S.
51. Gorlitz W. *Germanskii General'nyi shtab: istoriya i struktura, 1657–1945* [The German General staff: its history and structure, 1657–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2005. 478 p. Russian.
52. Mommsen H. [Opposition to Hitler and German society in 1933–1945]. In: Mikhalka V, editor. *Vtoraya mirovaya voina: Diskussii. Osnovnye tendentsii. Rezul'taty issledovaniia* [The Second World War: Discussions. The main trends. Research results]. Moscow: Ves' mir; 1997. p. 263–276. Russian.
53. Dieckmann C, Quinkert B, Tönsmeier T, Editoren. *Kooperation und Verbrechen: Formen der Kollaboration in Südost- und Osteuropa 1939–1945*. Göttingen: Wallstein Verlag; 2005. 320 S. (Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus; 19).
54. Longerich P. *Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung*. München: Piper; 1998. 772 S.
55. Angrick A. *Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943*. Hamburg: Hamburger Edition; 2003. 796 S.
56. Müller K-D, Nikischkin K, Wagenlehner G, Editoren. *Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und der Sowjetunion 1941–1956*. Köln: Verlag Böhlau; 1998. 478 S.
57. Müller R-D, Volkmann H-E, Editoren. *Die Wehrmacht. Mythos und Realität*. Oldenburg: Oldenbourg Wissenschaftsverlag; 1999. 1332 S.
58. Latzel K. *Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939–1945*. Paderborn: Ferdinand Schöningh; 1998. 429 S.
59. Rass C. «*Menschenmaterial*»: *Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945*. Paderborn: Ferdinand Schöningh; 2003. 486 S.

Статья поступила в редколлегию 28.08.2019.
Received by editorial board 28.08.2019.

УДК 327((47+57)+438)«1921-1939»:94(476-15)«1921-1939»

ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ОТ РИЖСКОГО ДОГОВОРА ДО ВОССОЕДИНЕНИЯ С БССР

Н. Н. МЕЗГА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Показана роль Западной Беларуси в советско-польских отношениях в 1939–1941 гг. Выявлено, что как для СССР, так и для Польши западнобелорусский вопрос не имел самостоятельного значения, а был элементом политики каждого из этих государств, направленной на достижение более широких внешнеполитических целей. Для советского руководства это была борьба за пересмотр того порядка вещей, который был установлен в Восточной Европе в рамках версальско-рижской системы международных отношений. Данная политика предполагала включение в состав Советского государства Западной Беларуси. Для Польши обладание Западной Беларусью было одним из важнейших условий обретения великодержавного статуса, без которого ей трудно было противостоять российско-германским «геополитическим тискам». Исход борьбы между СССР и Польшей за территорию Западной Беларуси был неразрывно связан с крахом версальской системы: он позволил осуществить воссоединение Западной Беларуси с БССР.

Ключевые слова: Западная Беларусь; Рижский договор; версальско-рижская система; СССР; Польша; международные отношения; белорусское национальное движение; воссоединение; Вторая мировая война.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2016–2020 гг.

ЗАХОДНЯЯ БЕЛАРУСЬ У САВЕЦКА-ПОЛЬСКИХ АДНОСІНАХ: АД РЫЖСКАГА ДАГАВОРА DA ЎЗ'ЯДНАННЯ З БССР

М. М. МЯЗГА^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Паказана роля Заходняй Беларусі ў савецка-польскіх адносінах у 1939–1941 гг. Выяўлена, што як для СССР, так і для Польшчы заходнебеларускае пытанне не мела самастойнага значэння, а было элементам палітыкі кожнай з гэтых дзяржаў, накіраванай на дасягненне больш шырокіх знешнепалітычных мэт. Для савецкага кіраўніцтва гэта была барацьба за перагляд таго стану рэчаў, які быў усталяваны ва Усходняй Еўропе ў рамках версальска-рыжскай сістэмы міжнародных адносін. Дадзеная палітыка прадугледжвала ўключэнне ў склад Савецкай дзяржавы Заходняй Беларусі. Для Польшчы валоданне Заходняй Беларуссю было адной з найважнейшых умоў атрымання вялікадзяржаўнага статусу, без якога ёй цяжка было супрацьстаяць расійска-германскім «геапалітычным ціскам». Зыход барацьбы паміж СССР і Польшчай за тэрыторыю Заходняй Беларусі быў неразрыўна звязаны з крахам версальскай сістэмы: ён дазволіў ажыццявіць уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь; Рыжскі дагавор; версальска-рыжская сістэма; СССР; Польшча; міжнародныя адносіны; беларускі нацыянальны рух; уз'яднанне; Другая сусветная вайна.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг.

Образец цитирования:

Мезга НН. Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019;4:17–26.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-17-26>.

For citation:

Miazga MM. Western Belarus in Soviet-Polish relations: from the Treaty of Riga to reunification with the BSSR. Journal of the Belarusian State University. History. 2019;4:17–26. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-17-26>.

Автор:

Николай Николаевич Мезга – доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета.

Author:

Mikalai M. Miazga, doctor of science (history), docent; head of the department of general history, faculty of history.
nmezga@gsu.by

WESTERN BELARUS IN SOVIET-POLISH RELATIONS: FROM THE TREATY OF RIGA TO REUNIFICATION WITH THE BSSR

M. M. MIAZGA^a

^a*Francisk Skorina Gomel State University, 104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus*

The article aims to show the role of Western Belarus in the Soviet-Polish relations in 1939–1941. It is revealed that for both the USSR and Poland the Belarusian question had no independent value, and was part of the policy of each of these states, aimed at achieving broader foreign policy goals. For the Soviet leadership, it was a struggle to revise the order of things that was established in Eastern Europe within the framework of the Versailles-Riga system of international relations. This policy assumed the inclusion of Western Belarus in the Soviet state. For Poland, the possession of Western Belarus was one of the most important conditions for achieving great power status, without which it was difficult to resist the Russian-German «geopolitical grip». The outcome of the struggle between the USSR and Poland for the territory of Western Belarus was inextricably connected with the collapse of the Versailles system, which made it possible to reunite Western Belarus with the BSSR.

Keywords: Western Belarus; Treaty of Riga; Versailles-Riga system; USSR; Poland; international relations; Belarusian national movement; reunification; Second World War.

Acknowledgments. The article is prepared within the framework of the state research programs task for 2016–2020.

Введение

В результате советско-польской войны 1919–1920 гг. Западная Беларусь отошла Польской Республике, что юридически оформил Рижский мирный договор. Белорусский народ оказался в двух разных государствах. Включение западнобелорусских земель в состав Польши имело значимые международно-политические последствия, существенно влияло на международную ситуацию в Восточной Европе и прежде всего на советско-польские отношения. Западная Беларусь стала полем острого противостояния между Советским государством и Польшей. Оно завершилось осенью 1939 г. воссоединением Западной Беларуси с БССР. Значимую роль в этом важнейшем для белорусского народа событии сыграл международно-политический фактор.

История Западной Беларуси остается одной из главнейших тем в белорусской историографии.

Еще в советский период ее приоритетным направлением было изучение политики польских властей и национально-освободительного движения на территории Западной Беларуси [1]. В современной белорусской историографии данной тематике по-прежнему принадлежит чрезвычайно важное место [2]. Ряд существенных проблем истории Западной Беларуси нашли отражение в последних фундаментальных публикациях белорусских историков [3; 4]. Значительно меньше внимания отечественная историография уделила изучению международно-политического аспекта нахождения Западной Беларуси в составе Польши. В данной статье мы попытаемся установить роль Западной Беларуси в советско-польском противостоянии на международной арене в межвоенный период.

Основная часть

Отношение советского руководства к Рижскому договору 1921 г. базировалось на тезисе о том, что он являлся результатом временной слабости Советской России и, в частности, территориальные уступки Западной Беларуси и Западной Украины были навязаны ей силой. В. Ленин в беседе с К. Цеткин отмечал, что заключение Рижского договора встретило сопротивление со стороны многих представителей советского руководства и ему пришлось выдержать «жесткий бой», чтобы были приняты тяжелые для Советской России условия мира [5, с. 19]. Рижский договор отражал соотношение сил в советско-польском противостоянии: в момент его подписания перевес был на стороне Польши. Далее на протяжении 1920–30-х гг. соотношение сил

менялось в пользу Советского государства, что обуславливало неустойчивость системы отношений, созданной Рижским договором, в том числе ставило под сомнение и прочность включения в состав Польши Западной Беларуси.

При анализе роли Западной Беларуси в советско-польских отношениях необходимо учитывать, что Польша рассматривалась в Москве как важнейший бастион версальской системы в Центрально-Восточной Европе. Выступая 22 сентября 1920 г. на IX Всероссийской конференции РКП(б), В. Ленин отмечал: «Польша... является настолько мощным фактором этой системы (версальской. – Н. М.), что, когда Красная армия поставила этот оплот под угрозу, зашаталась вся система»¹. В начале 1920-х гг.

¹Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 41. Май – ноябрь 1920. М., 1977. С. 282.

большевики считали версальскую систему основным препятствием на пути к мировой революции, и ликвидация Польши как буржуазного государства должна была стать крупным шагом в деле уничтожения этого препятствия. В. Ленин в одной из своих речей еще в мае 1920 г. заявил, что, если бы Польша стала советской, Версальский договор был бы разрушен². Мир с Польшей рассматривался главой Советского государства лишь как временная передышка. «Основная политика наша остается такая же. Мы используем любую возможность, чтобы перейти от обороны к наступлению», – заявлял В. Ленин [6, с. 31].

Ревизия постановлений Рижского договора, в том числе и определенной им границы, становится важнейшим элементом внешней политики Советской России / СССР. Для советского руководства ликвидация версальской системы и пересмотр установленной Рижским договором границы были неразрывно связаны между собой. И. Сталин в декабре 1925 г. в своем выступлении на XIV съезде ВКП(б) подчеркнул, что Версальский договор узаконил «потерю Украиной Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильно и прочее»³. Показав негативное отношение советского руководства к Версальскому договору, И. Сталин фактически обозначил и те его положения, ликвидации которых СССР намерен добиваться в первую очередь. Это советско-польская граница, которую установил Рижский договор, определенный И. Сталиным как элемент Версальской системы. По сути, ставилась задача включения в состав СССР Западной Украины и Западной Беларуси. Представители Советского государства иногда открыто говорили о неприемлемости границы, установленной Рижским договором. В апреле и августе 1924 г. бурную реакцию в Польше вызвали заявления председателя ЦИК Советской Украины Г. Петровского и руководителя советской делегации на переговорах с Англией Х. Раковского о непризнании включения в состав Польши территории Восточной Галиции⁴. Советское руководство, стремясь к ревизии положений Рижского договора, учитывало и то, что ведущие страны Запада не сразу его признали и критиковали Польшу за игнорирование ею права наций на самоопределение при заключении указанного договора.

Польская политическая элита исходила из того, что страна может сохранить свою независимость в условиях германо-российских «геополитических тисков» только приобретя статус великой державы.

Это подразумевало, что Польша должна представлять собой территориально крупное государство, а для этого ей необходимо было включить в свой состав «восточные кресы». Политический комитет Совета министров Польши на своем заседании 7 апреля 1923 г. одобрил положение, которое провозглашало, что обладание «восточными воеводствами» играет крайне важную роль для обретения Польшей великодержавного статуса⁵. Белорусский историк Г. Лазько, определяя значение для Польши контроля над «восточными кресами», обоснованно отмечает: «Виленица, Западная Беларусь, Западная Украина как бы создавали на востоке пояс безопасности для важнейших польских экономических, культурных и политических центров, отдаляя их от возможного вторжения противника» [6, с. 15]. Обладание Западной Беларусью и Западной Украиной имело большое значение и для польской политики Межморья. Министр иностранных дел Польши М. Сейда 8 июня 1923 г. заявил, что для установления прочного мира в Центрально-Восточной Европе необходима координация деятельности народов и государств от Балтики до Балкан [7, с. 161]. Территория Западной Беларуси являлась для Польши важнейшим элементом в той территориальной цепочке, которая связывала эти государства в единый комплекс.

Таким образом, после заключения Рижского договора сразу же определилась значимость Западной Беларуси во внешнеполитических планах как Советской России, так и Польши. Это превращало Западную Беларусь в важный участок советско-польского международно-политического противостояния.

Политика Советской России / СССР в отношении Западной Беларуси в первой половине 1920-х гг. развивалась в рамках общего курса на подталкивание мировой революции. Основные надежды Москвы на включение Западной Беларуси в состав БССР связывались с развертыванием в Польше, и в частности на территории Западной Беларуси, революционного движения. Революция в Польше предполагалась как одна из первых в процессе мировой революции, а включение в состав Польской Республики белорусских территорий рассматривалось как фактор, который должен был ускорить коммунистический переворот. Деятель польского и российского коммунистического движения Ю. Мархлевский в этой связи писал: «Мы отдавали себе отчет в том, что буржуазная Польша никогда не будет в состоянии удерживать господство над белорусскими крестьянами. <...>. Именно времен-

² Ленин В. И. Речь на XI выпуске красных командиров первых московских пулеметных курсов. 12 мая 1920 г. // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 54. Письма, ноябрь 1921 – март 1923. М., 1978. С. 426–427.

³ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М. ; Л. : Госполитиздат, 1926. С. 14.

⁴ Арх. внешней политики Рос. Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52 596. Т. 2. Л. 22.

⁵ O niepodległą i granice. [T. 5] : Protokoły Komitetu Politycznego Rady Ministrów, 1921–1926 / wstęp, wybór, oprac. i przygotowanie do druku M. Jabłonowski, W. Janowski. Warszawa : Akademia Humanist. im. A. Gieysztora, 2004. S. 147.

ное господство аграриев будет способствовать революции белорусских крестьян и ускорит процесс революции» [8, с. 13]. Еще один известный деятель революционного движения советский дипломат К. Радек, со своей стороны, отмечал, что в «лесах и болотах Белоруссии» не заключалось никаких жизненных интересов Советской России, а «обладание Белоруссией только осложнит экономическое положение польской буржуазии» [9, с. 64]. Один из руководителей БССР А. Червяков высказывал надежду, что «революция в Польше приближается и вернет Белоруссии оторванную от нее часть территории»⁶.

Советское руководство всячески способствовало подталкиванию революционного движения в Западной Беларуси, в частности содействовало развертыванию там партизанского движения. По сути, это была военно-диверсионная деятельность, организуемая с территории советских республик и официально именовавшаяся «активной разведкой». Тем самым Москва стремилась ослабить позиции Польши в «восточных кресах», что считалось важной предпосылкой укрепления внешнеполитического положения Советского государства в Восточной Европе. Советник полпредства в Варшаве, а затем полпред в Литве И. Лоренц в телеграмме на имя члена коллегии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) Я. Ганецкого 12 декабря 1922 г. отмечал, что наилучший способ противодействовать внешнеполитическим планам Польши на восточном направлении – это ослабить ее позиции в «восточных кресах», чтобы в конечном итоге ликвидировать польский коридор, который отделяет Советскую Россию от Литвы⁷.

Добиваясь ослабления позиций Польши в Западной Беларуси, советское руководство стремилось представлять себя в качестве защитника прав белорусов, проживающих на этой территории, и сеять среди них недовольство по отношению к польским властям. В начале 1923 г. И. Лоренц писал: «Нечего и подчеркивать, как важно для нас поддерживать недовольство в польских окраинах и создавать там тяготение в пользу советской власти»⁸. Правительства советских республик, затем СССР периодически направляли польскому правительству ноты протеста, которые содержали обвинения польских властей в притеснении белорусов и украинцев в Польше. Особенно бурная дискуссия по этому вопросу возникла между советским и польским руководством в мае – июне 1924 г. Польская сторона рассматривала советские требования как вме-

шательство во внутренние дела Польши и в конечном итоге отказалась отвечать на советские ноты⁹. Организация СССР периодических кампаний в защиту прав белорусов и украинцев в Польше наряду с организацией вооруженных выступлений в Западной Беларуси были направлены на то, чтобы, во-первых, способствовать формированию в «восточных кресах» просоветских настроений, а во-вторых, представить в негативном свете польскую политику на этих землях перед международным сообществом, продемонстрировать неспособность правительства Польши обеспечить стабильность на вошедших в ее состав территориях бывшей Российской империи, позиционировать Польшу как фактор нестабильности в Восточной Европе и подготовить европейское общественное мнение к осознанию необходимости присоединения Западной Беларуси и Западной Украины к СССР. Сами по себе права белорусов в Польше советское руководство волновали мало. Для подтверждения данного тезиса можно сослаться на инструкцию в связи с предстоящими советско-польскими переговорами, направленную НКВД полпреду в Варшаве П. Войкову 2 января 1925 г. Она предполагала поднять в ходе переговоров вопрос об автономии национальных окраин Польши, но при этом руководство СССР считало, что в возможном советско-польском соглашении ничего не следует говорить о правах белорусов и украинцев, проживающих в Польше, «прежде всего потому, что это было бы связано с окончательным признанием границ и удовлетворением встречных требований поляков»¹⁰.

Для Польской Республики после подписания Рижского договора важнейшая задача заключалась в прочной интеграции территории Западной Беларуси в свой состав. В первой половине 1920-х гг. эта задача решалась через проведение политики национальной ассимиляции. Один из лидеров польского правого политического лагеря С. Грабский в этой связи указывал, что белорусский и украинский вопросы в Польше могут быть решены только путем образования на всех землях государства польского национального большинства [10, с. 69–70], т. е. через национальную ассимиляцию. По его мнению, проблем с ассимиляцией возникнуть не должно, поскольку «катастрофа киевского похода показала, что украинского народа не существует... Еще меньше существует белорусский народ» [11, с. 42]. Этими положениями фактически руководствовались в своей политике на «кресах» польские власти в период парламентской республики.

⁶Борьба за советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. : сб. док. и материалов : в 2 т. Т. 2. Февраль 1919 г. – 1920 г. Минск : Беларусь, 1971. С. 571.

⁷АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 211а. Д. 133. Л. 48.

⁸Там же. П. 212. Д. 52 596. Л. 38.

⁹Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. Т. 4. Апрель 1921 г. – май 1926 г. М. : Наука, 1966. С. 292–298.

¹⁰АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 217. Д. 52670. Л. 1–4.

Середина 1920-х гг. внесла определенные изменения в политику как СССР, так и Польши в борьбе за территорию Западной Беларуси. В Москве эти изменения были связаны с тем, что в советском руководстве победила линия на построение социализма в одной стране. Это требовало поддержания нормальных межгосударственных отношений с капиталистическими странами. Без этого развитие хозяйственных связей с ними было невозможно, что значительно осложнило бы экономическое восстановление Советского государства. Поэтому политика подталкивания революции в соседних странах, в том числе и в Польше, отошла на второй план.

Фактом, свидетельствующим об определенной корректировке советским руководством политики по отношению к Польше, явилось решение политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1925 г. о свертывании так называемой «активной разведки» в отношении соседних государств¹¹. ЦК Коммунистической партии Западной Беларуси (далее – КПЗБ) весной 1925 г. принял решение о запрете вооруженных выступлений на территории Западной Беларуси. В следующие недели были расформированы партизанские отряды. Полное прекращение партизанского движения наступило во второй половине 1925 г. [12, с. 43]. Однако изменилась лишь тактика, Москва не отказалась от конечной цели – включения Западной Беларуси в состав СССР. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 18 декабря 1924 г. было решено, что начало переговоров с Польшей о заключении договора о ненападении не означает отказа СССР от идеи исправления советско-польской границы, установленной Рижским договором¹². Как можно заключить из решения политбюро ЦК ВКП(б), принятого 9 апреля 1925 г., для достижения этой цели руководство СССР планировало и дальше использовать национальные противоречия, чтобы ослабить Польскую Республику¹³. Однако в новой ситуации СССР избегал открытых выступлений в поддержку белорусского национального движения на территории Западной Беларуси. Процесс над Белорусской крестьянско-рабочей громадой (БКРГ) в Польше показал, что Москва ради своих геополитических интересов готова отказаться от поддержки белорусского национального движения в Польше. Со стороны советского руководства не было каких-либо попыток протестовать против репрессий в отношении деятелей БКРГ. Такой позиции требовал курс на стабилизацию отношений

с Польшей, отразившийся в стремлении к подписанию с ней договора о ненападении.

Сразу после Майского переворота 1926 г. были внесены коррективы и в польскую политику в отношении национальных меньшинств на территории «восточных кресов». Политический комитет Совета министров Польши 23 августа 1926 г. утвердил предложения министра внутренних дел, согласно которым проводившаяся до этого политика национальной ассимиляции признавалась ошибочной и провозглашался курс на проведение политики государственной ассимиляции. Она предусматривала ряд уступок национальным меньшинствам в культурно-образовательной сфере¹⁴. В 1927 г. было введено обязательное изучение белорусского языка в польских гимназиях в северо-западных воеводствах. Но при этом предполагалось подавление активных общественно-политических действий со стороны белорусов, примером чего служит разгром БКРГ. Причем в обвинительном акте в отношении руководителей БКРГ основной упор был сделан на ее подчинение Коммунистической партии Польши (далее – КПП) и КПЗБ, сотрудничество с Коминтерном и получение финансовой поддержки со стороны СССР [4, с. 68–72]. Громада рассматривалась польскими властями как инструмент советской политики на территории Западной Беларуси, целью которой было насаждение здесь советского влияния и ослабление позиций Польши.

В начале 1930-х гг. в советской внешней политике произошел поворот, в основе которого было стремление к сближению со странами – сторонниками версальской системы. Проявлением новой политики стала и активизация усилий по заключению договора о ненападении с Польшей. На заседании политбюро 25 января 1930 г. было принято решение указать полпреду в Варшаве строить свои отношения с польским МИД, исходя из того, что «в данный момент мы не заинтересованы в обострении отношений с поляками»¹⁵. На политику Москвы на польском направлении повлияли и результаты выборов в сейм 1930 г. на территории Западной Беларуси, где уверенную победу одержал санационный блок, а КПЗБ не провела ни одного кандидата. Тем самым стала очевидной несостоятельность надежд на развитие революционного движения в Польше. В июне 1931 г. пленум ЦК КПЗБ, безусловно, по указанию из Москвы принял решение окончательно отказаться от лозунга о праве трудящихся Западной Беларуси на самоопределение, которое пони-

¹¹Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 12–15.

¹²Там же. С. 10.

¹³Там же. С. 18.

¹⁴Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дак. і матэрыялаў : у 4 т. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.] ; рэдкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. Т. 2 : 19 сакавіка 1921 г. – 31 жніўня 1939 г. Мінск : Юніпак, 2012. С. 285–291.

¹⁵Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 55.

малось как присоединение к БССР. Это была реакция на то, что Ю. Пилсудский в ответ на советский зондаж высказался в пользу заключения советско-польского соглашения [13, с. 5]. Осенью 1931 г. политбюро активно проводило в своих решениях мысль о необходимости заключения договора о ненападении с Польшей¹⁶.

Среди известных историкам советских дипломатических документов рубежа 1920–30-х гг. отсутствуют те, в которых советское правительство выступало бы в защиту прав белорусов в составе Польской Республики. Заявление Польши в 1934 г. о денонсации Малого Версальского договора о защите прав национальных меньшинств на ее территории было связано со вступлением СССР в Лигу Наций и опасениями польского правительства, что Москва использует свое членство в этой организации для актуализации на международном уровне вопроса о правах национальных меньшинств на территории Западной Беларуси и Западной Украины. Однако отказ Польши от выполнения названного договора никакой негативной реакции Москвы не вызвал. Это еще одно подтверждение стремления руководства СССР с начала 1930-х гг. исключить из советско-польских отношений отрицательно влиявший на них вопрос о национальных меньшинствах.

Сигналом со стороны Москвы в адрес польского правительства о желании улучшить отношения стали также репрессии против деятелей белорусского национального движения. Польские политические круги следили за советской политикой на этом направлении. Так, 13 января 1934 г. из польского консульства в Минске была направлена телеграмма послу Польши в Москве, в которой сообщалось об арестах в БССР бывших деятелей БКРГ, прибывших сюда по обмену (дело Белорусского национального центра)¹⁷. Из факта этих репрессий в Польше сделали вывод, что белорусское национальное движение потеряло опору, которую оно до этого имело в лице СССР. После дела Белорусского национального центра, выступая 26 января 1934 г. на XVII съезде ВКП(б), И. Сталин отметил улучшение советско-польских отношений¹⁸. Но при этом советское руководство не отказалось от стремления влиять на происходящие в Западной Беларуси процессы, используя для этого Коминтерн. Так, политбюро на своем заседании 19 марта 1933 г. в очередной раз приняло решение о выделении денежных средств ЦК КП(б)Б для использования их на территории Польши¹⁹. Но делалось это теперь более осторожно и в более ограниченных масшта-

бах. Провозглашение советским руководством политики, направленной на создание системы коллективной безопасности, вовсе не означало отказа Москвы от стремления добиться изменений в политическом устройстве Восточной Европы, которое было установлено в рамках версальско-рижской системы международных отношений, в частности от включения в состав СССР Западной Беларуси. Менялись пути достижения этой цели. Подписание Восточного пакта резко усилило бы внешнеполитические позиции СССР и создало бы предпосылки для осуществления территориальных изменений в Восточной Европе. Налаживание отношений с Польшей должно было снять противодействие с ее стороны советским усилиям по заключению названного договора.

Польское правительство правильно оценило ситуацию, сложившуюся в связи с изменением советской политики в отношении Западной Беларуси и Западной Украины, и решило добиваться полного исключения проблемы этих территорий из советско-польских отношений. Польское посольство в Москве требовало прекратить выступления советской прессы на тему оккупации Польшей Западной Беларуси и Западной Украины. И, как отмечал польский посол в Москве Ю. Лукасевич, поляки во многом добились реализации своего требования. Летом 1933 г. в Польше находился К. Радек, являвшийся в то время редактором «Известий». От имени И. Сталина он предложил полякам «взаимно отказаться от раздувания национальных проблем в обеих странах» [14, с. 32–33].

«Восточные кресы» в 1930-е гг. продолжали играть важную роль во внешнеполитических планах польских правящих кругов, которые исходили из необходимости обретения Польшей великодержавного статуса. Решить эту задачу в тот момент планировалось прежде всего путем создания блока Межморья, и территория Западной Беларуси и Западной Украины должна была выполнить функцию моста, связывающего страны, расположенные между Балтийским и Черным морями. Поэтому для Польши крайне важно было твердо контролировать эти территории, добиться здесь стабилизации ситуации. Для достижения названной цели с начала 1930-х гг. «санационный режим» все больше делает ставку на репрессии. В марте 1931 г. в докладной записке посла Франции в Польше отмечалось, что продолжает осуществляться политика полонизации белорусского населения, при этом подчеркивалась «очень жесткая позиция правительства по отношению к белорусским интеллек-

¹⁶Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 62–64.

¹⁷Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дак. і матэрыялаў : у 4 т. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.] ; рэдкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. Т. 2 : 19 сакавіка 1921 г. – 31 жніўня 1939 г. Мінск : Юніпак, 2012. С. 335–336.

¹⁸Документы внешней политики СССР : в 24 т. Т. 17 : 1 января – 31 декабря 1934 г. М. : Политиздат, 1971. С. 85.

¹⁹Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дак. і матэрыялаў : у 4 т. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.] ; рэдкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. Т. 2 : 19 сакавіка 1921 г. – 31 жніўня 1939 г. Мінск : Юніпак, 2012. С. 329.

туалам» [4, с. 118–119]. Происходит окончательное возвращение к политике национальной ассимиляции. В ноябре 1933 г. новогрудский воевода С. Сви-дерецкий предложил ограничить на территории воеводства число белорусских культурных, просветительских, хозяйственных и политических организаций и не допускать создания новых. Проект был одобрен министром внутренних дел. А с 1936 г. в соответствии с подготовленным министерством внутренних дел проектом ускоренной ассимиляции белорусов началась ликвидация всех белорусских организаций [3, с. 359]. В начале декабря 1936 г. была запрещена деятельность Товарищества белорусской школы (ТБШ). По итогам парламентских выборов 1935 и 1938 гг. в сейме и сенате не оказалось ни одного белоруса – единственное крупное национальное меньшинство, не имевшее своих представителей в польском парламенте [3, с. 343].

Усиление репрессивной политики польских властей произошло тогда, когда они убедились, что белорусское национальное движение утратило опору в лице СССР. К этому времени стало очевидно, что не имеют шансов на успех и обращения представителей белорусского национального движения в Лигу Наций. В августе 1931 г. последовала жалоба Белорусского национального комитета в Праге на манипуляции польских властей при проведении выборов. Однако она осталась без ответа [15, с. 382]. В такой ситуации польское правительство в 1935 г. сделало вывод, что белорусская проблема в Польше не имеет первостепенного значения [16, с. 149]. Однако имеются свидетельства того, что в польских политических и военных кругах не все разделяли эту точку зрения. В рапорте командования 9-го корпуса от 21 октября 1936 г. отмечается, что на «кресах» становится модным заявление: «Я – белорус». По мнению командования корпуса, это создает угрозу, что в случае войны с СССР «восточные кресы» морально поддержат «первый удар врага»²⁰.

Польская политическая элита исходила из того, что для сохранения контроля над «восточными кресами» ни в коем случае нельзя допускать усиления позиций СССР в Европе. Именно этим во многом определялось негативное отношение Польши к Восточному пакту, согласно которому СССР становился бы важнейшим гарантом коллективной безопасности в Восточной Европе. В документах МИД Польши, датированных декабрем 1936 г., прослеживается мысль, что война возможной коалиции с участием СССР против Германии привела бы не просто к падению правительства Гитлера, а вызвала бы в Германии коммунистическую революцию.

При этом западные государства, будучи ослабленными войной, не смогли бы действительно помочь Польше противостоять коммунизму [6, с. 204]. Эти опасения поляков не были беспочвенными. Начальник Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) Л. З. Мехлис в своем выступлении на XVIII съезде ВКП(б) заявил, что Красная армия в случае возникновения войны с капиталистическими странами должна «перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик» [17, с. 109].

В конце 1930-х гг. сохранилась заинтересованность Москвы в налаживании сотрудничества с Польшей в связи с ростом агрессивности Германии. В частности, эту готовность должно было подтвердить решение Коминтерна о роспуске в 1938 г. КПП и ее филиалов – КПЗБ и Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). Под влиянием этого события в СССР появилось большое количество публицистических работ, в которых делалась попытка доказать, что лозунг присоединения к СССР Западной Беларуси и Западной Украины никогда не отражал официальной позиции советского правительства. Наличие этого лозунга в программных документах КПП объяснялось деятельностью внутри партии «провокаторов», выполнявших указание польской дефензивы и стремившихся «расстроить сближение народов, населяющих Польшу, с народами великого СССР» [18, с. 93].

Во время встречи с польским послом В. Гжибовским 20 октября 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин, перечисляя факторы, отрицательно влияющие на советско-польские отношения, не упомянул вопросы, связанные с Западной Беларусью и правами национальных меньшинств в Польше²¹. Эти проблемы не были упомянуты и в советско-польской декларации от 27 ноября 1938 г., символизировавшей потепление во взаимоотношениях двух стран в тот момент²². Во время беседы 10 мая 1939 г. с находившимся в Варшаве В. Потемкиным Ю. Бек заявил, что Польше, чтобы противостоять агрессии, нужна поддержка СССР. Советский дипломат подтвердил, что СССР окажет такую поддержку при наличии соответствующей просьбы со стороны Польши²³. Однако искренность этого заявления Ю. Бека вызывает сомнения. Отдел печати польского МИД 28 ноября 1938 г. сделал для германских журналистов конфиденциальное заявление. В нем подчеркивалось, что Польша считает излишним участие СССР в европейской политике,

²⁰Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дак. і матэрыялаў : у 4 т. / склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.] ; рэдкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. Т. 2 : 19 сакавіка 1921 г. – 31 жніўня 1939 г. Мінск : Юніпак, 2012. С. 349–350.

²¹Год кризиса, 1938–1939 : док. и материалы : в 2 т. / редкол.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Политиздат, 1990. Т. 1 : 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. С. 76.

²²Там же. С. 339.

²³Там же. С. 444.

а опубликованное совместное советско-польское коммюнике было представлено как результат советской инициативы²⁴. Поляки осознавали, что активное участие СССР в решении европейских проблем ослабит позиции Польши на международной арене и может повлечь потерю территорий на востоке.

Фактор Западной Беларуси учитывала в своей политике и германская дипломатия. В начале мая 1939 г. в МИД Германии был подготовлен аналитический доклад о советской внешней политике. В нем делался вывод, что участие СССР в антигерманской коалиции усилит его соседей в Европе, что для Москвы невыгодно. А вот выступление Советского Союза вместе с Германией против Польши могло бы помочь ему «вернуть старые белорусские и украинские земли, утраченные в пользу Польши» [19, с. 190]. Именно через заинтересованность СССР в отторжении от Польши Западной Беларуси и Западной Украины Германия видела путь к заключению с ним соглашения. В ходе состоявшейся 3 августа беседы В. Молотова с послом Германии Ф. Шуленбургом последний отметил: «Что касается германской позиции относительно Польши, то Германия не намерена предпринимать что-либо противоречащее интересам СССР»²⁵. А 12 августа временный поверенный в Берлине Г. Астахов писал В. Молотову: «Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) – это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»²⁶.

Вопрос о Западной Беларуси приобрел свою актуальность и в связи с советско-англо-французскими переговорами о создании системы коллективной безопасности. На переговорах военных миссий в Москве советская делегация однозначно заявила, что без положительного решения вопроса о пропуске советских вооруженных сил на территорию Румынии и Польши англо-франко-советская военная конвенция подписана быть не может²⁷. Категорический отказ Польши допустить войска Красной

армии на свою территорию (о мотивах такого решения польского правительства говорилось выше) стал одной из причин срыва переговоров о создании антигерманской коалиции.

Расчеты германской дипломатии на то, что договоренность с СССР может быть достигнута на основе согласия на территориально-политическое переустройство Восточной Европы, оправдались. Согласно секретному протоколу к советско-германскому договору о ненападении, Западная Беларусь отходила в сферу влияния СССР. Это и предопределило ее воссоединение с БССР осенью 1939 г. При этом секретный протокол предусматривал и передачу в состав Литвы Виленщины. В нем значилось, что «интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами»²⁸.

Советское руководство большое внимание уделяло обоснованию правомерности и необходимости вступления Красной армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины. Во-первых, акцент делался на распад Польской Республики, в силу чего перестали действовать межгосударственные договоры между СССР и Польшей, а также возникла необходимость взять под защиту население Западной Беларуси и Западной Украины. Причем распад Польской Республики связывался с крахом версальской системы в целом, об этом однозначно заявил нарком иностранных дел В. Молотов в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.²⁹ Во-вторых, советская публицистика и историография активно насаждали в общественном сознании тезис об исторических правах СССР на эти территории. В. Пичета писал, что Западная Украина и Западная Беларусь – «это исконно русские земли», входившие в «империю Рюриковичей. В этническом отношении их население составляло единое целое с прочими восточнославянскими племенами» [20, с. 3, 126]. По сути, это была констатация возврата Советского государства к имперской политике царской России.

Заключение

В целом вопрос о Западной Беларуси как единое целое с вопросом о Западной Украине играл важную роль в советско-польских отношениях. Однако он не имел для советского и польского руководства самостоятельного характера. Каждая из сторон доби-

валась его решения в интересах укрепления своих внешнеполитических позиций. Советское государство строило свою политику в отношении Западной Беларуси в контексте политики, направленной на ликвидацию того положения вещей, которое было

²⁴Год кризиса, 1938–1939 : док. и материалы : в 2 т. / редкол.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Политиздат, 1990. Т. 1 : 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. С. 118–119.

²⁵Год кризиса (1938–1939 г.) : док. и материалы : в 2 т. / редкол.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Политиздат, 1990. Т. 2 : 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. С. 162.

²⁶Там же. С. 185.

²⁷Там же. С. 218.

²⁸Там же. С. 321.

²⁹Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова о внешней политике Правительства. 31 октября 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://doc20vek.ru/node/1397> (дата обращения: 15.08.2018).

установлено в Восточной Европе в рамках версальско-рижской системы международных отношений. Цель советского правительства заключалась в том, чтобы восстановить в Европе позиции России, которые она имела до 1914 г. Это предполагало, в том числе включение в состав СССР Западной Беларуси. На протяжении 1920–30-х гг. менялись пути достижения этой цели. Москва не отказывалась от нее даже в те периоды, когда добивалась улучшения отношений с Польшей. Это был тактический ход, предполагавший иные, по сравнению с открыто конфронтационными, методы борьбы за политическое переустройство Восточной Европы.

Для Польши обладание Западной Беларусью, как и Западной Украиной, являлось необходимым условием обретения великодержавного статуса, к чему польская внешняя политика особенно отчетливо стремилась в 1930-е гг. Поэтому политика Польши в отношении Западной Беларуси была направлена на то, чтобы прочно интегрировать эту территорию в состав Польской Республики. Главным инструментом для достижения этой цели считалась ассимиляция белорусского населения северо-восточных воеводств.

В силу того что политика Москвы и Варшавы в отношении Западной Беларуси преследовала диаметрально противоположные цели, эта терри-

тория превратилась в объект острого противостояния между двумя государствами. Оно закончилось в пользу СССР тогда, когда во многом благодаря усилиям советского руководства была разрушена Версальская система. Возможность для воссоединения Западной Беларуси с БССР открыли пакт Молотова – Риббентропа и разгром Германией Польши. Это были трагические события, приведшие к развязыванию Второй мировой войны, а методы разрушения версальской системы противоречили принципам международного права, но именно сложившаяся международная ситуация позволила объединить основную белорусскую этническую территорию в составе одного государства, преодолев раздел Беларуси, существовавший после Рижского договора. Можно провести определенную аналогию с восстановлением независимости Польши в 1918 г. Р. Дмовский писал: «Если война 1914–1918 гг. была для всего мира катастрофой, с нашей, польской точки зрения, стала она чем-то превзошедшим границы смелых, наименее реальных мечтаний» [21, с. 113], имеется ввиду в плане создания условий для восстановления польской независимости. То же можно сказать о международной обстановке, сложившейся в начале Второй мировой войны и способствовавшей объединению Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Полуян ВА. *Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.)*. Минск: Наука и техника; 1978. 359 с.
2. Вабишчэвіч АМ. *Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)*. Брэст: БрДУ; 2008. 319 с.
3. Коваленя АА, Данилович ВВ, Боровская ОН, Вабищевич АН, Валаханович ИА, Великий АФ и др. *Рижский мир в судьбе белорусского народа, 1921–1953 гг. Книга 1*. Коваленя АА, Данилович ВВ, Жилинский МГ, Костюк МП, Лакиза ВЛ, Смехович НВ и др., редакторы. Минск: Беларуская навука; 2014. 593 с.
4. Вабищевич АН, Валаханович ИА, Данилович ВВ, Дюков АР, Зверев ЮВ, Карапузова АГ и др., составители. *Польша и Беларусь, 1921–1953: сборник документов и материалов*. 2-е издание. Минск: Беларуская навука; 2013. 422 с.
5. *Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Том 5. Воспоминания зарубежных современников*. Москва: Издательство политической литературы; 1969. 559 с.
6. Лазько РР. *Перад патапам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939)*. Мінск: БДУ; 2000. 354 с.
7. Lewandowski J. Pierwsze próby integracji Europy Środkowej po I wojnie światowej na tle rywalizacji polsko-czechosłowackiej. W: Gerber R, redaktor. *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Tom II*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; 1967. s. 145–164.
8. Мархлевский Ю. *Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией*. Москва: Государственное издательство; 1921. 44 с.
9. Радек К. *Внешняя политика Советской России*. Москва: Государственное издательство; 1923. 112 с.
10. Grabski S. *Uwagi o bieżącej historycznej chwili Polski*. Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka; 1922. 160 s.
11. Grabski S. *Z zagadnień polityki narodowo-państwowej*. Warszawa: Nakładem księgarni i składu nut Perzyński, Niklewicz i s-ka; 1925. 134 s.
12. Chojnowski A. *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939*. Wrocław: Ossolineum; 1979. 262 s.
13. Лазько РР. Крах Версальскай сістэмы ў Еўропе і аб'яднанне Беларусі. *Беларускі гістарычны часопіс*. 2009;11:3–7.
14. Лазько РР. Заходнебеларускае пытанне ў польска-савецкіх адносінах у пачатку 30-х гг. У: Брыгадзін ПІ, Ладзеў УФ, рэдактары. *Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі; 17–18 верасня 1999 г.*; Мінск, Беларусь. Мінск: БДУ; 2000. с. 30–37.
15. Mironowicz E. Problem białoruski w Drugiej Rzeczypospolitej na forum Ligi Narodów. W: Michaluk D, redaktor. *Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2007. s. 373–385.
16. Ślęzynski W. Między asymilacją narodową a państwową. W: Michaluk D, redaktor. *Stosunki polsko-białoruskie. Historia i współczesność*. Kraków: Avalon; 2013. s. 139–152.
17. Загладин НВ. *История успехов и неудач советской дипломатии*. Москва: Международные отношения; 1990. 232 с.

18. Свенцицкий Я. Провокаторы за работой (письмо из Варшавы). *Коммунистический Интернационал*. 1938;1: 92–94.
19. Торкунов АВ, Ротфельд АД, редакторы. *Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях*. Москва: Аспект Пресс; 2010. 823 с.
20. Пичета В. *Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство; 1940. 136 с.
21. Dmowski R. *Polityka polska i odbudowanie państwa*. 2-e wydanie. Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka; 1926. 533 s.

References

1. Poluyan VA. *Revolutsionno-demokraticeskoe dvizhenie v Zapadnoi Belorussii (1927–1939 gg.)* [The revolutionary-democratic movement in Western Belarus (1927–1939)]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1978. 359 p. Russian.
2. Vabishchjevich AM. *Nacyjanal'na-kul'turnae zhyccjo Zahodnjaj Belarusi (1921–1939 gg.)* [National and cultural life of Western Belarus (1921–1939)]. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2008. 319 p. Belarusian.
3. Kovalenya AA, Danilovich VV, Borovskaya ON, Vabishchevich AN, Valakhanovich IA, Velikii AF, et al. *Rizhskii mir v sud'be belorusskogo naroda, 1921–1953 gg. Kniga 1* [The Peace of Riga in the fate of Belarusian people, 1921–1953. Book 1]. Kovalenya AA, Danilovich VV, Zhilinskii MG, Kostyuk MP, Lakiza VL, Smekhovich NV, et al., editors. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 593 p. Russian.
4. Vabishchevich AN, Valakhanovich IA, Danilovich VV, Dyukov AR, Zverev YuV, Karapuzova AG, et al., compilers. *Pol'sha i Belarus', 1921–1953: sbornik dokumentov i materialov* [Poland and Belarus, 1921–1953: collection of documents and materials]. 2nd edition. Minsk: Belaruskaja navuka; 2013. 422 p. Russian.
5. *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine. Tom 5. Vospominaniya zarubezhnykh sovremennikov* [Memories of V. I. Lenin. Volume 5. Memories of foreign contemporaries]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1969. 559 p. Russian.
6. Lazko RR. *Perad patopam. Ewrapejskaja palityka Pol'shchy (1932–1939)* [Before the Flood. The European policy of Poland (1932–1939)]. Minsk: Belarusian State University; 2000. 354 p. Belarusian.
7. Lewandowski J. Pierwsze próby integracji Europy Środkowej po I wojnie światowej na tle rywalizacji polsko-czechosłowackiej. W: Gerber R, redaktor. *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Tom II*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; 1967. s. 145–164.
8. Markhlevskii Yu. *Voina i mir mezhduburzhuaiznoi Pol'shei i proletarskoi Rossiei* [War and peace, between the bourgeois Poland and proletarian Russia]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1921. 44 p. Russian.
9. Radek K. *Vneshnyaya politika Sovetskoi Rossii* [Foreign policy of Soviet Russia]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1923. 112 p. Russian.
10. Grabski S. *Uwagi o bieżącej historycznej chwili Polski*. Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka; 1922. 160 s.
11. Grabski S. *Z zagadnień polityki narodowo-państwowej*. Warszawa: Nakładem księgarni i składu nut Perzyński, Niklewicz i s-ka; 1925. 134 s.
12. Chojnowski A. *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939*. Wrocław: Ossolineum; 1979. 262 s.
13. Lazko RR. [The collapse of the Versailles system in Europe and the unification of Belarus]. *Belaruskii gistorychny chasopis*. 2009;11:3–7. Belarusian.
14. Lazko RR. [Western Belarus issue in Polish-Soviet relations in the early 30s]. In: Brygadin PI, Ladysew UF, editors. *Problemy wzjadnannja Zahodnjaj Belarusi z BSSR: gistoryja i suchasnasc'. Matjeryjaly mizhnarodnaj navukova-tjearyjetychnaj kanferencyi; 17–18 verasnja 1999 g.; Minsk, Belarus'* [Problems of reunification of Western Belarus with the BSSR: history and modernity. Proceedings of the international scientific-theoretical conference; 1999 September 17–18; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2000. p. 30–37. Belarusian.
15. Mironowicz E. Problem białoruski w Drugiej Rzeczypospolitej na forum Ligi Narodów. W: Michaluk D, redaktor. *Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2007. s. 373–385.
16. Ślęzynski W. Między asymilacją narodową a państwową. W: Michaluk D, redaktor. *Stosunki polsko-białoruskie. Historia i współczesność*. Kraków: Avalon; 2013. s. 139–152.
17. Zagladin NV. *Istoriya uspekhov i neudach sovetskoi diplomatii* [History of successes and failures of Soviet diplomacy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1990. 232 p. Russian.
18. Svetsitskii Ya. [Provocateurs at work (letter from Warsaw)]. *Kommunisticheskii Internatsional*. 1938;1:92–94. Russian.
19. Torkunov AV, Rotfeld AD, editors. *Belye pyatna – chernye pyatna: slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh* [White spots – black spots: complex issues in Russian-Polish relations: scientific publication]. Moscow: Aspekt Press; 2010. 823 p. Russian.
20. Picheta V. *Osnovnye momenty istoricheskogo razvitiya Zapadnoi Ukrainy i Zapadnoi Belorussii* [The main points of Western Ukraine and Western Belarus historical development]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo; 1940. 136 p. Russian.
21. Dmowski R. *Polityka polska i odbudowanie państwa*. 2-e wydanie. Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka; 1926. 533 s.

Статья поступила в редколлегию 26.09.2019.
Received by editorial board 26.09.2019.

ЛИСТОВКИ И ВОЗЗВАНИЯ ЦК КП(Б)Б К СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНАМ НА ОККУПИРОВАННОЙ ГЕРМАНИЕЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Э. МИРОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт истории и политических наук Белостокского университета,
пл. Независимого объединения студентов, 1, 15-420, г. Белосток, Польша

Советская пропаганда в Беларуси полностью контролировалась Центральным комитетом Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. Выявлено, что на начальном этапе Великой Отечественной войны она должна была дать однозначный ответ на вопросы о том, кто такие немцы, что для жителей СССР представляет собой война и какую позицию должен занять каждый советский гражданин. Пропаганда определяла оккупантов как убийц, кровавых извергов и чудовищ, целью которых было уничтожение, обращение в рабство и грабеж советского народа. Утверждалось, что война идет за биологическое выживание белорусского народа, а единственным способом для выживания является уничтожение врага. Выполнить свой долг перед народом и Родиной предлагалось с оружием в руках в партизанских отрядах либо же посредством оказания помощи партизанам. Выделено еще одно направление пропаганды – призыв не делать того, что потенциально может усилить немцев: уклоняться от вывоза на принудительные работы в Германию, не выполнять обязательные поставки продуктов питания, а главное – не служить в парамилитарных коллаборационистских структурах. Анализ листовок и воззваний показал, что большинство их было написано по-белорусски.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Беларусь; немецкая оккупация; советская пропаганда.

ЛІСТОЎКІ І АДЗВЫ КП(Б)Б ДА САВЕЦКІХ ГРАМАДЗЯН НА АКУПАВАНАЙ ГЕРМАНІЯЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ

Э. МІРАНОВІЧ^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі і палітычных навук Беларускага ўніверсітэта,
пл. Незалежнага згуртавання студэнтаў, 1, 15-420, г. Беласток, Польша

Савецкая прапаганда ў Беларусі цалкам кантралявалася Цэнтральным камітэтам Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі. Выяўлена, што на пачатковым этапе Вялікай Айчыннай вайны яна павінна была даць адназначны адказ на пытанні аб тым, хто такія немцы, што ўяўляе сабою вайна для жыхароў СССР, якую пазіцыю павінен заняць кожны савецкі грамадзянін. Прапаганда вызначала акупантаў як забойцаў, крыважэрных вылюдкаў і пачвар, мэты якіх – угон у няволю і рабаванне савецкіх народаў. Таму людзі былі ўпэўнены, што вайна ідзе за біялагічнае выжыванне беларускага народа. Адзіным шанцам на тое, каб выжыць, было вынішчэнне ворагаў. Галоўным спосабам выканання свай абавязак у дачыненні да народа і Айчыны прадстаўлялася ўзброеная барацьба ў партызанскіх атрадах або аказанне дапамогі партызанам. Вылучаны яшчэ адзін напрамак прапаганды – заклік не рабіць таго, што патэнцыйна магло б узмацніць немцаў: не выязджаць на прымусовую працу ў Германію, не выконваць абавязковыя пастаўкі прадуктаў харчавання, а галоўнае – не служыць у парамілітарных калабарацыянісцкіх структурах. Такім чынам, мэтай даследавання з’яўляюцца аналіз зместу лістовак і адозваў, выяўленне напрамкаў і вывучэнне паслядоўнасці прапагандысцкай працы. Аналіз лістовак і адозваў паказаў, што большасць з іх была надрукавана па-беларуску.

Ключавыя словы: Другая сусветная вайна; Беларусь; нямецкая акупацыя; савецкая прапаганда.

Образец цитирования:

Мірановіч Э. Лістоўкі і адозвы КП(Б)Б да савецкіх грамадзян на акупаванай Германіяй тэрыторыі Беларусі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2019;4:27–35.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-27-35>.

For citation:

Mironowicz E. Leaflets and appeals of the central committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus to the Soviet citizens in German-occupied Belarus. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;4:27–35. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-27-35>.

Автор:

Эугеніуш Мірановіч – доктар гістарычных навук, прафесар; заведуючы кафедрай міжнароднай палітыкі.

Author:

Eugeniusz Mironowicz, doctor of science (history), full professor; head of the department of international politics. ebma@interia.pl
<https://orcid.org/0000-0001-5317-8695>

LEAFLETS AND APPEALS OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS) OF BELARUS TO THE SOVIET CITIZENS IN GERMAN-OCCUPIED BELARUS

E. MIRONOWICZ^a

^a*Institute of History and Political Science, University of Białystok,
1 Niezależnego Zrzeszenia Studentów Square, Białystok 15-420, Poland*

The analysis of the content of the appeal leaflets was to show what the Soviet leadership set for the people responsible for propaganda. The image of the enemy presented to the Belarusian society convinced them to uncompromising fight. The propaganda also left no doubt that any work strengthening the occupants' potential was a betrayal of the Soviet homeland. It reminded that the loyalty of the inhabitants of occupied Belarus should be shown only to the Soviet authorities. The one more goal of the research was to show the effects of propaganda work. They were clearly visible. This was manifested by a powerful guerrilla movement on the territory of the republic and a small, compared to neighboring republics Lithuania and Ukraine, implementation of imposed standards for the supply of labor to Germany and food contingents.

Keywords: World War II; Belarus; German occupation; Soviet propaganda.

Уводзіны

Прапаганда з'яўлялася часткай вайны гітлераўскага і сталінскага рэжымаў у гады Вялікай Айчыннай вайны. На тэрыторыі акупіраванай Германіяй Беларусі і савецкі, і нямецкі бакі выкарыстоўвалі ўсе сродкі прапаганды для мабілізацыі ці запалохвання грамадства. Лістоўкі і адозвы, якія ствараліся ва ўмовах канспірацыі ці друкаваліся ў падпольных

тыпаграфіях, першапачаткова агітавалі савецкіх грамадзян бароцца з акупантамі, а пачынаючы з 1943 г. запэўнівалі насельніцтва ў непазбежным вяртанні камуністычнай сістэмы і абавязковым высвятленні таго, якім чынам кожны з тых, хто апынуўся пад нямецкай акупацыяй, выканаў свой абавязак перад савецкай Радзімай.

Вынікі і іх абмеркаванне

Надрукаваныя пераважна на аркушах невялікага памеру, лістоўкі і адозвы выступалі асноўным сродкам кантакту паміж савецкай уладай і грамадзянамі, якія апынуліся пад нямецкай акупацыяй. Фактычна яны выконвалі ролю падпольнай прэсы. Як вынікае з загаловаў лістовак, яны ствараліся для пэўных груп насельніцтва. Адрасатамі былі партызаны, радавыя савецкія грамадзяне, а таксама беларусы і прадстаўнікі іншых народаў СССР, якія праз нясенне службы ў паліцыі ці адміністрацыі падтрымлівалі акупантаў¹ [1].

У ліпені – жніўні 1941 г. ЦК КП(б)Б выдаў 10 адозваў да «працоўнага людзю», «працоўных і калгаснікаў», «жанчын» з заклікам ствараць партызанскія атрады, «знішчаць жывую сілу і тэхніку ворага», «пасіляць барацьбу за вызваленне Беларусі», «не даваць акупантам збожжа і прадукты харчавання» [1, с. 15–28]. Практычна ва ўсіх лістоўках, выдадзеных ЦК КП(б)Б у 1941 г., змяшчаўся заклік да барацьбы з акупацыйным рэжымам і дзейнасці па аслабленні нямецкага ваеннага патэнцыялу. У 1942 г. з'явіліся адозвы, якія мелі форму інструкцыі, якім чынам савецкія грамадзяне павінны паводзіць ся-

бе ва ўмовах панавання ворага, а таксама адозвы, якія ўступалі ў палеміку з нямецкай прапагандай. У большасці лістовак меўся падзагалавак: «Смерць нямецкім акупантам!» – і парада, як далей карыстацца выданнем: «Прачытаў – перадай другому»².

Лістоўкі, якія выдаваліся абласнымі, гарадскімі і раённымі камітэтамі партыі, былі падобнымі да тых, якія выдаваліся Цэнтральным камітэтам. Сутнасць адозвы ніжэйшага партыйнага ўзроўню была ідэнтычнай, аднак у іх выкарыстоўваліся лозунгі, якія гучалі крыху інакш. Толькі нязначная частка лістовак, якія выдаваліся райкамамі, змяшчала ўдакладненні да лістовак, выдадзеных кіраўніцтвам партыі [1, с. 103–349].

Найбольш радыкальна гучалі лістоўкі Цэнтральнага камітэта Ленінскага камуністычнага саюза моладзі Беларусі (ЛКСМБ). Моладзевая арганізацыя КП(б)Б менш клапацілася пра праўдзівасць зместу, стварала міфы аб гераізме маладых партызан, не ўлічвала рэальную сітуацыю [1, с. 351–447].

Кіраўніцтва КП(б)Б у 1942 г. звярнула ўвагу на вываз маладых людзей на прымусовую працу ў Германію. Было зразумела, што вывезеныя гра-

¹Большасць адозваў і лістовак, якія распаўсюджваліся ў Беларусі, былі выдадзены ў 1952 г. у зборніку, падрыхтаваным Інстытутам гісторыі партыі ЦК КП(б)Б. Некалькі соцен дакументаў, якія не прадстаўлены ў гэтым зборніку, знаходзяцца ў Музеі Вялікай Айчыннай вайны ў Мінску, Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі і Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь.

²Браты беларусы! Не пападайцеся ў нямецкую лавушку! [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-445&menu_id=289 (дата звароту: 06.03.2019).

мадзяне ўзмацняць эканамічны патэнцыял Германіі, і больш таго, пакідаючы тэрыторыю Беларусі, гэтыя людзі выйдуць з-пад кантролю савецкай улады. Адозва ЦК КП(б)Б да беларусаў пад назвай «Браты беларусы! Не пападайцеся ў нямецкую лавушку!» (1942) заклікала пазбягаць выезду на прымусовую працу ў Германію. «Помніце, хто едзе працаваць на нямецкія прадпрыемствы, паднімае руку супроць свайго народа. Ён едзе рабіць зброю, якой немцы збіраюцца разбураць нашы гарады і вёскі, забіваць бацькоў, братоў, сясцёр і дзяцей беларусаў, рускіх, украінцаў. Помніце – хто едзе ў Германію, таго чакае немінучая смерць. Фашысты хочуць знайсці для сябе не толькі дзяшовую, а нават дармавую рабочую сілу. Яны ставяць сваёй задачай зрабіць беларусаў, украінцаў, рускіх і другія славянскія народы рабамі нямецкіх паноў і баронаў»³ (тут і далей цытаты прыводзяцца з захаваннем арфаграфіі і пунктуацыі арыгінала. – Э. М.). Партыйныя ўлады давалі зразумець, што выезд на прымусовую працу ў Германію раўназначны здрадзе дзяржаве і народу. Пасля вайны менавіта так кваліфікавалі паднявольных рабочых, якія вярталіся з Германіі. Змест лістоўкі пераконваў беларусаў, што яны будуць працаваць да знясцення, таму што ў Германіі пануе голад, а прадуктаў харчавання не хапае нават немцам. Славянскія рабы, як пісалася ў лістоўцы, былі асуджаныя калі не на галодную смерць, то на смерць ад бомб саюзнікаў. Англічане фактычна штодзень бамбят нямецкія прамысловыя прадпрыемствы, а пад іх заваламі паміраюць пераважна паднявольныя рабочыя.

Лістоўка ЦК КП(б)Б пад назвай «Гітлер – вызваліцель» уяўляла сабой палеміку з нямецкай прапагандай пра вызваленчую місію вермахта ва Усходняй Еўропе. Фашысцкія плакаты сцвярджалі, што немцы з'явіліся для таго, каб вызваліць беларусаў з-пад бальшавіцка-яўрэйскага прыгнёту. Вышэйшы орган партыі беларускіх камуністаў запэўніваў: «Гітлер – сусветны забойца, вешальнік, пагромшчык. І, каб абяліць перад народамі свайго крывавага вар'ята, фашысцкія пустабрэхі спрабуюць давесці, што Гітлер, моў, прынёс беларускаму народу вызваленне. Ад чаго ж вызваліў Гітлер беларускі народ? Што за вызваліцель Гітлер?

Гітлер – вызваліцель ад вольнасці. Гэты крывавага забойца і разбойнік зняволіў беларускі народ, пазбавіў яго нацыянальнай самастойнасці

і дзяржаўнасці. Катаржную працу на немцаў, прымусовы вываз беларускіх людзей на нявольніцкія работы ў Германію, вісельніцы і засценкі гестапа – вось што даў Гітлер замест свабоды»⁴.

Далей аўтары пісалі пра тое, як Гітлер «вызваліў» беларусаў ад хлеба і зямлі. ЦК КП(б)Б інфармаваў жыхароў акупаванай краіны, што з моманту, калі «галодныя і вашывыя гітлераўскія банды»⁵ ўварваліся ў Беларусь, яны рабуюць ўсё: збожжа, жывёлу, птушак. Беларусы пазбавілі прадуктаў харчавання. У Віцебску, Мінску і Гомелі сотні людзей паміраюць ад голаду кожны дзень. У лістоўцы сцвярджалі, што Германія вядзе вайну, каб авалодаць беларускімі, украінскімі і расійскімі землямі і надзяліць імі нямецкіх памешчыкаў і баронаў.

Змест лістоўкі складаў выразны антытэзіс нямецкай прапаганды аб вызваленні, цывілізацыйнай місіі і Еўропе вольных народаў, у якой з дазволу Гітлера беларусы зоймуць пачэснае месца.

Абвяргала пастулаты нямецкай прапаганды і лістоўка 1942 г. пад назвай «Вялікі рускі народ – друг беларускага народа». ЦК КП(б)Б, выкарыстоўваючы ваенную рыторыку, заявіў, што нямецкая прапаганда шмат увагі і сіл надае таму, каб упэўніць народ, што «немец – друг беларуса, а рускі – вораг»⁶ [4]. У сувязі з гэтым грамадзянам Беларусі тлумачылі, што спачатку Германія хоча раз'яднаць славян, каб далей было прасцей зрабіць іх сваімі рабамі, таму што са згуртаванымі славянскімі народамі «немцам ніяк не справіцца»⁷. Прыгадвалася бітва пад Грунвальдам, дзе «аб'яднаныя сілы палякаў, беларусаў і рускіх»⁸ змаглі стрымаць нямецкую агрэсію, а таксама падзеі 1918 г., калі «рускія, беларусы і ўкраінцы аб'яднанымі сіламі выгналі нямецкіх захопнікаў з сваёй роднай зямлі»⁹. Пра ўдзел літоўцаў у бітве пад Грунвальдам не згадвалася, паколькі сучасныя літоўцы масава супрацоўнічалі з Германіяй. Прыклад 1918 г. не меў нічога агульнага з рэчаіснасцю, аднак для прапаганды гэта не мела значэння.

На адваротным баку лістоўкі ЦК КП(б)Б у форме лозунгаў звяртаўся да «Братоў беларусаў» (лозунг надрукаваны прапіснымі літарамі): «Дык адпомсцім-жа праклятым захопнікам за ўсё іх злачынствы!»; «Да зброі, браты-беларусы! Біце ненавіснага немца ўсюды, дзе яны ёсць. Немец прыйшоў да нас грабіць, не чакай ад немца дабра, воўк – не пастух, а свіння – не агародніца»¹⁰.

³Браты беларусы! Не пападайцеся ў нямецкую лавушку! [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-445&menu_id=289 (дата звароту: 06.03.2019).

⁴«Гітлер – вызваліцель» [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-454&menu_id=298 (дата звароту: 06.03.2019).

⁵Там жа.

⁶Вялікі рускі народ – друг беларускага народа [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-452&menu_id=296 (дата звароту: 06.03.2019).

⁷Там жа.

⁸Там жа.

⁹Там жа.

¹⁰Там жа.

У лістоўцы ЦК КП(б)Б «Да рабочых часова акупіраваных гарадоў Беларусі» (1942), акрамя сцверджання аб хуткай перамозе Чырвонай арміі, змяшчаўся заклік ісці шляхам французскіх працоўных. Чытачоў пераконвалі, што на прадпрыемствах акупіраванай Францыі часта псуецца абсталяванне, здараюцца аварыі і прастоі ў вытворчасці для нямецкай арміі. Заяўлялася, што ва ўсёй Еўропе сярод працоўных пануе нянавісць да гітлераўскіх бандытаў і прага помсты. Прапіснымі літарамі з выкарыстаннем падкрэслівання ў лістоўцы надрукавана: «На ўсходнім фронце гітлераўцы нясуць велізарныя страты. Руйнуюцца захопніцкія планы немцаў. Неабходна наблізіць пагібель ашалелых фашыстаў»¹¹.

«Дапамагайце партызанам, ахоўвайце іх ад здраднікаў» – так называлася лістоўка да насельніцтва Беларусі. У ёй партыйнае кіраўніцтва прыгадвала, што «абавязак кожнага чэснага чалавека дапамагаць партызанам усімі сродкамі»¹². Далейшы тэкст уяўляе сабой фактычна інструкцыю. Абавязкам савецкага грамадзяніна быў збор інфармацыі аб перамяшчэнні нямецкіх войскаў і карных атрадаў, дзейнасці здраднікаў-паліцаяў, размяшчэнні нямецкіх вайсковых штабаў і перадача гэтай інфармацыі партызанам. Прапіснымі літарамі было напісана: «Выяўляйце склады з боепрыпасамі, гаручым, харчаваннем, месцазнаходжанне аэрадромаў, колькасць на іх самалётаў – аб усім адразу-ж паведамляйце партызанам»¹³. Жыхароў папярэджвалі, што немцы часта пераапрацоўваюць, каб выглядаць як мясцовае насельніцтва, і разам з паліцаямі выдаюць сябе за партызан. Яны нібы шукаюць, дзе можна схаватца. У лістоўцы настойліва раілі пазбягаць якіх-небудзь размоў з незнаёмцамі пра партызан.

Да партызан і партызанак была адрасавана лістоўка з цытатамі І. Сталіна, дзе вызначалася іерархія мэтай партызанскай вайны. Прапіснымі літарамі было вылучана, што І. Сталін перш за ўсё заклікаў да знішчэння сродкаў сувязі і транспарту ворага. Далейшымі цэлямі нападу партызан павінны былі стаць нямецкія штабы і ваенная тэхніка. Партызанам і партызанкам тлумачылі, што «сувязь – тэлефонная, тэлеграфная, радыё – адыгрывае вялікую ролю ў боездольнасці арміі, у ажыццяўленні баявых аперацый, на ўзаемадзеянне вайсковых падраздзяленняў»¹⁴.

На пачатку 1942 г., калі кіраўніцтва СССР чакала чарговага наступлення нямецкіх войскаў маскоўскім

напрамку, Беларусь разглядалі як транзітную зону, праз якую ішло забеспячэнне вермахта. У Маскве лічылі, што для абмежавання баявой здольнасці нямецкай арміі неабходна паралізаваць шляхі камунікацыі ў Беларусі. Улічваючы гэтыя планы, штаб П. Панамарэнкі выдаў у маі 1942 г. загад аб знішчэнні чыгуначных шляхоў і рухомага саставу на ўсёй тэрыторыі Беларусі. Гэта задача была даведзена да партызан у форме лістоўкі, загалоўка якой быў надрукаваны прапіснымі літарамі і адлюстроўваў намеры кіраўніцтва партыі: «Мацней ўдар па камунікацыях ворага! Знішчайце фашысцкую гадзіну ў дарозе, не прапускайце да фронту ніводнага эшалона!»¹⁵. Далей гаворка ішла пра тое, як можна змагаюцца салдаты Чырвонай арміі з ворагам, які мае вялікую тэхнічную перавагу. Каб павялічыць шанцы на перамогу, партыя звярталася да партызан Беларусі: «Зараз, як ніколі, асабліва важны рашучыя ўдары па камунікацыях ворага. Войскі і танкі праціўніка прадстаўляюць сілу на полі боя, але, калі яны знаходзяцца ў эшалонах, яны безабаронны і могуць быць знішчаны невялікай групай партызан»¹⁶ [1, с. 52]. Паводле беларускага гісторыка К. Казака, у Беларусі за гады акупацыі былі знішчаны 11 128 адзінак ваеннага чыгуначнага транспарту, 34 бронецягнікі, 18 700 ваенных машын, а на фронт не дайшлі 1355 танкаў [2, с. 120]. Найбольшая колькасць акцый была праведзена ў маі – верасні 1942 г. У афіцыйнай беларускай гістарыяграфіі ёсць даныя, што ў красавіку 1942 г. былі зафіксаваны 65 нападаў на чыгуначныя шляхі, праз месяц – 145, а ў ліпені – 304 [3, с. 267]. Канцэнтрацыя дыверсійных дзеянняў у Беларусі з ваеннага пункта гледжання аказалася, аднак, памылковай, таму што новае нямецкае наступленне адбылося на паўднёвым фронце. Самай буйной дыверсійнай акцыяй на тэрыторыі акупіраванай Беларусі стала знішчэнне на чыгуначнай станцыі Асіповічы ў ноч на 30 ліпеня 1943 г. цягніка з поўнымі цыстэрнамі паліва. Выбух магнітнай міны пад адной з іх прывёў да выбуху 31 цыстэрны, складаў з авіябомбамі і артылерыйскімі снарадамі, танкаў, якія знаходзіліся на станцыі [4, с. 249].

У пераважнай большасці лістовак апісваліся нямецкія зверствы. Гэта павінна было пераканаць жыхароў Беларусі ў тым, што няма ніякіх маральных абмежаванняў у забойстве немцаў.

У адной з лістовак за снежань 1942 г. паведамлялася, што ў Мінску эсэсаўцы арганізавалі аблаву

¹¹ Да рабочых часова акупіраваных гарадоў Беларусі [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-494&menu_id=339 (дата звароту: 08.03.2019).

¹² Дапамагайце партызанам, ахоўвайце іх ад здраднікаў [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-502&menu_id=344 (дата звароту: 08.03.2019).

¹³ Там жа.

¹⁴ Дарагія браты! Беларускія партызаны і партызанкі! [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-503&menu_id=345 (дата звароту: 09.03.2019).

¹⁵ Мацней удар па камунікацыях ворага! Знішчайце фашысцкую гадзіну ў дарозе, не прапускайце да фронту ніводнага эшалона! [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-476&menu_id=320 (дата звароту: 11.03.2019).

¹⁶ Там жа.

ў раёне чыгуначнага вакзала, дзе сярод руін дамоў знайшлі 100 бяздомных дзяцей-сірот, якіх потым расстралялі. На адваротным баку змяшчалася пытанне-зварот, надрукаванае прапіснымі літарамі: «Таварышы! Няўжо мы даруем праклятым людзям? Няўжо мы спакойна будзем глядзець, як гэтыя вампіры смочуць нашу кроў? Помсціце ненавісным катом за ўсе іх злачынствы! Забівайце немцаў!»¹⁷ [1, с. 75].

Лістоўкі прапагандавалі патрыятычныя паводзіны на акупіраванай тэрыторыі. Па вядомых прычынах вышэйшую форму служэння савецкай айчыне дэманстравалі партызаны. У адной з лістовак ЦК ЛКСМБ змяшчалася пытанне-зварот да маладых беларусаў: «Ведаеш ты аб бясстрашным партызане Анатоліі К.? Прачытай і раскажы аб ім сваім таварышам»¹⁸. Змест лістоўкі распаўядаў пра 20-гадовага калгасніка Анатолія, які не мог сцяпець уладу нямецкага пана ў калгасе і яго здзекі над калегамі і вясковымі дзяўчатамі. Ён уцёк да партызан і ад таго часу дзясяткі немцаў загінулі ад куль, выпушчаных Анатоліем. Ён адзін уступіў у бой з 60 немцамі і мясцовымі паліцаямі, якія рабавалі адну з вёсак, і забіў шмат фашыстаў.

Падобна да Анатолія К. узорам паводзін для маладых беларусаў быў камсамалец Міхаіл Сільніцкі. Загаломак лістоўкі ЦК ЛКСМБ (май 1942 г.) гучаў так: «Знішчайце немцаў так, як камсамалец Міхаіл Сільніцкі»¹⁹. У некалькіх сказах аўтары паведамлялі, што першапачаткова малады партызан кулямётнымі чэргамі стрымліваў шалёны націск немцаў. Горы нямецкіх трупам сталі вынікам гэтай часткі бою. Калі скончыліся кулі, Сільніцкі страляў з нагана. Немцы спрабавалі ўзяць камсамольца ў палон, але той адбіваўся нажом і забіў трох ворагам. У лістоўцы не напісалі, чым скончыўся бой для Міхаіла Сільніцкага, а інфармавалі, што савецкі ўрад прысвоіў яму званне Героя Савецкага Саюза. Далейшы змест лістоўкі быў зваротам да беларускай моладзі: «Маладыя сыны Беларусі! Будзьце такімі, як Герой Савецкага Саюза, беларускі партызан Міхаіл Сільніцкі. Няхай кожны беларускі юнак, кожная беларуская дзяўчына гэтак-жа знішчаюць нямецкіх нягоднікаў, як Міхаіл Сільніцкі. Хочаш жыць – забі немца! – так гавораць сёння патрыёты савецкай радзімы. Хочаш выратаваць сваю родную Беларусь, сваю маладосць, свае шчасце – задушы нямецкага гада! Бі штыком, гранатай бі, бі чым

можаш, а забі!»²⁰ [1, с. 354–355]. Іншая лістоўка ЦК ЛКСМБ ад 28 верасня 1942 г. паведамляла пра маладога партызана Уладзіміра Курыленку, які атрымаў званне Герой Савецкага Саюза за забойства тысяч немцаў і падрыў пяці чыгуначных саставаў, якія ішлі для забеспячэння вермахта. «Калі я сёння забіў немца, – так, па словах аўтараў лістоўкі, гаварыў сваім таварышам У. Курыленка, – значыць, я не дарма пражыў дзень» [1, с. 380].

Заклікі да моладзі забіваць немцаў з’яўляліся вынікам цяжкага становішча Чырвонай арміі на фронце ў 1942 г. Верагодна, П. Панамарэнка і яго штаб ведалі, што паўтарэнне міфічных учынкаў Анатолія К., У. Курыленкі ці камсамольца Сільніцкага прывядзе да рэпрэсій і значна большай колькасці ахвяр сярод цывільнага насельніцтва Беларусі, чым сярод немцаў. Аднак пагроза была для існавання Савецкага Саюза. Жыццё яго грамадзян у той сітуацыі было другасным.

Татальны характар нямецка-савецкай вайны схіляў кіраўніцтва СССР да дзеянняў, якія б абмяжоўвалі ворагу доступ да прадуктаў харчавання і забеспячэння ў цэлым. Праз лістоўкі сялян заклікалі да байкоту абавязковых паставак прадуктаў харчавання для немцаў. «Не давайце хлеба гітлераўскім катом!» – чытаем у лістоўцы за лістапад 1942 г. «Фашысцкая сволач ужо разавіла рот на новы ўраджай. Немцы пачалі ў Беларусі нарыхтоўкі. Гэтыя “нарыхтоўкі” нічым не адрозніваюцца ад крадзяжу і рабавання»²¹ [1, с. 59]. Такім чынам партыя дэманстравала клопат пра лёс сялян, якіх абкрадалі. За іх кошт, як адзначалася, Гітлер жадае карміць сваіх катаў, якія паляць вёскі і забіваюць беларускіх дзяцей.

У сваю чаргу, нацысцкая прапаганда пісала пра тое, як некалькі год таму бальшавікі адабралі ў сялян зямлю і фактычна прымусілі іх існаваць на мяжы галоднай смерці. Немцы, якія вызвалілі сялян з няволі сталінскіх камісараў, жадалі толькі ўдзячнасці ў выглядзе паставак харчавання для «вызваліцеляў» і працягу прадуктыўнай працы.

Савецкая прапаганда не менш інтэнсіўна агітавала ўхіляцца ад выезду на работу ў Германію. З гэтай мэтай выдавалі спецыяльныя лістоўкі пад загалоўкам «Не давайце крываваму Гітлеру вывазіць нашых людзей у Германію! Знішчайце фашысцкіх вярбоўшчыкаў!»²² [1, с. 367]. У гэтай лістоўцы, выдзенай у ліпені 1942 г. ЛКСМБ, апісваўся лёс

¹⁷У Мінску немцы расстралялі сто дзяцей-сірот [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-545&menu_id=384 (дата звароту: 13.03.2019).

¹⁸Малады беларус! Ведаеш ты аб бясстрашным партызане Анатоліі К.? Прачытай і раскажы аб ім сваім таварышам [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-474&menu_id=318 (дата звароту: 13.03.2019).

¹⁹Знішчайце немцаў так, як камсамалец Міхаіл Сільніцкі [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-448&menu_id=292 (дата звароту: 14.03.2019).

²⁰Там жа.

²¹Не давайце хлеба гитлеровским палачам! [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-487&menu_id=332 (дата звароту: 14.03.2019).

²²Не давайце крываваму Гітлеру вывазіць нашых людзей у Германію! Знішчайце фашысцкіх вярбоўшчыкаў! [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-491&menu_id=335 (дата звароту: 16.03.2019).

славянскіх нявольнікаў, якіх вывезлі ў Германію. Выказванні тыпу «людзі мруць як мухі»; «хто паедзе ў Германію, назад не вернецца, а загіне» схілялі маладых людзей шукаць выхад з такой сітуацыі. А выхад бачыўся ў тым, каб ісці да партызан.

Немцы недахоп рабочай сілы і прадуктаў харчавання, якія планавалася адпраўляць у Германію, ліквідавалі падчас пацыфікацыі раёнаў, дзе не маглі дабіцца выканання вызначаных норм і павіннасцей.

Савецкая прапаганда аб беларускім нацыянальным руху. Прапагандысцкая машына ЦК КП(б)Б і падпарадкаваных яму структур працавала як супраць нямецкіх акупантаў, так і супраць беларускага нацыянальнага руху, які з усталяваннем нямецкага панавання ва Усходняй Еўропе звязваў надзеі на пабудову некамуністычнай беларускай дзяржавы. Адною са спроб стварэння цэнтра дзяржаўнай улады стала грамадская нацыянальная арганізацыя «Беларуская народная самапомач» (БНС). Яна з'явілася ў кастрычніку 1941 г. па ініцыятыве беларускіх дзеячаў, якія з 1939 г. супрацоўнічалі з Германіяй.

Напрыканцы 1941 г. рашэннем генеральнага камісара В. Кубэ БНС атрымала права на арганізацыю школьнага навучання, стварэнне культурна-асветніцкіх устаноў, выпуск перыядычных выданняў. У студзені 1942 г. была створана Цэнтральная рада БНС у складзе 10 чалавек, якая, як планавалі нацыянальныя дзеячы, у будучым стане ўрадам Беларусі.

В. Кубэ 29 чэрвеня 1942 г. выдаў распараджэнне аб Свабодным корпусе беларускай самааховы²³. Праз некалькі дзён з'явілася адозва БНС, падпісаная членамі Цэнтральнай рады, з заклікам да беларусаў уступаць у народнае войска. «Заклікаем усіх беларусаў, – пісалі ў адозве, – да стварэння Беларускай самааховы супраць узброеных бандаў, якія называюць сябе партызанамі, аднак адзінае што робяць – рабуюць. Служба ў Самаахове з'яўляецца пачэснай службай беларускаму народу»²⁴.

Вялікая арганізацыйная праца беларускіх дзеячаў была перакрэслена немцамі, якія не хацелі вырашэння беларускіх нацыянальных праблем нават у межах марыянеткавай дзяржавы. Мабілізаваным у беларускае войска сотням тысяч маладых мужчын яны прапанавалі службу ў паліцэйскіх батальёнах пад камандаваннем нямецкіх афіцэраў. БНС фармальна была распушчана ў красавіку 1943 г. Лёс гэтай арганізацыі падзялілі і ўдзельнікі Беларускага корпусу самааховы. Частка салдат была перавезена

на службу ў паліцыю, частку вывезлі на працу ў Германію, іншыя збеглі да партызан ці былі імі забіты [5, с. 320].

Стварэнне БНС стала сур'ёзным выклікам для савецкага падполля. За некалькі месяцаў да новага руху далучыліся дзясяткі тысяч беларусаў. Прапаганда Камуністычнай партыі ў лістоўках высула найбольш цяжкія абвінавачванні ў адрас сваіх апанентаў з нацыянальнай і палітычнай сферы. «Што такое “Беларуская самапомач”?»²⁵ – задаваліся пытаннем у загалоўку лістоўкі. І ніжэй адказвалі: «Гітлераўскія гады снуюць на беларускай зямлі агіднае шпіёнскае павуцінне, каб забытаць у яго наш народ. Пад шыльдай здрадніцкай “Беларускай самапомачы” яны хочуць насадзіць на Беларусі свой бандыцкі “новы парадак”»²⁶. І прапіснымі літарамі дадавалася: «Кожны беларус павінен ведаць, што “Самапомач” – гэта нямецкая пятля на шыі народа»²⁷.

Факт удзелу дзясяткаў тысяч беларусаў у дзейнасці структур БНС савецкая прапаганда трактавала выключна як інструмент нямецкай прапаганды. Яна не згадвала ні нацыянальны рух, ні яго мэты. Людзі, якія былі звязаны з гэтым асяроддзем, успрымаліся як калабарацыяністы і здраднікі, якім партыя давала шанец пазбавіцца ад ганьбы за супрацоўніцтва з акупантамі. За подпісамі сакратара ЦК КП(б)Б П. Панамарэнкі, старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР Н. Наталевіча і старшыні Савета народных камісараў БССР І. Былінскага выйшла лістоўка, якая была адрасавана старастам, паліцаям, служачым адміністрацыі і ўсім тым, хто быў ашуканы немцамі або пачаў «з-за страху служыць ворагу»²⁸. Кіраўнікі рэспублікі абяцалі памілаваць іх і іх сем'і пры ўмове, што здраднікі пачнуць «чэсна служыць савецкаму народу»²⁹.

У 1943 г. па распараджэнні Камуністычнай партыі да сваіх праціўнікаў падобным чынам стала звяртацца і кіраўніцтва партызанскіх атрадаў. Такі характар мела, напрыклад, лістоўка з прапановай камандавання мясцовага савецкага падполля да паліцаяў, якія неслі службу ў нямецкіх гарнізонах у Мозыры і Ельску. Камандзіры, імёны і прозвішчы якіх не былі пазначаны, прапагандавалі адрасатам перайсці, забраўшы зброю, на бок партызан і весці барацьбу супраць акупантаў. Савецкіх грамадзян, хто супрацоўнічаў з немцамі, пераконвалі ў хуткай перамозе Чырвонай арміі і непазбежным судзе за выкананне сваіх абавязкаў перад Айчы-

²³Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 380. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 32.

²⁴Там жа. Арк. 36.

²⁵Што такое «Беларуская самапомач»? [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-707&menu_id=527 (дата звароту: 17.03.2019).

²⁶Там жа.

²⁷Там жа.

²⁸Да старастаў, да паліцэйскіх, служачых гарадскіх упраў і камендатур, да ўсіх тых, хто абмануты нямецкімі захопнікамі, хто з-за страху служыць ворагу [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-497&menu_id=343 (дата звароту: 21.03.2019).

²⁹Там жа.

най. Шанцам на выратаванне сябе і сваёй сям’і быў пераход на савецкі бок і барацьба за вызваленне Айчыны ў шэрагах партызанскіх атрадаў³⁰. На адваротным баку лістоўкі была надрукавана песня, у якой ананімны аўтар прарочыў здраднікам кароткае жыццё ў чаканні «сабачай смерці»³¹. Паліцаям паказвалі безальтэрнатывную будучыню, у якой адзіным шанцам выжыць была адданая служба на баку І. Сталіна.

Восенню 1943 г. сітуацыя на фронце вымусіла немцаў выкарыстаць патэнцыял беларускага нацыянальнага руху. Па часе гэта супала з пачаткам актывізацыі савецкага руху супраціўлення, што фактычна стварыла сітуацыю грамадзянскай вайны ў Беларусі.

У канцы 1943 г. немцы змянілі тактыку і з мэтай мабілізацыі сіл вырашылі стварыць фіктыўныя структуры беларускай улады. Новы генеральны камісар К. фон Готберг прыйшоў да рашэнняў, якім да гэтага, будучы камандантам СС, рашуча супраціўляўся. Галоўнай мэтай паўстання беларускай дзяржаўнай улады было стварэнне ўзброеных падраздзяленняў, якія б змагаліся з партызанамі, а пазней – і з Чырвонай арміяй. Фактычна гэта азначала аднаўленне ідэй кіраўнікоў БНС. Немцы рэалізавалі свой план, добра ўсведамляючы часовасць ствараемых структур і наступствы для беларусаў пасля ўваходу Чырвонай арміі на тэрыторыю Беларусі.

У апошнія снежаньскія дні 1943 г. К. фон Готберг заявіў аб намеры стварыць новы орган улады ў Беларусі – Беларускую цэнтральную раду (БЦР) на чале з Р. Астроўскім у якасці прэзідэнта. Нямецкая беларускамоўная прапаганда распаўсюджвала міф пра БЦР як пра ўладу, якая прадстаўляе беларускі народ.

Містыфікацыя з утварэннем беларускай улады давала прававы падмурак для стварэння ваенных фарміраванняў пад назвай Беларуская краёвая абарона (БКА). Такая мера павінна была даваць салдатам дадатковую матывацыю ў барацьбе з партызанамі. Прызваных на ваенную службу адпраўляла ў бой улада, якая выступала ад імя народа і краіны, а не акупанты, якія палілі вёскі і забівалі насельніцтва. Беларускія камандзіры, нацыянальныя сімвалы, беларуская мова ў загадах – гэта былі фактары, якія павінны былі адрозніваць службу ў новаствораным войску ад паліцэйскіх фарміраванняў,

якімі камандавалі нямецкія афіцэры і малодшы камандны састаў.

Актывізацыя мабілізацыйнага руху на пачатку 1944 г. стала выклікам для савецкага падполля. У лістоўцы Шчучынскага раённага камітэта КП(б)Б «Прэч са злачыннай нямецкай мабілізацыяй» (сакавік 1944 г.) прызыў у беларускае войска апісваўся як рэалізацыя выключна нямецкага праекта: «Фашысцкія правадыры абвясцілі мабілізацыю беларускага насельніцтва ў Германскую армію. За кошт беларускіх мужчын і юнакоў нямецкія бандыты жадаюць папоўніць свае істотныя страты ў людской сіле і затрымаць магутнае наступленне Чырвонай арміі. Мабілізацыяй беларусаў гітлераўскія каты жадаюць у той самы момант забіць другога зайца – цалкам знішчыць цвет беларускага народа, кінуўшы яго ў вір братазабойчай вайны» (тут і далей пераклад наш. – Э. М.)³². Падобнага роду лістоўкі выходзілі і ў іншых раённых камітэтах партыі.

Мінскі камітэт КП(б)Б выдаў лістоўку пад назвай «Загад Прэзідэнта Беларускай Цэнтральнай Рады» за подпісам Р. Астроўскага, фармат і графічнае афармленне якой былі падобны да тых, што распаўсюджвалі акупацыйныя ўлады³³. Гэта была свайго роду маскіроўка, якая дазваляла хаця б на некалькі гадзін змясціць лістоўку ў грамадскіх месцах Мінска. У ёй адзначалася, што абвешчаная мабілізацыя мужчынскага насельніцтва быццам бы для абароны ад бандытаў насамрэч праводзіцца для абароны немцаў. «Працоўныя Мінска! Ведайце, што [абвешчаная Р. Астроўскім] мабілізацыя ёсць угон на фронт, дзе вас прымусяць ваяваць за крывавага Гітлера. <...> Памятайце, што мабілізацыя ёсць угон у нямецкую няволю. Мінчане! Ратуйце сваё жыццё, не прыходзьце на мабілізацыйныя пункты. Сыходзьце ў партызанскія атрады. Не дазволім нямецкім катар знішчыць новыя тысячы беларускага народа»³⁴.

Усім фарміраванням, якія былі звязаны з немцамі, была адрасавана лістоўка, падрыхтаваная рэдакцыяй газеты «Савецкі патрыёт». Яна, як і іншыя падпольныя выданні, была выданнем КП(б)Б. Лістоўка мела наступны падзагалавак: «Навошта вы забіваеце сваіх братоў, сясцёр, жонак, матак, дзяцей і бацькоў? Да салдат і афіцэраў “Беларускай краёвай абароны”. Да салдат, афіцэраў брыгады Камінскага і літоўскіх частак»³⁵. Гэта быў заклік да выкуплення сваёй віны ў дачыненні да савецкай Айчыны.

³⁰Добровольцам-казакам і поліцэйскім Мозырскага і Ельскага гарнізонаў [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-505&menu_id=347 (дата звароту: 22.03.2019).

³¹Там жа.

³²Долой преступную немецкую мобилизацию! [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-508&menu_id=350 (дата звароту: 10.04.2019).

³³Загад Прэзідэнта Беларускай Цэнтральнай Рады [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-444&menu_id=288 (дата звароту: 19.04.2019).

³⁴Там жа.

³⁵Зачем вы убиваете своих братьев, сестер, жен, матерей, детей и отцов? К солдатам и офицерам Белорусской краевой обороны. К солдатам, офицерам бригады Каминского и литовских частей [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-446&menu_id=290 (дата звароту: 23.04.2019).

З канца 1943 г. такіх адозваў да савецкіх грамадзян, якія змагаліся на баку немцаў, было шмат. Да іх масавага з'яўлення падштурхнула вярбоўка Рускай народнай брыгады СС на чале з палкоўнікам У. Радзіонавым, якая пасля пераходу на бок партызан стала называцца I антыфашысцкая партызанская брыгада. Да тых, хто заставаўся на службе ў немцаў, партыя звярталася такім чынам: «Па загаду нямецкіх фашыстаў паліце вёскі, тысячамі забіваеце жанчын, дзяцей і старых, дапамагаеце немцам рабаваць сваю радзіму. Ваша барацьба супраць партызан ёсць злачынствам перад народам. У хуткім часе Чырвоная армія зноў абрушыць усю моц сваёй зброі супраць нямецкіх захопнікаў. Немцы не застануцца на гэтай зямлі. Вось чаму яны спрабуюць вашымі рукамі да падыходу частак Чырвонай арміі знішчыць усё жывое, а пры сваім адыходзе яны знішчаць таксама і вашы дамы.

Немцам ёсць куды ўцякаць, у іх ёсць іх радзіма – Германія, але куды пабяжыце вы? Слуцкі памешчык, халуй Астроўскі не мае радзімы і ніколі не меў яе. Па загадзе Гітлера ён гвалтоўна мабілізаваў вас і “Краёвую абарону” і зараз, не шкадуючы вашага жыцця, пад камандаваннем нямецкіх афіцэраў

гоніць вас на верную смерць. Мы ведаем, што шмат хто з вас не жадае ваяваць супраць свайго народа, але вас запалохалі жорсткасцю партызан. Не верце нямецкай брахні. Тых, хто перайшоў на бок партызан і здаўся ў палон, не расстрэльваюць...»³⁶. Аўтары гэтай лістоўкі пераконвалі сваіх чытачоў, што адзіным шанцам выжыць з'яўляецца барацьба ў шэрагах партызанскіх атрадаў супраць сваіх былых гаспадароў. Тысячы паліцаяў і салдат БКА, якія збеглі да партызан, з'яўляюцца сведчаннем таго, што заснаваная на рацыянальных аргументах прапаганда мела чакаемы вынік.

Адозвы, адрасаваныя маладым людзям, з заклікамі перайсці на іншы бок фронту падтрымлівалі лістоўкі, дзе гаварылася пра набліжэнне Чырвонай арміі да межаў Беларусі, змяшчалася інфармацыя пра чарговыя паражэнні Германіі і пра сотні тысяч нямецкіх салдат, якія траплялі ў палон³⁷. Загалоўкі іншых лістовак інфармавалі пра хуткае паражэнне гітлераўскай Германіі, капітуляцыю Італіі і поспехі войск саюзнікаў на заходнім фронце³⁸. У такой сітуацыі вельмі цяжка было матываваць прызваных на службу ў БКА да барацьбы за прайграную справу на баку саюзніка, які пацярпеў паражэнне.

Высновы

Савецкая прапаганда ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны цалкам кантралявалася Цэнтральным камітэтам Камуністычнай партыі (большавікоў) Беларусі. На пачатковым этапе вайны яна павінна была даць адназначны адказ на пытанні аб тым, хто такія немцы, што ўяўляе сабою вайна для жыхароў СССР і якую пазіцыю павінен заняць кожны савецкі грамадзянін. Прапаганда вызначала акупантаў як забойцаў, крываверных вылюдкаў і пачвар, мэтай якіх былі знішчэнне, угон у няволю і рабаванне савецкіх народаў, а таму ўпэўнівала, што вайна ідзе за біялагічнае выжыванне беларускага народа. У гэтых умовах прапаганда адзначала, што для таго, каб выжыць, неабходна арга-

нізаваць масавае супраціўленне акупацыйным войскам. Рэалізаваць гэты намер планавалі з дапамогай узброенай барацьбы партызанскіх атрадаў. Тыя ж, хто не мог пайсці ў партызаны, павінны былі аказваць ім усялякую дапамогу.

Другім напрамкам прапаганды стаў заклік не рабіць нічога, што патэнцыйна магло даць перавагу немцам. ЦК КП(б)Б заклікаў не выязджаць на прымусовую працу ў Германію, не выконваць абавязковыя пастаўкі прадуктаў харчавання, а галоўнае – не падтрымліваць беларускія калабарацыйніцкія структуры, не служыць у іх парамілітарных фарміраваннях. Пераважная большасць лістовак і адозваў ЦК КП(б)Б была надрукавана па-беларуску.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гарбуноў ЦС, Новікава ФА, Кожар ІП, рэдактары. *Зборнік лістовак усенароднай партызанскай барацьбы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944 гг.)*. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР; 1952. 545 с.
2. Козак К. Формы и состояние противостоящих сил в условиях германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. В: Козак К, Літвін А, Сідарцоў У, рэдактары. *Генацыд у Другой сусветнай вайне. Праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца)*. Мінск: БДУ; 2003. с. 116–132.
3. Коваленя А, рэдактар. *Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945*. Мінск: Белорусское телеграфное агентство; 2005. 540 с.
4. Новік Я, Марцуль Г, рэдактары. *Гісторыя Беларусі. Частка 2*. Мінск: Вышэйшая школа; 1998. 464 с.
5. Шыбека З. *Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002)*. Мінск: Энцыклапедыкс; 2003. 490 с.

³⁶Зачем вы убиваете своих братьев, сестер, жен, матерей, детей и отцов? К солдатам и офицерам Белорусской краевой обороны. К солдатам, офицерам бригады Каминского и литовских частей [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-446&menu_id=290 (дата звароту: 23.04.2019).

³⁷Чырвоная Армія наступае! [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-550&menu_id=389 (дата вароту: 12.05.2019).

³⁸Близится крах гитлеровской Германии [Электронны рэсурс]. URL: http://old.nlb.by/vov70/index.php?path=/catalogue/view-443&menu_id=287 (дата звароту: 12.05.2019).

References

1. Garbunow CS, Novikava FA, Kozhar IP, editors. *Zbornik listovak usenarodnaj partyzanskaj barac'by w Belarusi w gady Vjalikaj Ajchynnaj vajny (1941–1944 gg.)* [A collection of leaflets of guerrilla war in Belarus during the Great Patriotic War 1941–1944]. Minsk: Dzjarzhawnae vydavectva BSSR; 1952. 545 p. Belarusian.
2. Kozak K. [Forms and state of antagonistic forces in the condition of German occupation in Belarus in 1941–1944]. In: Kozak K, Litvin A, Sidarcow U, editors. *Genacyd u Drugoj susvetnaj vajne. Problemy dasledavannja (u pamac' ahvjar Trascjanca)* [Genocide in the World War II. Problems of research (in memory of the victims of Trostenets)]. Minsk: Belarusian State University; 2003. p. 116–132. Russian.
3. Kovalenya A, editor. *Belarus' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941– 1945* [Belarus during the Great Patriotic War 1941–1945]. Minsk: Belarus Telegraph Agency; 2005. 540 p. Russian.
4. Novik Ja, Marcul' G, editors. *Gistoryja Belarusi. Chastka 2* [The history of Belarus. Part 2]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1998. 464 p. Belarusian.
5. Shybeka Z. *Narys gistoryii Belarusi (1795–2002)* [An outline of the history of Belarus (1795–2002)]. Minsk: Jen-cyklapedyks; 2003. 490 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 11.07.2019.
Received by editorial board 11.07.2019.

Становление государственной независимости Индии: революция и прогресс

Станаўленне дзяржаўнай незалежнасці Індыі: рэвалюцыя і прагрэс

Formation of state independence of India: revolution and evolution

УДК 141.821/822+321.728

НАЗАД В БУДУЩЕЕ? КРИЗИС КОНСТИТУЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ И СЛЕДЫ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПРОШЛОГО

Н. ШУБХРА¹⁾

¹⁾Делийский университет им. Бхимао Амбедкара,
AUD Kashmere Gate Campus, Lothian Road, Kashmere Gate, 110006, г. Дели, Индия

Сегодня во всем мире ведутся дебаты относительно целесообразности выбора тех форм демократии, которые установились в различных государствах с течением времени. Само значение демократии и ассоциации, связанные с данным понятием и сопутствующими ему политическими формами, подвергались изменениям в переломные моменты истории. Эти изменения были вызваны как эволюционными, так и революционными импульсами, которые расширили или трансформировали и существовавшее ранее понимание демократии, и взаимоотношения между ее формами и обществом. Наиболее прочным историческим продуктом, который возник с наступлением капитализма с его философской основой в политическом либерализме, является ассоциация демократии со свободой и равенством. Доминирование капиталистической либеральной демократии придало такую устойчивость этой ассоциативной связи, что в политике демократия больше не может быть представляема никаким другим образом и связанные с ней значения понятий «свобода» и «равенство» самоочевидны и присущи не только самой этой концепции, но и капитализму в целом. В статье ставится под сомнение такое антиисторическое понимание концепции демократии. Рассматривается изначальная история споров о содержании данной концепции и о конституционной демократии как наиболее устойчивой демократической политической форме. Превосходство национальных границ над идеей мирового гражданства создало напряжение в самом фундаменте конституционной демократии. Ценности свободы и равенства, заложенные в конституции и основанные на либеральном общественном договоре, сегодня подорваны более, чем когда-либо, поскольку и транснациональный капитал, и мировое гражданство выходят за пределы допустимого конституцией. Такое положение дел привело и концепцию демократии, и ее политические формы в состояние кризиса. Может ли новое обращение к отринутым в прошлом соображениям о значении и формах демократии дать нам какое-либо представление о том, как преодолеть конституционный кризис сегодня? Если значение демократии и связанные с ней ассоциации не вечны, а определяются историческим развитием, можем ли мы понимать их в рамках иных политических соображений?

Образец цитирования:

Шубхра Н. Назад в будущее? Кризис конституционной демократии и следы большевистского прошлого. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;4:36–46 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-36-46>.

For citation:

Shubhra N. Back to the future? Crisis of constitutional democracy and traces of a Bolshevik past. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;4:36–46.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-36-46>.

Автор:

Нагалиа Шубхра – доцент факультета гуманитарных наук.

Author:

Nagalia Shubhra, associate professor at the school of human studies.
shubhra@aud.ac.in

Ключевые слова: конституционная демократия; большевизм; либеральный контракт; Карл Маркс; революционные генеалогии.

Благодарность. Автор благодарит профессора Арчану Упадуэй за ее постоянный интерес к настоящей работе и Индийский совет исследований в области социальных наук (ICSSR) за финансовую поддержку. Предыдущая версия статьи была представлена на конференции «Конституционная демократия: опыт Индии в сравнительной перспективе», организованной Университетом Джулиуса Максимилиана, Вюрцбургским университетом и Университетом им. Джавахарлала Неру, Комиссией по университетским грантам и Германской службой академических обменов.

НАЗАД У БУДУЧЫНІЮ? КРЫЗІС КАНСТЫТУЦЫЙНАЙ ДЭМАКРАТЫІ І СЛЯДЫ БАЛЬШАВІЦКАГА МІНУЛАГА

Н. ШУБХРА^{1*}

^{1*} Дэліўскі ўніверсітэт імя Бхімраа Амбедкара,
AUD Kashmere Gate Campus, Lothian Road, Kashmere Gate, 110006, г. Дэлі, Індыя

Сёння ва ўсім свеце вядуцца дэбаты адносна мэтазгоднасці выбару тых форм дэмакратыі, якія з цягам часу ўстанавіліся ў розных дзяржавах. Само значэнне дэмакратыі і асацыяцыі, звязаныя з дадзеным паняццем і палітычнымі формамі, якія спадарожнічаюць яму, змяняліся ў пераломныя моманты гісторыі. Гэтыя змены былі выкліканы як эвалюцыйнымі, так і рэвалюцыйнымі імпульсамі, якія пашырылі або трансфармавалі і ранейшае разуменне дэмакратыі, і ўзаемаадносіны паміж яе формамі і грамадствам. Найбольш трывалым гістарычным прадуктам, які ўзнік пасля прыходу капіталізму з яго філасофскай асновай у палітычным лібералізме, з'яўляецца асацыяцыя дэмакратыі са свабодай і роўнасцю. Дамінаванне капіталістычнай ліберальнай дэмакратыі надало такую ўстойлівасць гэтай асацыяцыі і сувязі, што ў палітыцы дэмакратыя больш не можа ўяўляцца ніякім іншым чынам і звязаныя з ёй значэнні паняццяў «свабода» і «роўнасць» самавідавочныя і ўласцівыя не толькі самой гэтай канцэпцыі, але і капіталізму ў цэлым. У артыкуле ставіцца пад сумненне такое антыгістарычнае разуменне канцэпцыі дэмакратыі. Разглядаецца першапачатковая гісторыя спрэчак пра змест дадзенай канцэпцыі і пра канстытуцыйную дэмакратыю як найбольш устойлівую дэмакратычную форму. Перавага нацыянальных меж над ідэяй сусветнага грамадзянства стварыла напружанне ў самім падмурку канстытуцыйнай дэмакратыі. Каштоўнасці свабоды і роўнасці, закладзеныя ў канстытуцыі і заснаваныя на ліберальнай грамадзянскай дамоўце, сёння падарваны больш, чым калі-небудзь, паколькі і транснацыянальны капітал, і сусветнае грамадзянства выходзяць за межы дапушчальнага ў рамках канстытуцыі. Такая сітуацыя прывяла і канцэпцыю дэмакратыі, і яе палітычныя формы ў стан крызісу. Ці можа новы зварот да адрынутых у мінулым уяўленняў пра значэнне і формы дэмакратыі даць нам якое-небудзь разуменне таго, як пераадолець крызіс канстытуцыйнай дэмакратыі? Калі значэнне дэмакратыі і звязаныя з ёй асацыяцыі не вечныя, а залежаць ад гістарычнага развіцця, ці можам мы разумець іх у межах іншых палітычных уяўленняў?

Ключавыя словы: канстытуцыйная дэмакратыя; бальшавізм; ліберальны кантракт; Карл Маркс; рэвалюцыйныя генеалогіі.

Падзяка. Аўтар дзякуе прафесару Арчане Упадуэй за яе пастаянную цікавасць да гэтай працы і Індыйскаму савету даследаванняў у галіне сацыяльных навук (ICSSR) за фінансавую падтрымку. Папярэдні варыянт артыкула быў прадстаўлены на канферэнцыі «Канстытуцыйная дэмакратыя: вопыт Індыі ў параўнальнай перспектыве», арганізаванай Універсітэтам Джуліуса Максіміліяна, Вюрцбургскім універсітэтам і Універсітэтам імя Джавахарлала Неру, Камісіяй па ўніверсітэцкім грантам і Нямецкай службай акадэмічных абменаў.

BACK TO THE FUTURE? CRISIS OF CONSTITUTIONAL DEMOCRACY AND TRACES OF A BOLSHEVIK PAST

N. SHUBHRA^a

^aAmbedkar University, AUD Kashmere Gate Campus,
Lothian Road, Kashmere Gate, Delhi 110006, India

Today, the world over a debate is going on regarding the usefulness of the forms of democracy that different states have adopted over time. The meaning and associations with the concept of democracy and its attendant political forms have changed at critical points in history. These changes have been attributed both to, evolutionary and revolutionary impulses that have expanded or transformed the ways in which democracy and the relationship of its political forms with the people had been primarily understood. The most enduring association of democracy with freedom and equality is a historical product that came into being with the onset of capitalism with its philosophical basis in political liberalism. The dominance

of capitalist liberal democracy has given such stability to this association that “democracy” can no longer be imagined in any other political imaginary and that its associated meanings of freedom and equality are self-evident and inherent not only to the concept itself but to capitalism. The paper interrogates such ahistorical understanding of the concept of democracy and recuperates the radical history of contentions over its meanings and its most abiding political form i. e. constitutional democracy. The transcendence of national boundaries towards a global citizenship has put a strain on the fundamental operative terrain of constitutional democracy. The values of freedom and equality laid out in the Constitution premised on a liberal contract are more undermined today, than ever before with transnational capital and global citizenship breaking the bounds of constitutional purview. This has brought the concept and political forms of constitutional democracy into a state of crisis today. Can re-looking at the past traces of suppressed contentions over the meaning and forms of democracy give us any insight as to how we can work through the constitutional crisis today? If the meaning and associations with democracy is not eternal but historical, can we bring it them within other political imaginaries?

Keywords: constitutional democracy; bolshevism; liberal contract; Karl Marx; revolutionary genealogies.

Acknowledgements. I thank professor Archana Upadhyay for her sustained interest, insights and encouragement to my work. I also thank the Indian Council of Social Science Research for the post-doctoral fellowship, which gave me time and resources to work in this area. An earlier version of the paper was presented in a conference titled “Constitutional Democracy: The Indian Experience in a Comparative Perspective”, organized by Julius Maximilian University, Wurzburg and Jawaharlal Nehru Universities, University Grants Commission and German Academic Exchange Service (DAAD).

Every legal constitution is the product of a revolution.
Rosa Luxemburg. “Conquest of Political Power” in “Reform or Revolution”

Introduction

One of the normative basis of constitutionally ordered liberal nation-state and its subjects is to build a democratic polity based on freedom, rights and equality of its individual citizen subjects. This basis of a liberal constitutional democracy, while undergoing shifts and tilting between more conservative and radical boundaries has nevertheless used these key categories to assert itself as a more morally, politically and economically superior social order. Moreover, a constitutional democracy speaks *in the name of the will of the majority of people*.

The premise for a successful working of this form of representative democracy is a contract between the state and citizen subjects with the terms of the contract broadly laid out in the Constitution which guarantees the rights and outlines the limits and responsibilities of either side.

A significant point to be kept in mind is the naturalization of the relationship between constitutional democracy and liberalism. The most salient and popularly understood association of the concept of democracy is with liberalism so much so that they are often used synonymously. As usually mentions, “after a period of sustained expansion throughout the 20th century, liberal democracy became the predominant political system in the world”. The political system alluded to here is rather specific. It denotes the political economy of capitalism with its basis in safeguarding private property and setting up the individual as a core constituent of the liberal order and the bearer of rights. However, the ease with which the term “democracy” transcends these particular meanings and instead presents the concept as unmarked with universal inherent public good as a given. The transcendence of a histori-

cally particular concept into a universal can only be attributed to its “elusive utopian” signification enabled by the pure abstraction of the concept. Herein also lays the hegemonic and universal acceptance and our historical investment into the concept.

This is an ideological, indeed a very successful, maneuver of capitalism which not only presents “constitutional democracy” as western modernity’s gift to the world while making it bereft of a history of contested claims over its meanings. The fixity of the meaning given to key terms such as democracy and sovereignty also enable an ideological obfuscation whereby the main fight in the world is presented as that between values of liberal democracy and the rest of the world which has deviated from it. Framing the contemporary problematic as an opposition between liberal democracy and fascism is diagnosed by Žižek as an imposition by “the hegemonic ideological field of (ideological) visibility with its own ‘principal contradiction’ (as) an effective obfuscation of the true antagonism of today which is ‘not between liberal multiculturalism and fundamentalism, but between the very field of their opposition and the excluded Third (radical emancipatory politics)’”. The paper is in two sections. The first details two approaches towards the concept of constitutional democracy and the second explores the “suppressed” or the radical “excluded Third” [1].

In the first section of the paper, we track some of the contestations over the meanings of “democracy”, “sovereignty” and “constitutional democracy” in the 18th and 19th centuries in West Europe. Two lines of such exploration are offered to us that give us a brief glimpse of these histories. One was being argued by Marx and Engels who included an analysis of many of

the constitutions of their time and was wrestling with the concept of “democracy and sovereignty” as it appeared in its liberal use and as used in the social transformative sense. This was a polemic which was fiercely picked up and carried on by Rosa Luxemburg and Lenin by the end of 19th century. Both moments are formulated in an international context without much significance attached to national borders and nationalist thought. The internationalism of this genealogy was crucial to its radical critique which repeatedly clashed with variants of nationalist/patriotic and sacred entity of the nation in which political power was sought to be vested. Both moments engage with the key question of locating the source of power and meaning in “reform” or in “revolution”.

The second line of argumentation is offered to us by intriguing work on political culture in 18th century by a contemporary scholar, Pasi Ihalainen who explores the parliamentary political sermons and debates. He explores how the social meanings attributed to both the role of the Constitution and its association with the concept of “democracy” has shifted historically in an intimate connection with linguistic and parliamentary debate cultures, socio-political, military and economic contexts of particular nation-states. In an interesting comparative study of two West European countries, Britain and Sweden he contends that these, “countries with inherited representative institutions adopted the notions of democracy and the sovereignty of the people in the eighteenth century”. He tracks the point when “the people of the time began to view ‘democracy’ in a positive way that differed from the pejorative classical concept of democracy” [2].

He argues that the French revolution, “affected an already ongoing modernization of the meanings of democracy in countries with older representative institutions. Perhaps indeed – by demonstrating that the classical notion of democracy as just another form of anarchy was correct – it delayed a more evolutionary modernization of the concept”. Ihalainen underscores that French revolution should not be understood as

a rupture but transformative phenomenon of the political culture which was already dynamic and had incorporated religious and representative models in the classical thought [2, p. 5].

The second section of the paper explores the forgotten or as Zizek says, excluded Third, genealogies of revolutionary moments that, in the words of Walter Benjamin, go outside the law (norm) and imagine a world outside the liberal imaginary. It focuses on the problematic of an evolutionary and/or a revolutionary perspective on changing meanings of democracy, sovereignty and the role of constitutions in ordering the formative stage of nation-states. It may be pertinent to remind ourselves of a fact that is often not attended to that these transformations and contestations were framed and debated most fiercely in the shadow of revolutions. American Revolution, French Revolution, German Revolution and November Bolshevik Revolution alongside the failed German Revolution not only invested transformative meanings to these terms but contested their conservative and liberal usurpation by upper classes.

The fact of the naturalization of the association of the concepts of democracy, sovereignty and constitution with liberal values and capitalist political economy suggests that capitalism with its political philosophy of rights based liberal values did indeed become the stable and universal model and marker of the modern, the western, advanced, and civilized and so on. However, the crisis pervading constitutional democracies may be signaling to the limits of the liberal promise.

Today, global capitalist crisis has brought the underlying tensions to a breaking point. The financial crisis which shows no signs of receding is beginning to show its fascist, militarist potential with liberal promises being rescinded on a daily basis. In such a context, revisiting the question posed by Luxemburg “reform or revolution” and Lenin’s “State and Revolution” remind us of a gesture that needs repeating today, i. e. to imagine that an alternative outside to capitalism and its liberal order.

Constitutional democracy: a liberal contract

The insight of the evolutionary perspective is that history moves according to its internal dynamics and obeys the natural law of change. If and when disturbed by a rupturous event may stall or even foreclose the opportunities for its internal growth and modernization. Even while accounting for contexts that frame the internal dynamics of such a process the argument is to maintain status quo. In debate with evolutionary perspectives, Marx and Engels brought the shadow of past revolutions or those brewing in the future to argue with both conservative monarchical forces of reaction and liberal/radical “democratic extremists”. It was in this polemics of deploying “democracy” as a “mere political democracy” or towards social trans-

formation that Marx sharpened his arguments of socialism/communism as an imaginary outside capitalist liberalism.

The key point of contention in 19th century debates that mark the underlying tension in concepts of “democracy” and “sovereignty” had to do with forms of government and its relation with “people” as a political agent. Debates around ‘popular control over government’ brought into sharp relief the issues that mirrored in conservative monarchical and “democratic extremist’s” formulations on these key concepts.

Draper brings attention to Marx’s response to the Lassalleian catchword of a “free state”. Taking it literally, Marx replied that we do not want a state that is

free, but rather a state that is completely subordinate to society.

Free state – what is this?

“It is by no means the aim of the workers, who have got rid of the narrow mentality of humble subjects, to set the state free. In the [Bismarckian] German Empire the ‘state’ is almost as ‘free’ as in Russia. Freedom consists in converting the state from an organ superimposed upon society into one completely subordinate to it, and today, too, the forms of state are more or less free to the extent that they restrict the ‘freedom of the state’” [3, p. 122].

Who will be the custodian of democracy and how will it be carried out were crucial questions, not just of form but of significant implication for political power. Exploding the chimera generated by posing the false binary between “monarchical regulatory” and “free” state, Marx called “mere political democracy” a device to consolidate the class rule if not extended to social transformation.

Evidence of these tensions mark Ihalainen’s evolutionary account of political culture and its en-

agement with forms of government and the contestations within in many west European countries. Bringing in a richly researched political culture, Ihalainen explores and argues that the French Revolution expanded the notion of democracy radically by extracting it from its monarchical form. However, its association with these key concepts and securing its association with old Athenian type of “direct democracy” enabled a consolidated rejection of its radical potential. This form was “not only considered impractical but was also seen as leading to the despotism of the poor and uneducated, and ultimately to utter anarchy”. However, he contends, this opposition between liberal/radicals like Fox and Paine (in England) and monarchical reaction like Burke was not rigid and remained porous as ideas with varying degrees of distribution of power in the tripartite “happy constitutional” arrangement between the monarchy, aristocracy and commons was debated. Another point of debate was who will be leading this government – the people, the monarch or representatives of the constituencies? [2, p. 6].

Reconciling democracy and sovereignty

Related but divergent from this history is the history of the concept of sovereignty of the people. This trajectory marks the shifting pejorative meaning associated with democracy and reconciling them with equally problematic meanings of sovereignty, i. e. the will of the people. He points that “while the moderates merely saw the nation as the ultimate source of power, the radicals placed sovereignty directly in the general will”. He tracks these histories and generates crucial insights into the changing implications of the meaning of the concept of “‘sovereignty’ and the people as its agent or the source of power” [2, p. 347].

Ihalainen argues that the French revolution made the opposing sides more rigid than porous and impeded the internal dynamic of modernization of these concepts. Thus, he marks that the threat posed by the French revolution was most keenly felt as an attack on “property and religion” which led to polarized debates between monarchical conservatives and radical democrats in which “the French revolutionary masses did

not represent true democracy but constituted ‘a furious, licentious populace’” [2, p. 356].

Tracking the internal evolution of meanings and how the pejorative association with democracy transformed and a new nomenclature came into existence to be used in future synonymously with sovereignty. He argues that “clearly, the Revolution was changing the meanings of ‘democracy’ in ways that made a return to the classical concept quite impossible. It produced derivations referring to a political agent (‘democrat’), to political allegiance in a positive sense (‘democratic’), to democratic action aimed at reconciling politics with the idea of popular sovereignty (‘to democratize’) and to a political ideology (‘democratism’). As a result of this semantic change, the concepts of democracy and the sovereignty of the people thus came to be seen as synonymous. It also meant that ‘democrat’ was transformed, albeit only temporarily, from a partisan appellation into a name borne with honour. Furthermore, a vision of creating a democracy for the benefit of all the people emerged” [2, p. 365].

Reconciling “representation” with “democracy”

Similarly, “representation” was another key term although “it was not yet generally associated with democracy”, the concept of “representative democracy was also gradually emerging” [2, p. 347].

The true innovation to these seemingly intractable debates was *inspired by the American Revolution* and used by Paine to integrate and make synonymous the two divergent concepts of “representation” with “democracy”) enabling Paine to present an interpretation of “the American Republic as democracy, as

‘representation ingrafted upon democracy’ and as a model for all other nations” [2, p. 378]. Thus changing the nature of debate on democracy, Paine argued for ‘a democratic republic based on representation over a representative government with monarchy’ and “he argued for the combination of democracy and representation into a system that was later to be known as ‘representative democracy’”. However, the radicalisation and internationalism of the French Revolution led to its rejection in Britain already fearful of its adverse

impact on monarchy which coalesced around the two poles: one that of the classical notion of democracy and mixed constitution and the other a radical reinterpretation of “democracy as opposed to monarchy”; will of the people, i. e. sovereignty and representation. As marked by Ihalainen, “France caused deep disgust and fear among a great majority of Britons. As a consequence, Pitt adopted a policy that aimed at combining the support of the landowning, industrial, commercial and Anglican elements of the British establishment with an ideological defence of the established political and religious order”. Also, “the year 1795 was also one of economic troubles, high inflation and food riots, which contributed to the radicalization of arguments on both sides in Parliament” Ihalainen brings in the

class character of the forces of reaction and the emergent bourgeoisie found in opposition to the aristocracy while keeping the progress of modernization of these concepts as an internal and incremental dynamic within the evolutionary paradigm [2, p. 424].

While the French Revolution scared the monarchy, the American Revolution was used in the debates to graft more acceptable meanings on to the concepts of democracy, sovereignty and will of the people. This was enabled by bringing in the concept of “representation” but operationalised in such a manner that disciplined the “will of the people” which was otherwise correctly feared by the monarchy for their revolutionary force. It was this alliance between the “radicals” and “the moderates” was critiqued by Marx and Engles.

Marx and constitutional analysis in 19th century

A few decades later from the times that are researched by Ihalainen, Marx and Engels were analyzing many constitutions of their time in the midst of their active engagements with mass movements. The Communist Manifesto had appeared by 1844. Bringing class analysis to bear acutely on this seemingly undisturbed march of history Marx exploded the opposition between feudal order conservatives and emergent big and petit bourgeois pole of liberals and radicals (Frankfurt Assembly). It was a false antagonism obscuring the real antagonism. This was demonstrated again and again by them through the failure of rhetorical revolutionary promises made by the petit bourgeoisie and a section of big bourgeoisie when faced with the prospect of the masses, proletariat taking power. In all situations without exception political power remained in the hands of reaction or passed over to the bourgeoisie.

Marx pointed out that “under semi-feudal absolutism, the bourgeoisie was a part of the ‘popular masses’ too, even if a limited and privileged part”. The pertinent question in the analyses of balance of forces was to find ways “to shift power to the underlying working strata of the population as expeditiously as possible”. After the revolution of 1848–1849 “bourgeois democratic governments” were formed in both France and Germany [3].

To take just one instance as illustrated by Marx and Engels is their analysis of the campaign for the imperial constitution in the shadow of the German revolution kick started and led by the more industrialized and modern proletariat South Germany’s Rhineland. The political forces debating these concepts were “two above all: the monarchist regime and its government, which was still the executive, though now on the defensive; and the representatives of the people in the assemblies established by the revolutionary upsurge. The latter represented the potentiality of ‘popular sovereignty’, i. e. democratic control by the people. However, when the National Assembly, elected from the

various German states, met in Frankfurt on 18 May, it showed that the bourgeois-democratic delegates shrank from a clash with the monarchy” [3].

Further, making freedom of the press a battlecry, Marx drew attention to the difference between hollow rhetoric about “liberty” and a real revolutionary-democratic struggle showing how, “In order to protect the ‘constitutional liberty’ of presidents, burgomasters, police chiefs [a long list of government officials follows here]... in order to protect the ‘constitutional liberty’ of this elite of the nation, all the rest of the nation must let its constitutional liberties, up to and including personal liberty, die a bloody death as a sacrifice on the altar of the fatherland” [3, p. 108]. Another vital issue was contesting the division of powers between legislative and executive power. This was because the “revolution had given rise to two lines of power which were diverging... The people had been victorious, they had won freedoms of a decisively democratic nature; but the immediate ruling power passed not into their hands but into the big bourgeoisie’s” [3, p. 110].

Following the defeat of 1848–1849 revolution in Germany Marx presented the revolutionary-democratic proposal in terms of the concentration of both legislative and governmental (executive) power in the hands of the people’s elected representatives, insisting that the chief feature of a truly democratic constitution was the degree to which it limited and restrained the independent scope of the executive power. This meant “A national constituent assembly must above all be an activist, revolutionary activist assembly” [3, p. 111].

Marx made this point in many analyses of constitutions of the time such as Constitution of the French Republic, 4 November 1848 in which he pointed out that the separation of powers thus “leaves room for its alleged democratic guarantees to be nullified by subsequent laws put through by the governmental power which establishes a democratic right but vitiates itself by allowing for ‘exceptions made by law’” [3, p. 111].

Calling American democracy the “greatest swindle” and English constitution a bargain rate government Marx and Engels argued by a minimization of executive powers and vesting more power in the hands of the people.

It was a passage through these deliberations that the content of democracy found its best expression in “communism” as opposed to “mere political democracy”. Commenting on the myth of the promise of equality and freedom in the concepts of “political democracy” Marx pointed out that, “mere democracy is unable to remedy social evils. Democratic equality is a chimaera, the struggle of the poor against the rich cannot be fought out on the ground of democracy or politics in general”.

The polemics over the forms of government and contestations over meanings of representative constitutional democracy was happening in the heat of the ferment that marked the times. The transformation and expansion and indeed the challenge brought by intense pressure of revolutionary events were played on bedrock of inescapable tensions between old and emergent classes clashing over control for political power and greater autonomy. The gains brought by the sacrifice and militancy of the working classes and peasantry were lost and pushed back by monarchical power or rising sections of big bourgeoisie in alliance with the petit bourgeoisie.

The liberal contractual form of constitutional democracies that stabilized in US earlier and Europe much later was a result of expanding industrialization and changing mode of production to wage labour. The capitalist political economy notwithstanding, the harnessing of utopian imagination of a free and non-exploitative world was inscribed in the much older history of contestations over the meanings of the key categories of liberal democracy. Freedom, equality, will of the people were all concepts that were encoded into a rights discourse that extracted them from their social transformative meanings and vested it into individual choice based liberal subject in a contract with each other and with the state.

The premise for a successful working of this form of representative democracy was a contract between the state and citizen subjects with the terms of the contract broadly laid out in the Constitution which guarantees the rights and outlines the limits and responsibilities of either side. However, as critics of this ostensible neutrality of the contract have often argued this is an arrangement that facilitates and actually “speaks for” the dominant forces of the society in question at that particular moment in history? For instance, the influential feminist thinker Pateman unveils the gender politics beneath the liberal contract by pointing out that this is actually a “sexual contract” representing masculine power and domination whereby women’s interests are kept subordinate to the patriarchal interests through the workings of the law, cul-

ture and state [4]. A striking example of such a contract (between states and between state and community) is demonstrated by Das in her exploration of post-partition exchange of abducted young women between Pakistan and India to reclaim the reproductive wealth and purity of the new nations/community in the making [5].

The limits of liberal, welfare constitutional democracy notwithstanding, left and liberal formations have defended these provisions and have, while critiquing the duplicity and failure of the liberal capitalist promise have fought to push for a more radical possibility seen in this very promise.

The contemporary, as argued by Brown in “Neoliberalism and the end of Liberal Democracy” is the age of neo-liberal political rationality which signifies “historical-institutional rupture” [6, p. 45]. It has substantially eviscerated the key categories of constitutional liberal democracies of their meaning. More significantly, the increasing hold of the neo-liberal rationality on all institutions, subject formations and social values is evidenced in the way “neoliberalism normatively constructs and interpellates individuals as entrepreneurial actors in every sphere of life” and generates a much broader consensus. It is a situation where the gap between the radical potential of what a liberal constitutional democracy could promise and its formal and conservative failure is all but disappearing [6, p. 42].

The promise of legislative reforms, implementation of constitutional provisions and a push towards a more radical realisation of the universal values enshrined in the constitutions of liberal states have been undergirded by the hopes, of left and liberal sections, of achieving some of the goals of socialism allied with liberal utopias of equality, mostly represented by varying ideas of redistributive justice, inclusion and equal rights. To this is the added investment of the left that the limits of liberal political economy to deliver these demands of social reform will expose the crisis ridden and inherently self destructive potential of capitalist liberal democracies thereby ushering in a more ripe moment for a revolutionary transformation.

Responding to the liberal dilemma of not finding an alternative or “imagine feasible ‘outside’ to” the totality of all-encompassing global capitalism, Žižek notes that, “insofar as this is true, they do not see tout court: the task is not to see the outside, but to see in the first place (to grasp the nature of today’s capitalism) – the Marxist wager is that, when we ‘see’ this, we see enough, inclusive of how to get out...”. One of the enduring liberal promises is to avert both, right and left “extremisms” [7].

The relation between democracy and positive meanings associated with Western modernity and a free market political economy have been naturalized. Any political system or imaginary outside this relation between democracy, liberalism and capitalist

political economy is labeled as deviant, deficient and backward. All nations are expected to fulfill what Anderson calls “the standard western package” to enter large geopolitical alliances and become a part of global wealth. This has been true, especially the post-Soviet space since October Revolution and Soviet socialism has been diagnosed as a grave error in need of correction to arrive into the membership of what is called “civilized western world”. All prescriptions to nations in this space are geared towards achieving “democratic political culture and institutions” while simultaneously suppressing their own past genealogies of political imaginaries.

The formulation of the left liberal problematic of political tactics and strategy in these terms has also been diagnosed by many as the basis of current state of impasse and crisis that the left finds itself in the world over. The crisis of liberal democracies is similarly, within such a problematic, an obfuscation of a much

deeper and older crisis of capitalism that has led to a deeper erosion of promise of free market led liberal democratic social order. Today the crisis of capitalism has intensified (the most recent being the continuing financial crisis and unraveling of the world order and economy since the 2008 global meltdown triggered by the US) with an ever larger threat of a looming trade war between the principal actors of the Global North encompassing EU, China, US driven by US imposition of tariffs and protectionist policies¹.

The question therefore is, in a neoliberal era is a liberal democratic order based on constitutional provisions and values, even possible or worth preserving and fighting for? Or, should the ongoing failure of constitutional democracies be an enabling moment for us to look towards genealogies of those historical moments that have outlined a vision outside liberal political imaginary i. e. attempted to build an alternative to capitalism and liberal democracy?

Retracing revolutionary genealogies

It is impossible to overestimate the explosive potential of *The State and Revolution* – in this book, “the vocabulary and grammar of the Western tradition of politics was abruptly dispensed with” [1].

One of the key insights insisted upon by Marx was that meanings are social and that the tensions that keep these meanings fungible and transient acquire a stability due to a stabilization of class distribution of power. Thus the contingent nature of, what appears to be stable, is a constant state which arises continually out of exploitative relations encoded in the skewed balance of power. A revolutionary gesture, therefore, would always be to bring forth the contingency unpinning the universal ahistorical teleological promise of the future; to take the risks for an unknown future, to speak the partisan truth without a guarantee from any “big other”.

The hopes of social democracy and liberal desire for autonomy retains, as was most clearly expressed in the hopes unleashed by February revolution in 1917, the old mindset, the belief that freedom and justice can be achieved if we simply use the already-existing state apparatus and its democratic mechanisms, that the “good” party might win a free election and implement the socialist transformation “legally”. This was famously formulated by Karl Kautsky who propounded that the logical form of the first stage leading from capitalism to socialism would be a parliamentary coalition of bourgeois and proletarian parties.

Zizek explains the polemics between evolution and revolution eloquently. He retraces the revolutionary legacy of the November revolution which was

actually the second revolution on the heels of the first democratic February revolution. February revolution in 1917 in Russia had unlocked the entire history of utopian hopes and struggles of the vast masses but where and how would this explosion of freedom, democracy and joy go in the morning after? The question of “the morning after” is crucial. What happens when all hopes and dreams have been unleashed? Who and how do you start re-building a social order that matches those dreams, is able to leave a trace, unleashed in the revolutionary moment? Zizek explains the Leninist gesture through re-visiting this polemics [8].

In an acutely invested analysis Zizek marks Lenin’s revolutionary imaginary on this terrain. Elaborating, he says, “If there is a common thread running through all Lenin’s texts written between the two revolutions (the February one and the October one), it is his insistence on the gap which separates the ‘explicit’ formal contours of the political struggle between the multitude of parties and other political subjects from its actual social stakes (immediate peace, the distribution of land, and, of course, ‘all the power to the soviets’, that is, the dismantling of the existing state apparatus and its replacement with the new commune-like forms of social management). This gap is the gap between revolution qua the imaginary explosion of freedom in sublime enthusiasm, the magic moment of universal solidarity when ‘everything seems possible’, and the hard work of social reconstruction which is to be performed if this enthusiastic explosion is to leave its traces in the inertia of the social edifice itself” [1].

¹Churchill O. US President Donald Trump says tariffs on Chinese imports may remain in place for a ‘substantial period of time’ // South China Morning Post. 2019 March 21. URL: <https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/3002584/us-president-donald-trump-says-tariffs-chinese> (date of access: 21.03.2019).

This gap – a repetition of the gap between 1789 and 1793 in the French Revolution – is the very space of Lenin's unique intervention: the fundamental lesson of revolutionary materialism is that revolution must strike twice, and for essential reasons [1].

Once Lenin became aware of the limitation of Bolshevik power he worked on “the contours of a modest ‘realistic’ project for the Bolsheviks. Given the economic underdevelopment and cultural backwardness of the Russian masses, there was, he realized, no way for Russia to ‘pass directly to socialism’. All that Soviet power could do was to combine the moderate politics of ‘state capitalism’ with the cultural education of the peasant masses... However, the fact that the agent of development is proletarian revolutionary power changes the situation fundamentally: there is a chance that these measures will be implemented in such a way as to throw off their bourgeois ideological framework – education will serve the people, rather than being a mask for the promotion of bourgeois class interests. The properly dialectical paradox is that the very hopelessness of the Russian situation (the backwardness that compels the proletarian power to engage in the bourgeois civilizing process) can be turned into an advantage: ‘What if the complete hopelessness of the situation, by stimulating the efforts of the workers and peasants tenfold, offered us the opportunity to create the fundamental requisites of civilization in a different way from that of West European countries?’” [1].

Zizek points that instead of looking at Lenin's insistence on the Soviet revolutionary state fulfilling a broad democratic and social agenda as a retreat in the sobering light of the morning after, it is crucial to see it as the very continuation of the alternative imaginary outlined by him in “State and Revolution”. The tasks of educating and modernizing the vast population *under the leadership of a proletarian state* will have a profoundly different impact on social organization because it will be directed by the actual will of the majority, i. e. workers and peasants.

Writing in July 1917 in “Constitutional Illusions”² Lenin points emphatically to the danger of losing the revolutionary possibility if Socialist Revolutionaries and Mensheviks continued to put their faith in the Provisional government and betray the will of the majority. The use of terms such as “democracy” and “freedom” in a situation of subordinating the will of the majority will be to deploy these terms as empty phrases, a smokescreen to suppress the class conflict and the actual democratic aspirations of the people.

In the famous polemics between Lenin and Mensheviks; and Rosa Luxemburg with social democracy the questions of seizing political power are embedded

in the older histories of failed revolutions. The concern every time is to find political forms for the will of the people.

Rosa Luxemburg fiercely argues with SDP, the social democratic party in Germany on the terrain of the older polemics of what the concepts of “democracy” and “constitutional democracy” would mean in a revolutionary imaginary. She points out, “Every legal constitution is the product of a revolution. In the history of classes, revolution is the act of political creation, while legislation is the political expression of the life of a society that has already come into being. Work for reform does not contain its own force independent from revolution. During every historic period, work for reforms is carried on only in the direction given to it by the impetus of the last revolution and continues as long as the impulsion from the last revolution continues to make itself felt. Or, to put it more concretely, in each historic period work for reforms is carried on only in the framework of the social form created by the last revolution. Here is the kernel of the problem.

It is contrary to history to represent work for reforms as a long-drawn out revolution and revolution as a condensed series of reforms. A social transformation and a legislative reform do not differ according to their duration but according to their content. The secret of historic change through the utilisation of political power resides precisely in the transformation of simple quantitative modification into a new quality, or to speak more concretely, in the passage of an historic period from one given form of society to another”³.

Both Lenin and Luxemburg are recuperating earlier genealogies of struggles of the people. Even after victory, history tells us that political, economic and social power remained in the hands of the ruling class. They are both urging the working class and their representative parties to think outside the liberal “balanced representative democratic” model and to explore forms that can carry people's power and to transform the meanings of these concepts by investing in them the will of the people.

In another recuperation of the revolutionary imagination in a situation of formidable failure and hopelessness emanating from impending world war splitting the socialist leadership and the working class, Spivak draws attention to the project of women's emancipation by Kollantai [9, p. 94]. She points, “It was not an impractical optimism but persistence in the long view that made Kollantai attempt to restore the program of socialist emancipation”. Attending to the as yet unresolved “problem of dealing

²Lenin V. I. Constitutional Illusions // Lenin Internet Archive. 2002. URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/jul/26.htm> (date of access: 11.03.2018).

³Luxemburg R. The junius pamphlet. Chapter 6 // Luxemburg Internet Archive, 1996, 1999, 2003. URL: <https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1915/junius/ch06.htm> (date of access: 11.03.2018).

with class or sex-subject in feminism” Spivak marks Kollontai’s efforts as those for ‘the ideological constitution of the revolutionary woman’ engaged in the difficult task of evolving a practice that can “respect the empty place of the so-called World-Historical Subject, instead of securing it for Absolute Knowledge” [9, p. 95]. It has not been easy to articulate a practice that can live with such a radical move. In Kollontai’s day the efforts to do so resulted in valorizing the collective rather than the individual. The failure to realise the situation of her own life in a “full psycho-sexual narrative” nevertheless did not stop her from the “careful attention” and decades long sustained work she did with women.

Writing on Kollontai, Spivak says, “It is a failure of the historical imagination to see the spirit of the young men and women of that era in Germany and Russia as over-optimistic or idealistic” [9, p. 94].

It is in the contemporary that the traces of their efforts can be seized by us to look for an opportunity. The liberal contract that has been the basis of almost all nations’ constitutional democracy has been adequately subjected to critique.

Critics of this ostensible neutrality of the contract have often argued this is an arrangement that facilitates and actually “speaks for” the dominant forces of the society in question at that particular moment in history. For instance, the influential feminist thinker Carole Pateman unveils the gender politics beneath the liberal contract by pointing out that this is actually a “sexual contract” representing masculine power and domination whereby women’s interests are kept subordinate to the patriarchal interests through the workings of the law, culture and state. A striking example of such a contract (between states and between state and community) is demonstrated by Das in her exploration of post-partition exchange of abducted young women between Pakistan and India to reclaim the reproductive wealth and purity of the new nations/community in the making.

The limits of liberal, welfare constitutional democracy notwithstanding, left and liberal formations have defended these provisions and have, while critiquing the duplicity and failure of the liberal capitalist promise have fought to push for a more radical possibility seen in this very promise.

However, as argued by Brown, the age of neo-liberal political rationality which signifies “historical-institutional rupture” has substantially eviscerated these key categories of their meaning [6, p. 45]. More significantly, the increasing hold of the neo-liberal rationality on all institutions, subject formations and social values is evidenced in the way “neoliberalism normatively constructs and interpellates individuals as entrepreneurial actors in every sphere of life” and generates a much broader consensus [6, p. 42]. It is a situation where the gap between the radical potential of what a

liberal constitutional democracy could promise and its formal and conservative failure is all but disappearing. The question therefore is, in a neoliberal era is a liberal democratic order based on constitutional provisions and values, even possible or worth preserving and fighting for? Or, should the failure of constitutional democracies be an enabling moment for us to look towards genealogies of those historical moments that have outlined a vision outside liberal political imaginary, i. e. attempted to build an alternative to capitalism and liberal democracy?

In contemporary times, therefore, with the consistent shift of world polity in a rightward direction and our own experience of the ongoing evisceration of key categories of constitutional democracy, do the lessons of forgotten revolutionary genealogies enable us to re-imagine the limits and revolutionary possibilities of constitutional democracy in our own contexts?

Generated by the very failure of its own promise, there is thus a possibility of re-visiting the questions of conquest of political power; meanings of democracy and popular government, breaking the old apparatus to imagine the new and “situating the subject-especially a sexed subject” in a radical emancipatory practice. The post Soviet people’s acute discontent with the unbridled freedoms brought in the wake of ruthless capitalist privatization and erosion of all social relations has had a difficult time finding an expression for that trauma. It is neither adequately expressed by a rejection of Soviet socialism; welcoming capitalism’s democratic freedoms nor by the desire to return to Soviet socialism. Language eludes this dislocation and the isolation of the post-Soviet condition continues. Perhaps the latent traces in the social edifice of memories of failed attempts to create and think for a better world; or as Žižek says about some version of “socialism with a human face that deserves consideration”. The initial support and then isolation in which members of Pussy Riot band found themselves after a crackdown and imprisonment was because they stuck to their insistence on critiquing capitalism along with critiquing Putin’s repressive government. This is to underline, not that such critiques are not being done by many others but to show how difficult it is to bring together freedom and democracy/capitalism in one place.

Any discussion of democracy and freedom cannot take place without bringing into the picture its own suppressed “excluded third”. The rich genealogies of these concepts suggest that it has been a bitter struggle between those in power and those who, from the margins, are fighting with claws of their own. The question is not to take socialism as a given alternative to capitalism. However, it is imperative that we resist TINA (there is no alternative) by critiquing the very clear inability of liberal democracy in giving the people freedom or equality.

References

1. Zizek S. *Lenin 2017: remembering, repeating and working through*. London: Verso; 2017. 272 p.
2. Ihalainen P. *Agents of the People: democracy and popular sovereignty in British and Swedish parliamentary and public debates, 1734–1800*. Leiden: BRILL; 2010. 530 p.
3. Draper H. Marx on democratic forms of government. *Socialist Register* [Internet]. 1974 [cited 2018 March 11]:101–124. Available from: <https://www.marxists.org/archive/draper/1974/xx/democracy.html>.
4. Pateman C. *The sexual contract*. Stanford: Stanford University Press; 1988. 276 p.
5. Das V. The figure of the abducted woman: the citizen as sexed. In: *Life and Words. Violence and the Descent into the Ordinary*. Berkeley: University of California Press; 2007. p. 18–37.
6. Brown W. *Edgework: critical essays on knowledge and politics*. Princeton: Princeton University Press; 2005. Chapter 3, Neoliberalism and the end of liberal democracy. p. 37–59.
7. Zizek S. The two totalitarianisms. *London Review of Books* [Internet]. 2005 March 17 [cited 2018 March 11];27(6):8. Available from: <https://www.lrb.co.uk/v27/n06/slavoj-zizek/the-two-totalitarianisms>.
8. Zizek S. Seize the day: Lenin's legacy. *London Review of Books* [Internet]. 2002 July 25. Available from: <http://www.lacan.com/zizek-seize.htm>.
9. Spivak G. On Aleksandra Kollontai. *Minnesota Review*. 1983 Spring;20:93–102.

Received by editorial board 02.04.2019.

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕЕ ВЛИЯНИИ НА БОРЬБУ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ИНДИИ¹

А. УПАДУЭЙ¹⁾

¹⁾ Университет им. Джавахарлала Неру, New Mehrauli Road, 110067, г. Нью-Дели, Индия

Проанализировано влияние Октябрьской революции 1917 г. на индийское освободительное движение. Отмечено, что она дала импульс индийским политическим устремлениям, расширила базу освободительного движения, превратив промышленных рабочих и крестьян в активных участников борьбы, и наделила движение прогрессивным мировоззрением. Принципы революции вызвали резонанс среди рядовых борцов за независимость и лидеров индийского освободительного движения. Сделан вывод о том, что многие ценности, закрепленные в Конституции Индии, принятой после обретения независимости, были вдохновлены высокими идеалами российской революции. Сама революция, ее идеология, В. И. Ленин и его глубокая озабоченность проблемами, стоящими перед народами Востока, преобразования в России после 1917 г., отношение советского правительства и Коминтерна к борьбе за независимость Индии оказали сильнейшее воздействие как на народ, так и на лидеров индийского освободительного движения. Хотя многоклассовое национальное движение не преобразовалось в социалистическое, фактом остается то, что наследие Октябрьской революции повлияло на ход освободительной борьбы. Таким образом, социалистический компонент Конституции Индии не был случайным. Он стал итогом большого идеологического влияния, оказываемого на Индийский национальный конгресс снаружи и изнутри, и в не меньшей степени был обусловлен освободительными идеалами российской революции 1917 г.

Ключевые слова: российская революция 1917 г.; Индия; Индийский национальный конгресс; Махатма Ганди; Джавахарлал Неру; Владимир Ленин; социализм; колониализм; национальное освобождение.

РАСІЙСКАЯ РЭВАЛЮЦЫЯ Ў ПЕРСПЕКТЫВЕ. РАЗВАЖАННІ ПРА ЯЕ ЎПЛЫЎ НА БАРАЦЬБУ ЗА ВЫЗВАЛЕННЕ ІНДЫІ

А. УПАДУЭЙ^{1*}

^{1*} Універсітэт імя Джавахарлала Неру, New Mehrauli Road, 110067, г. Нью-Дэлі, Індыя

Прааналізаваны ўплыў Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. на індыйскі вызваленчы рух. Адзначана, што яна дала імпульс індыйскім палітычным памкненням, пашырыла базу вызваленчага руху, ператварыўшы прамысловых рабочых і сялян у актыўных удзельнікаў барацьбы, і надзяліла рух прагрэсіўным светапоглядам. Прынцыпы рэвалюцыі выклікалі рэзананс сярод радавых змагаюў за незалежнасць і лідараў індыйскага вызваленчага руху. Зроблены высновы аб тым, што многія каштоўнасці, замацаваныя ў Канстытуцыі Індыі, прынятай пасля атрымання незалежнасці, былі натхнёны высокімі ідэаламі расійскай рэвалюцыі. Сама рэвалюцыя, яе ідэалогія, У. І. Ленін і яго глыбокая заклапочанасць праблемамі, якія стаяць перад народамі Усходу, пераўтварэнні ў Расіі пасля 1917 г., стаўленне савецкага ўрада і Камінтэрна да барацьбы за незалежнасць Індыі моцна ўплывалі як на народ, так і на лідараў індыйскага вы-

¹ Авторизованный перевод с английского языка выполнен В. И. Меньковским с согласия автора на основе публикации Archana Upadhyay. Russian Revolution in Perspective. Reflections on Its Impact on the Indian Freedom Struggle // Econ. and Polit. Weekly. 2018. Vol. 53, Iss. 30. P. 35–40.

Образец цитирования:

Упадуэй А. Российская революция в перспективе. Размышления о ее влиянии на борьбу за освобождение Индии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;4:47–55.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-47-55>.

For citation:

Upadhyay A. Russian Revolution in perspective. Reflections on its impact on the Indian freedom struggle. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;4:47–55. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-47-55>.

Автор:

Арчана Упадуэй – профессор Центра российских и центральноазиатских исследований.

Author:

Archana Upadhyay, professor at the Centre for Russian and Central Asian Studies.
archanaupadhyay.jnu@gmail.com

зваленчага руху. Хаця шматкласавы нацыянальны рух не ператварыўся ў сацыялістычны, фактам застаецца тое, што спадчына Кастрычніцкай рэвалюцыі паўплывала на ход вызваленчай барацьбы. Такім чынам, сацыялістычны кампанент Канстытуцыі Індыі не быў выпадковым. Ён стаў вынікам вялікага ідэалагічнага ўплыву на Індыйскі нацыянальны кангрэс звонку і знутры, і ў не меншай ступені быў абумоўлены вызваленчымі ідэаламі расійскай рэвалюцыі 1917 г.

Ключавыя словы: расійскай рэвалюцыя 1917 г.; Індыя; Індыйскі нацыянальны кангрэс; Махатма Гандзі; Джавахарлал Неру; Уладзімір Ленін; сацыялізм; каланіялізм; нацыянальнае вызваленне.

RUSSIAN REVOLUTION IN PERSPECTIVE. REFLECTIONS ON ITS IMPACT ON THE INDIAN FREEDOM STRUGGLE

A. UPADHYAY^a

^aJawaharlal Nehru University, New Mehrauli Road, New Delhi 110067, India

The October Revolution of 1917 profoundly influenced the course of the Indian freedom movement in multiple ways. It gave impetus to Indian political aspirations, widened the base of the freedom struggle by making industrial workers and peasants active participants, and endowed the movement with a progressive outlook. The revolution's principles resonated deeply among the people and leaders of the Indian freedom movement. In fact, many of the values enshrined in our Constitution, adopted post-independence, were inspired by the lofty ideals of the Russian Revolution. The most important event in Russia, influencing the course of the freedom movement in India, was the October Revolution in 1917. The revolution, its ideology, V. I. Lenin and his deep involvement with the issues confronting the people of the East, the transformation of Russia post 1917, and the overall attitude of the Soviet government and the Comintern towards India's freedom struggle deeply influenced both the people and the leaders of the Indian freedom movement. Though the multiclass national movement did not get converted completely to the cause of socialism, the fact remains that the legacies of the October Revolution influenced the course of the freedom struggle in multiple ways. Some of its legacies got imprinted in the Constitution that India adopted post-independence. The socialist component of the Constitution of India did not happen by accident. It was the outcome of the massive ideological churning that took place within and outside the Indian National Congress and that which by no small measure was triggered by the emancipatory ideals of the Russian Revolution of 1917. The Constitution of the Republic of India, adopted on 26 January 1950, was based on a set of principles and ideas that would achieve socialist reconstruction of society through democratic means. The right balance of the proper socio-economic rights with guaranteed democratic and civil liberties, based on the majority principle along with the right of minority opinions to exist and flourish in a secular state became the cornerstones of the Constitution that independent India adopted. Many of these values were clearly inspired by the lofty ideals of the Russian Revolution.

Keywords: the Russian Revolution of 1917; India; Indian National Congress; Mahatma Gandhi; Jawaharlal Nehru; Vladimir Lenin; socialism; colonialism; national liberation.

В ноябре 2017 г. исполнилось 100 лет российской революции², ставшей поворотным моментом мировой истории. Она не только ликвидировала многовековое имперское правление в России, но и положила начало политическим и социальным процессам, которые привели к формированию Советского Союза. В отличие от других политических революций, результатом которых была лишь смена правительства в одной стране, или национальных

революций, имевших значение только для одного народа, Октябрьская революция была международной. Она провозгласила начало новой исторической эры с новыми политическими возможностями. Сегодня очевидно, что это также была социальная революция, изменившая ход исторического развития, равно как и английская революция XVII в., французская и американская революции XVIII в.

Международное значение

Хотя российская революция 1917 г. в большой степени характеризовалась подрывными и насильственными действиями с участием многих акторов, преследовавших разные и даже противоречивые цели, ее определяющей чертой стала идея освобождения. Несмотря на то что револю-

ция не оправдала многие ожидания, она вдохновила новые амбиции, сформировала стандарты нового мышления и создала новые возможности для всего мира. Российская революция бросила вызов доминирующим западным ценностям и культуре, системе управления, фундаменталь-

²При переводе термина *Russian Revolution* мы используем принятое сегодня большинством исследователей понятие «российская революция» (а не «русская революция»), поскольку оно более точно отражает специфику России как многонационального государства.

ным принципам торговли и промышленности, методам дипломатии. Политическое поле 1917 г. характеризовалось эйфорией народной власти, созданием культа простого человека. В экономической сфере концепция планирования и идеи централизованного управления национальной экономикой стали краеугольным камнем альтернативного варианта экономического развития. Так, Э. Х. Карр отмечал: «Если мы все сейчас занимаемся планированием, это в значительной степени результат, сознательный или неосознанный, влияния советской практики и советских достижений» [1, с. 20].

Последствия российской революции на международном уровне были не менее значительными. Решение Владимира Ильича Ленина прекратить участие России в продолжающейся Первой мировой войне вызвало резонанс по всему земному шару, оказав радикальное влияние на баланс сил между остальными участниками войны. Тем самым В. И. Ленин разоблачил тесные связи между войной, капитализмом и тем, что он назвал буржуазной демократией. Успех российской революции также изменил характер национальных движений в колониальном мире. Эти движения приобрели новое социальное и экономическое содержание, усилившее их борьбу. Ленинская приверженность

принципу национального самоопределения нашла широкий отклик среди угнетенных национальностей, особенно колонизированного населения Азии и Африки. В своей знаменитой работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»³, написанной в 1916 г., Ленин выдвинул идею антиимпериалистического союза пролетарского движения в развитых странах и национально-освободительного движения в колониях. Анализируя колониальный вопрос, он подчеркнул, что национальное самоопределение является абсолютной необходимостью для успеха демократической и социалистической революций.

Нарративы российской революции могут рассматриваться в различных контекстах, и ее наследие продолжает порождать противоречивые оценки и интерпретации. Одним из обсуждаемых аспектов выступает воздействие российской революции на борьбу за независимость в колониальном мире и ее самое значимое явление – индийское освободительное движение. Будучи народным и многоклассовым, оно отличалось разнообразной идеологией и стало крупнейшим массовым движением в новейшей истории, успешно мобилизовавшим миллионы людей на определяющую политическую акцию, направленную против мощи Британской колониальной империи.

Российские интеллектуалы

Борьба Индии за независимость (1857–1947) была результатом базового противоречия между интересами колонизаторов и индийского народа. Руководство движения основывалось на четкой антиколониальной идеологии, которая в первую очередь сосредоточилась на разьяснении характера британской колониальной эксплуатации и теории «утечки богатства» из Индии⁴. Отличительной чертой индийского движения за свободу была постоянная идеологическая трансформация в процессе развития. Индийский национальный конгресс (ИНК), возглавлявший движение с момента своего создания в 1885 г., был в большей степени зонтичной организацией, объединившей отдельные лица и группы с разными политическими и идеологическими взглядами.

Умеренные, экстремисты, конституционалисты, левые и правые оставались едины в пределах движе-

ния под «общим зонтом» ИНК. Эти различные группы стали интегрированным целым в индийской освободительной борьбе и успешно использовали энергию и разнообразные возможности как интеллектуалов, так и масс. Выдающиеся личности среди лидеров и их последователей играли значимую роль в формировании курса и определении цели движения, чередуя различные режимы сопротивления: от массовых волнений, связанных с нарушением существовавших законов, до интенсивного сопротивления в рамках правовой базы. В конце 1920-х – 1930-е гг. лидеры ИНК, коммунисты, социалисты, а также другие левые социалистические группы и отдельные граждане приложили серьезные усилия, чтобы придать движению социалистическую направленность через организацию крестьян в *Kisan Sabha*⁵, рабочих – в профсоюзы, а молодежи – в молодежные лиги и студенческие союзы.

³«Империализм, как высшая стадия капитализма» – экономическая работа В. И. Ленина, посвященная переходу капитализма в конце XIX – начале XX в. от стадии первоначального накопления капитала к стадии монополистического капитализма, или империализма. Работа была написана в Цюрихе весной 1916 г. и опубликована в Петрограде в апреле 1917 г. под названием «Империализм, как новейший этап капитализма. (Популярный очерк)».

⁴Теория «утечки богатства» была выдвинута Дадабхаем Наороджи (*Dadabhai Naoroji*), известным как отец индийского национализма. В 1867 г. в книге «Бедность и небританское правление в Индии» он доказывал, что британское правление ведет к выкачиванию богатств из колонии в метрополию. В 1892 г. Д. Наороджи стал первым индийцем, избранным в британский парламент. Как депутат добился создания Королевской комиссии для изучения финансового положения Индии. В 1885 г. принимал участие в основании Индийского национального конгресса. Одним из первых среди лидеров конгресса провозгласил его целью достижение независимости страны.

⁵*Кисан Сабха* – Всеиндийский крестьянский союз (*All India Kisan Sabha*), крестьянская секция Коммунистической партии Индии, крупное крестьянское движение, сформированное Сахаджанандом Сарасвати (*Sahajanand Saraswati*) в 1936 г.

Примечательно, что первая война за независимость Индии в 1857 г.⁶, часто называемая британскими историками мятежом 1857 г., привлекла внимание выдающихся россиян, самым известным из которых был Лев Николаевич Толстой, осудивший «репрессивные меры лондонского правительства и жестокость Великобритании» в подавлении мятежа [2, с. 1]. Также важно отметить, что так называемая российская угроза для британской власти в Индии вследствие экспансии царской России в Центральной Азии, служившая оправданием британскому продвижению через северо-западную границу Индии («политике фронта»), не воспринималась всерьез индийским обществом даже до Октябрьской революции.

Документы ИНК 1899–1906 гг. наглядно подтверждают последовательную оппозицию увеличению военных расходов правительства Индии, которое британцы стремились списать на российскую угрозу. ИНК принял резолюцию, выражавшую «глубокое и серьезное убеждение в том, что правительственная политика фронта наносит вред интересам страны и должна быть оставлена; если правительство считает необходимым отправлять экспедиции за пределы Индии для реализации британских имперских целей, основную часть расходов должно нести британское казначейство» [3, с. 8]. Очевидно, что участие в иностранных экспедициях в Персии, Афганистане и Тибете под предлогом сдерживания России не нашло поддержки у индийцев.

Такие события, как Русско-японская война (1904–1905) и первая российская революция (1905), оказали значительное влияние на освободительную борьбу в Индии. Революция 1905 г. стала результатом массовых политических и социальных волнений во многих регионах Российской империи. Она проходила в форме антицаристских протестов, промышленных забастовок, крестьянских выступлений и военных восстаний. Результатом стали конституционные реформы, которые привели к созданию Государственной думы и многопартийной системы, принятию Основных государственных законов Российской империи 1906 г.

Успех Японии в войне был первым крупным военным триумфом азиатского государства над европейским в современную эпоху. Это событие

разрушило миф о непобедимости Европы в целом и царской России в частности. В Индии победа Японии в Русско-японской войне была воспринята как победа национализма над империализмом Европы.

Комментируя события первой российской революции 1905 г., Махатма Ганди (*Mahatma Gandhi*), который в это время находился в Южной Африке, восхвалял дух русского народа и предлагал своим соотечественникам учиться у него [4, с. 413]. В статье «Россия и Индия», опубликованной в его двуязычном еженедельнике «Индийское мнение» (*The Indian Opinion*), Ганди написал: «Нынешние волнения в России служат большим уроком для нас... сила Вице-короля ничуть не меньше, чем у Царя... Мы тоже можем прибегнуть к российским средствам защиты от тирании». Далее он отметил: «Если русский народ добьется успеха, эта революция в России будет считаться величайшей победой, величайшим событием века» [4, с. 331–332].

Будет нелишним отметить, что на Ганди глубоко повлияли тексты Льва Толстого и Максима Горького, а также переписка с этими русскими литературными мастерами. Характеризуя Толстого как «одного из своих гуру», Ганди признавался, что книга Льва Николаевича «Царство Божие внутри вас» произвела на него неизгладимое впечатление [4].

Еще одним важным фактом, который оказал воздействие на индийских борцов за освобождение, был интерес, проявленный Лениным к политическим событиям в Индии. В декабре 1900 г. в первом выпуске газеты «Искра» Ленин писал о британской «политике грабежа», которая привела к «бесконечным войнам» и смертям в Индии. Он отмечал, что «достаточно вспомнить восстание коренного населения против англичан и голода, который преобладал там» [5, с. 373]. В 1908 г., когда Локаманья Бал Гангадхар Тилак⁷ был приговорен к шести годам лишения свободы, Ленин приветствовал индийского революционера и осудил британцев как «обычных Чингисханов», «шакалов» и «лакеев денежного мешка». Примечательно, что в своей статье Ленин впервые выдвинул идею единства освободительного движения в странах Востока и революционного движения на Западе. Стало быть, очевидно, что Русско-японская война 1904–1905 гг. и российская революция 1905 г., так же как и труды Толстого, Горького и Ленина, при-

⁶Восстание 1857 г. положило конец правлению Британской Ост-Индской компании в Индии: оно сменилось прямым британским правлением (британским раджем). Британский радж (англ. *British Raj*; хинди – радж ‘правление’) – название периода британского правления в Индии (1858–1947), когда по «Акту о лучшем управлении Индией» 1858 г. колония перешла под власть британской короны, а Ост-Индская компания, прежде управлявшая Индией, была ликвидирована. Кульминацией стала коронация в 1876 г. английской королевы Виктории как императрицы Индии. Министерство по делам Индии в правительстве Великобритании и вице-король в самой Индии осуществляли общее управление на территории субконтинента. Располагавшиеся здесь более 500 княжеств, хотя и были связаны с английской короной договорами, самостоятельно решали свои внутренние дела. Радж завершился в 1947 г., когда Великобритания передала власть новым государствам – Индии и Пакистану.

⁷Локаманья Бал Гангадхар Тилак (*Lokmanya Bal Gangadhar Tilak*, 1856–1920) – индийский радикальный националист, социальный реформатор и борец за независимость. Первый лидер индийского движения за независимость (хинди – сwardж ‘своя власть’), член группировки «Лал Бал Пал».

влекли внимание индийских борцов за свободу и различным образом вдохновили их.

Октябрьская революция 1917 г., также известная как большевистская революция, глубоко повлияла на индийское освободительное движение во многих важных аспектах. Когда она произошла, Индия была британской колонией, борьба за независимость которой началась задолго до Октябрьской революции и продолжалась в течение 30 лет после нее. Непосредственным воздействием было ускорение темпа борьбы за свободу – факт, признанный даже авторами доклада о конституционной реформе управления Индией (1918) Э. Монтегю (*E. Montagu*) и Ф. Челмсфордом (*F. Chelmsford*), которые написали в знаменитом документе, что «революция в России с самого начала воспринималась в Индии как триумф над деспотизмом. Это дало толчок индийским политическим устремлениям» [6, с. 75].

Другим аспектом влияния было расширение социальной базы борьбы за свободу, превращение промышленных рабочих и крестьян в активных ее участников. Идеалы революции укрепили социальную направленность освободительного движения через воздействие как на рядовых борцов за независимость, так и на руководство ИНК – ведущей политической организации, возглавившей борьбу. Наиболее важным стало то, что идеалы российской революции обогатили индийское освободительное движение прогрессивным мировоззрением, сформировали социально-экономические и политические взгляды его руководства; освободительное движение было ориентировано на создание «демократической, свободной (имеются в виду гражданские свободы – А. У.) и светской Индии, основанной на самоуправляемой, равной социальной системе и независимой внешней политике» [7, с. 2–3].

Известие об Октябрьской революции как результате свержения царя и консолидации советской власти вызвало сильную реакцию индийской прессы. Декрет о мире и Декрет о земле были высоко оценены, а обращение Ленина «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г., призывавшее персов, турок, арабов и индийцев сбросить иго рабства и самим формировать свою судьбу, вызвало широкий резонанс в Индии [5, с. 15–17]. Примечательно, что в ответ на «Четырнадцать пунктов» президента Вудро Вильсона большевистское правительство в России заявило: «Вы требуете независимости Польши, Сербии, Бельгии и свободы для народов Австро-Венгрии. Но как ни странно, мы не заметили в вашем требовании каких-либо упоминаний о свободе для Ирландии, Египта, Индии или Филиппинских островов» [8, с. 677].

Решительно стремясь противостоять британской пропаганде против российской революции и В. И. Ленина, индийская пресса широко освещала события в России. Бал Гангадхар Тилак, выдающийся деятель ИНК, в редакционной статье популярной ежедневной газеты «Шафран» (*Kesari*), опубликованной 29 января 1918 г. под названием «Русский лидер Ленин», описал Владимира Ильича как «человека мира»⁸, а большевиков назвал «истинными приверженцами принципа самоопределения» [9, с. 21–26]. Со смертью Тилака (через 12 дней после публикации этой статьи) руководство освободительным движением перешло к Махатме Ганди. После этого движение стало массовым и приняло общенациональные масштабы, в борьбе против мощи Британской империи использовались различные инновационные способы, широко известные как гандианские методы сопротивления.

Противодействуя британской пропаганде об агрессивных замыслах Советской России, Ганди заявил в 1921 г.: «Я никогда не верил в большевистскую угрозу»⁹. Политическое брожение привело к основанию Всеиндийского конгресса профсоюзов в 1920 г. и Коммунистической партии Индии в 1925 г., в обеих организациях ведущую роль играли радикальные течения. На первом заседании Всеиндийского конгресса профсоюзов было объявлено, что «рабочие Индии объединяются (дословно ‘соединяют руки и мозги’ – А. У.) не только для защиты интересов индийских рабочих, но и для создания звена в цепи международного братства» [9, с. 10]. Обращаясь к II Всероссийскому съезду коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 г., Ленин говорил о вооруженном противостоянии империализма «местному большевизму» в угнетенных странах [10, с. 50].

В июле 1920 г. на II конгрессе Коминтерна (международной коммунистической организации, основанной в Москве в 1919 г. сторонниками мирового коммунизма) политическая ситуация в Индии обсуждалась комиссией по национальному и колониальному вопросам. Ленин представил доклад на эту тему, в котором сделал упор на формирование единого антиимпериалистического объединенного фронта всех «национально-революционных» сил в колониях и зависимых странах для ведения общей борьбы с колониализмом и империализмом. Также был представлен дополнительный доклад М. Н. Роя (*M. N. Roy*), молодого индийского коммунистического лидера. Итоговая полемика между Лениным и Роем сосредоточилась на проблеме противостояния национально-освободительному движению в Индии¹⁰.

⁸В данном контексте мир понимается как отсутствие войны.

⁹Young India. 1921 May 4.

¹⁰Полный вариант тезисов М. Н. Роя с поправками В. И. Ленина см. в [11; 12].

Семена доброй воли

Два важных события в течение этого периода внесли огромный вклад в посев семян доброй воли и дружеского отношения к Советскому Союзу в Индии.

Во-первых, визит в Россию индийских революционеров вскоре после Октябрьской революции. В целях ознакомления с марксистской идеологией и в поисках поддержки своей антибританской деятельности они прибыли в СССР не только из самой Индии, но и из-за рубежа (Берлина, Кабула и Стокгольма). Стоит отметить, что Махендра Пратап (*Mahendra Pratap*) и Абдул Хафиз Мохамед Баракатулла (*Abdul Hafiz Mohamed Barakatullah*), Президент и Премьер-министр Временного правительства Свободной Индии, находившегося в Кабуле с 1915 г., были приняты лично Лениным. Для молодых индийских революционеров полученный из первых рук опыт стойких приверженцев Октябрьской революции стал самым большим источником вдохновения в борьбе против британского правительства. Эти революционеры, несмотря на

их противоречивое прошлое и смутные социалистические идеи, способствовали росту и развитию коммунистического движения в Индии, которое в свою очередь стимулировало рост профсоюзного движения.

Во-вторых, таким событием стал приезд в Советский Союз в 1930 г. нобелевского лауреата Рабиндраната Тагора (*Rabindranath Tagore*). Впечатления поэта, его письма и речи, оказали сильное влияние на индийцев. В одном из своих писем он отметил: «В России наконец-то! Куда бы я ни посмотрел, я испытывал удивлением. Это не похоже ни на одну другую страну. Каждого не может не поразить это различие. Что порадовало меня больше всего, это полное исчезновение вульгарного преклонения перед богатством... Безмолвные обрели свой голос, невежественные сбросили завесу со своих умов, беспомощные стали осознавать свою силу, те, кто был на грани деградации, вырвались из социальной “черной дыры”, чтобы претендовать на равенство со всеми остальными» [13, с. 1].

Неру и социалистическое движение в Индии

С 1920 г. в «коалиционном лидерстве» индийского национального движения Джавахарлал Неру (*Jawaharlal Nehru*) наряду с Ганди занимал ведущую позицию. Он был в центре социалистических идей, и, следовательно, краткий анализ его взглядов позволит определить влияние российской революции на политическое мышление и, в свою очередь, на ход освободительной борьбы в Индии. Неру занимал уникальное положение в ИНК: он не только пользовался полным доверием со стороны Ганди, но также представлял стремления молодой генерации, ориентирующейся на его прогрессивные взгляды. Для Неру Октябрьская революция была «одним из самых удивительных подвигов в истории... по сути, это была победа уверенности в себе, веры, самопожертвования и непоколебимой решимости русских людей» [8, с. 678]. По его мнению, «советская революция была огромным шагом в развитии человечества и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить» [8, с. 29].

Участие в качестве аккредитованного представителя ИНК в международном антиимпериалистическом конгрессе в Брюсселе в феврале 1927 г., а также последующий визит в СССР в ноябре того же года по случаю празднования 10-летия Октябрьской революции произвели на Дж. Неру глубокое впечатление. Он вернулся хотя и критичным, но полным энтузиазма сторонником Советского Союза. Так, Неру отметил: «Я должен признаться, что впечатления, которые я получил в Москве, были очень благоприятными, и все подтверждает эти впечатления, хотя есть многое, чего я не понимаю,

и многое, что мне не нравится и не восхищает» [14, с. 34]. Однако он подчеркнул, что в интересах Индии попытаться понять новые силы, действующие в России, так как проблемы, с которыми сталкиваются оба государства, похожи во многих отношениях. И та, и другая страна были в основном аграрными, характеризовались очень низким уровнем индустриализации, высокой степенью нищеты и неграмотности. Неру верил в то, что Индия могла бы многому научиться у Советской России, если та преуспеет в поиске удовлетворительного решения этих проблем.

Учитывая, что Советский Союз был соседом Индии, причем весьма мощным, для нее имело смысл установить отношения дружбы и сотрудничества с Россией [14, с. 2–3]. Неру категорически отвергал британскую пропаганду российской угрозы для Индии. По его словам, напряженность между Англией и Россией не означала наличие таковой между Индией и Россией, а значит, не существовало никаких причин, по которым Индия должна наследовать вековое соперничество Британии и России. Интерес Индии состоял в ликвидации империализма, а не в его поддержке или укреплении [14, с. 131]. На самом деле соперничество между Британией и Россией способствовало росту популярности России в Индии. В одном из своих выступлений в 1928 г. Неру заявил, что, несмотря на свои многочисленные ошибки, Россия остается величайшим противником империализма и ее образ у народов Востока ассоциируется со справедливостью и благородством. Россия, по мнению Неру,

шла на Восток с идеями равенства, а не завоевания или расового превосходства [15].

Брюссельский конгресс угнетенных народов (1927), который способствовал повороту Неру к Советскому Союзу, также заставил его опасаться подъема американского империализма и создания англосаксонского блока, доминирующего в мире. В докладе ИНК Неру написал: «Растущий империализм Соединенных Штатов, с его огромными ресурсами и внешним иммунитетом постепенно занимает господствующие позиции в Центральной и Южной Америке... Все признаки указывают на то, что обе страны (США и Великобритания – А. У.) будут объединять усилия для создания мощного англосаксонского блока, доминирующего в мире» [16, с. 9–12].

К 1936 г. интерес Неру к мировым проблемам стал постоянным, и поэтому его привлекал Советский Союз. Неру рассматривал борьбу в Индии как часть великой борьбы политических и экономических сил, происходящей повсюду на национальном и международном уровнях. В своем послании, как президент ИНК, в апреле 1936 г. он призвал отождествлять ИНК с мировыми социалистическими и национальными силами, борющимися с империализмом и фашизмом – двумя ликами того, что он характеризовал как разлагающийся капитализм [17].

Хотя Неру испытывал серьезные опасения в связи с массовыми репрессиями и «чистками» в России и не поддерживал подписание договора о ненападении между СССР и Германией, это не повлияло на его позитивные чувства к Советскому Союзу. Он писал: «Не может быть и не будет настоящего альянса у Гитлера и Сталина. И тот, и другой достаточно сильны, чтобы играть в политические игры. Россия понесла достаточно оскорблений со стороны Англии, чтобы чувствовать обиду» [18, с. 162–63]. И, когда Германия напала на СССР в 1941 г., Неру немедленно заявил, что прогрессивные силы мира поддерживают Советский Союз и приветствуют героическую борьбу советского народа.

В рамках ИНК Неру делал серьезные попытки идеологического обоснования соединения национального движения с социалистическими идеями. В президентском послании Лахорской сессии ИНК 1929 г. он четко заявил: «Ближайшая цель Индии может рассматриваться только с точки зрения окончания эксплуатации ее людей. Политически это должно означать независимость и разрыв британской связи, означающей империалистическое доминирование; экономически и социально это должно означать ликвидацию всех классовых привилегий и корыстных интересов. Весь мир борется за это; Индия может сделать не меньше, и таким образом индийская борьба за свободу совпадает с мировой борьбой» [19, с. 14].

Тем не менее стоит отметить, что, хотя на интеллектуальном уровне Неру был впечатлен Марксом и русским экспериментом, он не был готов принять коммунистическую модель для собственной страны. Гандианская философия первенства средств над целями и отвращение к насилию сформировали мировоззрение Неру. По сути, он был демократом и либералом. В письме Субхасу Чандре Босу (*Subhas Chandra Bose*), одному из выдающихся лидеров ИНК, Неру писал: «По своему темпераменту и образованию я индивидуалист, а интеллектуально социалист... Надеюсь, что социализм не убьет и не подавит индивидуальность; меня действительно привлекает к нему то, что он освободит бесчисленное множество индивидуальностей из экономической и культурной кабалы» [20, с. 363].

Опасения Неру по поводу коммунистов основывались на его опыте участия в Брюссельском конгрессе угнетенных народов и последующих заседаниях Лиги Наций, где он вступал в прямой контакт с коммунистами: «Я повернулся лицом к коммунизму, ибо какими бы ни были его недостатки, он был по крайней мере не лицемерным и не империалистическим... Это привлекло меня, так же, как и огромные изменения, происходящие в России. Но коммунисты часто раздражали меня своими диктаторскими взглядами, агрессивными и вульгарными методами, привычкой осуждать всех, кто не согласен с ними» [21, с. 163].

Это, возможно, объясняет, почему Дж. Неру воздерживался от союза с индийскими коммунистами и социалистической группой в ИНК, возникшей после 1932 г. Неру хотел играть роль национального лидера в национальном движении, и союз с той или иной группой лишил бы его этой роли. Основное несогласие Неру с индийскими коммунистами и социалистами заключалось в том, что они не смогли адаптировать свою идеологию к индийским условиям. В послании социалистам в декабре 1936 г. он писал: «Часто забывают, что, если мы хотим быть понятыми, мы должны говорить на языке страны. Я не просто ссылаюсь на разные языки Индии. Я имею в виду гораздо большее, язык, который произрастает из комплекса как исторических и культурных ассоциаций, так и современности... Простое использование слов и фраз, которые могут иметь значение для нас, но которые ничего не стоят для индийских масс, означает напрасно потраченные усилия. Это та проблема подхода к социализму, которая занимает мой ум, – как интерпретировать его в условиях Индии, как достичь сердец людей, превратить социализм во вдохновляющий меседж, дающий надежду. Это вопрос, который я, как социалист, должен тщательно продумать» [22, с. 15].

Если бы Неру поставил перед собой задачу продвижения социалистической идеологии внутри ИНК, возник бы вопрос, каким социалистом явля-

ется он сам и что он сделал для распространения социализма в Индии. Примечательно, что Неру одновременно находился под влиянием марксизма, российской революции и Ганди. Следовательно, он приложил серьезные усилия для адаптации научных аспектов социализма к гандианской уверенности в первичности средств, а не целей. Неру твердо верил, что массовая база ИНК стала его самым ценным активом, который может быть успешно использован в интересах социализма внутри страны и против империализма и колониальной эксплуатации. Социализм, пропагандируемый малыми группами, может оказаться контрпродуктивным, а следовательно, союз с такими группами будет служить лишь ограниченной цели.

Благодаря влиянию Неру в ряде случаев ИНК принял радикальные решения, связанные с фундаментальными правами человека, а также утвер-

дил экономическую программу, направленную на национализацию ресурсов страны [23, с. 141–142]. Кроме того, Дж. Неру обратил внимание ИНК на насущную необходимость земельных реформ, призвал к установлению «крестьянского владения» и отмене феодальных сборов. Тем не менее, когда речь шла о классовой борьбе, социализм Неру капитулировал перед интеллектуальными убеждениями личности Ганди, которым Неру был верен и предан, хотя и характеризовал их как «экстраординарно парадоксальные» [21, с. 515–536]. Лидерство Ганди в ИНК было основано на идее классовой гармонии и защите капиталистической собственности, поскольку «капиталисты являются отцами, а работники – детьми». Понятно, что это было важнейшей причиной, по которой земельные и промышленные собственники поддерживали руководство Ганди, а Неру рассматривали как угрозу.

Выводы

Самым важным российским событием, повлиявшим на освободительное движение в Индии, была Октябрьская революция 1917 г. Конституция Республики Индия, принятая 26 января 1950 г., была основана на принципах и идеях, которые ведут к социалистической реконструкции общества с помощью демократических средств. Баланс социально-экономических прав беднейшего населе-

ния и гарантированных демократических и гражданских свобод, сочетание принципа большинства с защитой права меньшинства на существование и процветание в светском государстве стали краеугольными камнями Конституции независимой Индии. Многие из этих ценностей были вдохновлены высокими идеалами российской революции.

Библиографические ссылки

1. Carr EH. *The Soviet Impact on the Western World*. New York: Macmillan Company; 1947. 113 p.
2. Толстой ЛН. *Полное собрание сочинений. Том 48. Дневники и записные книжки 1858–1880*. Москва: Государственное издательство художественной литературы; 1952. 539 с.
3. *Report of the Fifth Indian National Congress held at Bombay, on the 26th, 27th and 28th of December, 1889*. Bombay: Bombay Gazette Steam Printing Works; 1889. 247 p.
4. Gandhi MK. *The Collected Works of Mahatma Gandhi. Volume 5. 1905–1906*. New Delhi: Publications Division; 1961. 522 p.
5. Lenin VI. *Collected Works. Volume 4. 1898 – April 1901*. Moscow: Progress Publishers; 1977. 496 p.
6. Imam Z. The Effects of the Russian Revolution on India 1917–20. In: Mukherjee SN, editor. *The Movement for National Freedom in India*. London: Oxford University Press; 1966. p. 74–97.
7. Chandra B, Mukherjee M, Mukherjee A, Panikkar KN, Mahajan S. *India's Struggle for Independence 1857–1947*. London: Penguin Books; 2000. 600 p.
8. Nehru J. *Glimpses of World History*. London: Lindsay Drummond; 1949. 988 p.
9. Sardesai SG. *India and the Russian Revolution*. New Delhi: Communist Party Publication; 1967. 106 p.
10. Lenin VI. *The Awakening of Asia: Selected Essays*. New York: International Publishers; 1970. 77 p. (Little New World Paperbacks; 22).
11. *Доклады Второму Конгрессу Коммунистического Интернационала*. Петроград: Издание Коммунистического Интернационала; 1920. 407 с.
12. *Вестник Второго Конгресса Коммунистического Интернационала*. 1920, 8 августа.
13. Tagore R. *Letters from Russia*. Calcutta: Visva-Bharati; 1960. 222 p.
14. Nehru J. *Soviet Russia: Some Random Sketches and Impressions*. Bombay: Chetana; 1947. 132 p.
15. Nehru J. *Before and After Independence: A Collection of the Most Important and Soul-stirring Speeches Delivered by Jawaharlal Nehru, During the Most Important and Soul-stirring Years in India's History, 1922–1950*. Bright JS, editor. New Delhi: Indian Printing Works; 1950. 627 p.
16. *Report of the 49th Session of the Indian National Congress held at Lucknow in April 1936*. Lucknow: Oudh Printing Works; 1936. 176 p.
17. Prasad B. *The Origins of Indian Foreign Policy: The Indian National Congress and World Affairs, 1885–1947*. Calcutta: Bookland; 1962. 393 p.
18. Nehru J. *China, Spain and the War: Essays and Writings*. Allahabad: Kitabistan; 1940. 269 p.
19. Nehru J. *India's Freedom*. London: Allen & Unwin; 1962. 95 p. (Unwin books; U-510).

20. Gandhi M. *A Bunch of Old Letters: written mostly to Jawaharlal Nehru and some written by him*. Bombay: Asia Publishing House; 1960. 523 p.
21. Nehru J. *An Autobiography: With Musings on Recent Events in India*. Bombay: Allied Publishers; 1962. 623 p.
22. Sitaramayya BP. *The History of the Indian National Congress. Volume II (1935–1947)*. Bombay: Padma Publications; 1947. 827 p.
23. Bhambhri CP, Bhamberi CP. Nehru and Socialist Movement in India (1920–47). *The Indian Journal of Political Science*. 1969;30(2):130–148.

References

1. Carr EH. *The Soviet Impact on the Western World*. New York: Macmillan Company; 1947. 113 p.
2. Tolstoi LN. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 48. Dnevnik i zapisnye knizhki 1858–1880* [Full composition of writings. Volume 48. Diaries and notebooks 1858–1880]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury; 1952. 539 p. Russian.
3. *Report of the Fifth Indian National Congress held at Bombay, on the 26th, 27th and 28th of December, 1889*. Bombay: Bombay Gazette Steam Printing Works; 1889. 247 p.
4. Gandhi MK. *The Collected Works of Mahatma Gandhi. Volume 5. 1905–1906*. New Delhi: Publications Division; 1961. 522 p.
5. Lenin VI. *Collected Works. Volume 4. 1898 – April 1901*. Moscow: Progress Publishers; 1977. 496 p.
6. Imam Z. The Effects of the Russian Revolution on India 1917–20. In: Mukherjee SN, editor. *The Movement for National Freedom in India*. London: Oxford University Press; 1966. p. 74–97.
7. Chandra B, Mukherjee M, Mukherjee A, Panikkar KN, Mahajan S. *India's Struggle for Independence 1857–1947*. London: Penguin Books; 2000. 600 p.
8. Nehru J. *Glimpses of World History*. London: Lindsay Drummond; 1949. 988 p.
9. Sardesai SG. *India and the Russian Revolution*. New Delhi: Communist Party Publication; 1967. 106 p.
10. Lenin VI. *The Awakening of Asia: Selected Essays*. New York: International Publishers; 1970. 77 p. (Little New World Paperbacks; 22).
11. *Doklady Vtoromu Kongressu Kommunisticheskogo Internatsionala* [Reports to the Second Congress of the Communist International]. Petrograd: Izdanie Kommunisticheskogo Internatsionala; 1920. 407 p. Russian.
12. *Vestnik Vtorogo Kongressa Kommunisticheskogo Internatsionala* [Bulletin of the Second Congress of the Communist International]. 1920 August 8. Russian.
13. Tagore R. *Letters from Russia*. Calcutta: Visva-Bharati; 1960. 222 p.
14. Nehru J. *Soviet Russia: Some Random Sketches and Impressions*. Bombay: Chetana; 1947. 132 p.
15. Nehru J. *Before and After Independence: A Collection of the Most Important and Soul-stirring Speeches Delivered by Jawaharlal Nehru, During the Most Important and Soul-stirring Years in India's History, 1922–1950*. Bright JS, editor. New Delhi: Indian Printing Works; 1950. 627 p.
16. *Report of the 49th Session of the Indian National Congress held at Lucknow in April 1936*. Lucknow: Oudh Printing Works; 1936. 176 p.
17. Prasad B. *The Origins of Indian Foreign Policy: The Indian National Congress and World Affairs, 1885–1947*. Calcutta: Bookland; 1962. 393 p.
18. Nehru J. *China, Spain and the War: Essays and Writings*. Allahabad: Kitabistan; 1940. 269 p.
19. Nehru J. *India's Freedom*. London: Allen & Unwin; 1962. 95 p. (Unwin books; U-510).
20. Gandhi M. *A Bunch of Old Letters: written mostly to Jawaharlal Nehru and some written by him*. Bombay: Asia Publishing House; 1960. 523 p.
21. Nehru J. *An Autobiography: With Musings on Recent Events in India*. Bombay: Allied Publishers; 1962. 623 p.
22. Sitaramayya BP. *The History of the Indian National Congress. Volume II (1935–1947)*. Bombay: Padma Publications; 1947. 827 p.
23. Bhambhri CP, Bhamberi CP. Nehru and Socialist Movement in India (1920–47). *The Indian Journal of Political Science*. 1969;30(2):130–148.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(476)+94(470+571)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ О СЛЕПЫХ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Д. Г. КОРСАКОВ¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых внесло большой вклад в развитие благотворительности в Российской империи, частью которой были и белорусские земли. В белорусских губерниях оно стало первой организацией, целенаправленно занимавшейся помощью незрячим людям. Цель статьи – на основе критического анализа источников исследовать деятельность белорусских отделений Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, показать их вклад в развитие социальной помощи и борьбу со слепотой на наших землях. Данная тема не находила прежде широкого освещения в отечественной историографии, что обуславливает ее актуальность. Кроме того, после обретения независимости в Республике Беларусь стали возрождаться традиции частной благотворительности, прерванные в советское время, и в связи с этим оживился интерес к опыту благотворительных организаций прошлого. В статье рассмотрено становление и развитие отделений попечительства на территории белорусских губерний Российской империи. Выделены основные формы и методы их деятельности, определены источники финансирования. Проанализированы главные достижения и результаты работы. Приведенный материал дает представление о состоянии системы призрения слепых на белорусских землях в конце XIX – начале XX в. Исследование основано на материалах отечественных и российских библиотек, ряд изученных источников впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: благотворительность; Ведомство учреждений императрицы Марии; Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых; помощь слепым; училища слепых; глазные лечебницы.

Образец цитирования:

Корсаков Д. Г. Деятельность Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в белорусских губерниях Российской империи (конец XIX – начало XX в.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;4:56–63.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-56-63>.

For citation:

Korsakov DG. Activities of the Curatorship of Empress Maria Alexandrovna about the blind in the Belarusian provinces of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;4: 56–63. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-56-63>.

Автор:

Дмитрий Геннадьевич Корсаков – аспирант кафедры истории Беларуси и восточных славян историко-филологического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор К. М. Бондаренко.

Author:

Dmitry G. Korsakov, postgraduate student at the department of history of Belarus and East Slavs, faculty of history and philology.
dmitrii.korsakov.msu@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8316-4315>

Благодарность. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Константину Михайловичу Бондаренко, а также сотрудникам Российской государственной библиотеки (Москва) и Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) за помощь в сборе материалов исследования.

ДЗЕЙНАСЦЬ ПАПЯЧЫЦЕЛЬСТВА ІМПЕРАТРЫЦЫ МАРЫІ АЛЯКСАНДРАЎНЫ АБ СЛЯПЫХ У БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ (КАНЕЦ ХІХ – ПАЧАТАК ХХ ст.)

Д. Г. КАРСАКОЎ^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Папачыцельства імператрыцы Марыі Аляксандраўны аб сляпых унесла вялікі ўклад у развіццё дабрачыннасці ў Расійскай імперыі, часткай якой былі і беларускія землі. У беларускіх губернях яно стала першай арганізацыяй, якая мэтанакіравана займалася дапамогай невідучым людзям. Мэта артыкула – на аснове крытычнага аналізу крыніц даследаваць дзейнасць беларускіх аддзяленняў Папачыцельства імператрыцы Марыі Аляксандраўны аб сляпых, паказаць іх уклад у развіццё сацыяльнай дапамогі і барацьбу са слепотай на нашых землях. Раней дадзена тэма не знаходзіла шырокага асвятлення ў айчынай гістарыяграфіі, што абумоўлівае яе актуальнасць. Акрамя таго, пасля атрымання незалежнасці ў Рэспубліцы Беларусь сталі адраджацца традыцыі прыватнай дабрачыннасці, перарваныя ў савецкі час, і ў сувязі з гэтым ажывілася цікавасць да вопыту дабрачынных арганізацый мінулага. У артыкуле разгледжана станаўленне і развіццё аддзяленняў папачыцельства на тэрыторыі беларускіх губерняў Расійскай імперыі. Вылучаны асноўныя формы і метады іх дзейнасці, вызначаны крыніцы фінансавання. Прааналізаваны галоўныя дасягненні і вынікі працы. Прыведзены матэрыялы дае ўяўленне пра стан сістэмы догляду сляпых на беларускіх землях у канцы ХІХ – пачатку ХХ ст. Даследаванне грунтуецца на матэрыялах айчынных і расійскіх бібліятэк, шэраг вывучаных крыніц упершыню ўводзіцца ў навуковы абарот.

Ключавыя словы: дабрачыннасць; Ведамства ўстаноў імператрыцы Марыі; Папачыцельства імператрыцы Марыі Аляксандраўны аб сляпых; дапамога сляпым; вучылішчы сляпых; вочныя лячэбніцы.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку свайму навуковаму кіраўніку Канстанціну Міхайлавічу Бандарэнку, а таксама супрацоўнікам Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі (Масква) і Расійскай нацыянальнай бібліятэкі (Санкт-Пецярбург) за дапамогу ў зборы матэрыялаў даследавання.

ACTIVITIES OF THE CURATORSHIP OF EMPRESS MARIA ALEXANDROVNA ABOUT THE BLIND IN THE BELARUSIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE (LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES)

D. G. KORSAKOV^a

^aMogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanaŭtaŭ Street, Mahilioŭ 212022, Belarus

The Curatorship of Empress Maria Alexandrovna about the blind made a great contribution to the development of charity in the Russian Empire which at that time included the Belarusian lands. In the Belarusian provinces, the Office became the first institution to focus on giving aid to blind people. The purpose of the article is to review the activities of the Belarusian branches of the Curatorship of Empress Maria Alexandrovna about the blind and to show their contribution to the development of social assistance and the struggle with blindness in our country. This topic hasn't been thoroughly studied in native historiography yet and thus it remains relevant for a research. Besides this, in modern Republic of Belarus the traditions of private charity which had been interrupted in the Soviet period began to revive, this obviously increasing the interest to the experience of charity institutions of the past. The article regards the formation and development of the branches of the Curatorship in the Belarusian provinces of the Russian Empire. The main forms and methods of their activity as well as the sources of financing are identified. The main achievements and results of their work are analyzed. The assembled material gives an idea of the condition of the charity system of the blind in the Belarusian lands in the late 19th and early 20th centuries. The research is based on the materials obtained in national and Russian libraries, a number of sources being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: charity; The Empress Mary's Office of Institutions; The Curatorship of Empress Maria Alexandrovna about the blind; aid for the blind; schools for the blind; eye hospitals.

Acknowledgements. The author is grateful to his supervisor Konstantin M. Bondarenko, as well as the staff of the Russian State Library (Moscow) and the Russian National Library (Saint Petersburg) for their assistance in collecting research materials.

Введение

Отличительной особенностью российской системы благотворительности XIX – начала XX в. были общественные организации, совмещавшие в своей деятельности черты как частных общественных объединений, так и государственных учреждений. К их числу принадлежало Ведомство учреждений императрицы Марии, которое многие исследователи характеризуют как специфическое государственное учреждение, действовавшее в качестве благотворительной общественной организации [1, с. 190].

По сути, оно представляло собой конгломерат различных благотворительных организаций, каждая из которых имела свое направление деятельности. Так, помощь слепым и слабовидящим оказывало Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых (далее – Попечительство о слепых). В конце XIX в. его местные отделения были открыты в Гродненской, Виленской и Минской губерниях Российской империи.

На данный момент в отечественной исторической науке деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии в целом и Попечительства о слепых в частности является малоизученной темой. Имеющиеся научные публикации немногочисленны. Попечительству о слепых на белорусских землях уделил внимание С. Ф. Шимукович в монографии «Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX века» [2], однако в этой работе его

деятельность рассматривается лишь как один из видов благотворительности и только в пределах современных границ Республики Беларусь.

Более активно данную тему изучают российские историки. Они рассматривают особенности правового положения организаций Ведомства учреждений императрицы Марии, их взаимоотношения с властями, царской семьей. Однако основное внимание уделяется собственно российским губерниям, сведения же о белорусских землях, как правило, отсутствуют [1; 3; 4]. В связи с этим предлагаемая тема представляется достаточно актуальной.

Главными источниками по данной тематике являются ежегодные отчеты, которые местные отделения Попечительства о слепых подавали в Санкт-Петербург. Однако сложность для исследования заключается в том, что в Беларуси сохранилось очень мало таких отчетов. Несколько шире эти источники представлены в архивах и библиотеках Российской Федерации. В предлагаемой статье они впервые вводятся в научный оборот.

Хронологические рамки исследования охватывают период от последних лет XIX в. до середины второго десятилетия XX в. Нижняя хронологическая граница объясняется тем, что в это время Попечительство о слепых начинает деятельность в белорусских губерниях. Верхняя обусловлена событиями Первой мировой войны, которые нарушили нормальную работу белорусских отделений.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности, которые позволяют рассматривать помощь слепым как один из наиболее важных видов благотворительности. Помимо этого, принцип объективности дает возможность избежать политизации и тенден-

циозности при анализе деятельности Попечительства о слепых на белорусских землях. Системность и комплексность исследования обеспечены привлечением первоисточников и работ, затрагивающих данную проблематику. Применялись и общенаучные методы – анализ, синтез, систематизация.

Основная часть

Попечительство о слепых было создано в 1881 г. по инициативе российского государственного деятеля К. К. Грота [3, с. 54]. Руководящим органом учреждения был Совет Попечительства о слепых, находящийся в Санкт-Петербурге (далее – Совет Попечительства). Для работы в регионах создавались местные отделения (отделы), в круг деятельности которых входило:

- открытие учебно-воспитательных заведений для слепых в целях подготовки их к самостоятельной трудовой жизни;
- организация библиотек, подготовка книг и учебных пособий для незрячих;
- попечение о взрослых слепых путем обучения доступным для них видам ремесел, а также путем поддержки лиц, взявших их на свое содержание;

• помещение в богадельни нетрудоспособных, слабых и престарелых слепых;

- принятие мер по предупреждению слепоты.

Как правило, местные отделения оказывали помощь слепцам в пределах губернии, в которой действовали, однако могли помогать и лицам, не проживающим постоянно на территории их губерний.

Несмотря на официальный характер организации, государство не финансировало Попечительство о слепых. Совет Попечительства оказывал финансовую поддержку лишь в исключительных случаях и под определенные цели (более того, исходя из имеющихся материалов, можно сделать вывод, что местные отделения сами должны были переводить в Совет Попечительства часть своих доходов). Поэтому средства для обеспечения дея-

тельности руководители местных отделений изыскивали самостоятельно. Финансовые ресурсы отделений, как правило, формировались:

- из членских взносов и добровольных пожертвований;
- сборов с различных мероприятий, проводимых в пользу Попечительства о слепых;
- субсидий от правительственных и общественных учреждений;
- платы, вносимой состоятельными родственниками за содержание или лечение слепых в открываемых отделениями учреждениях;
- стипендий, учреждаемых общественными организациями или частными лицами.

Члены отделений имели разный статус. Так, почетными членами становились те, кто имел особые заслуги перед отделом или сделал крупное денежное пожертвование; статус члена-соревнователя обязывал ежегодно вносить в кассу отделения не менее 5 руб.; члены-сотрудники участвовали в деятельности отдела непосредственно своим трудом. Примечательно, что членами отделений могли быть не только физические, но и юридические лица¹.

Руководство делами местного отделения осуществлял Совет, который состоял из десяти членов: девять избирались из коллектива отделения, одного назначал Совет Попечительства в качестве своего уполномоченного. Другим руководящим органом было общее собрание членов отделения (обыкновенное проводилось два раза в год, чрезвычайное – в случае возникновения особых обстоятельств).

Отделение Попечительства о слепых в Гродно было открыто в 1897 г. Его руководству не удалось основать какое-либо заведение из-за скудности финансовых средств. Основной деятельностью отделения был сбор пожертвований, часть которых отсылалась в Совет Попечительства в Петербург. В своей губернии отделение занималось выдачей пособий слепым, однако эта помощь была незначительной: например, в 1903 г. пособия были выделены 11 слепцам, на что израсходовано 88 руб., т. е. по 8 руб. каждому [2, с. 60–61]. На наш взгляд, такая низкая эффективность работы Гродненского отделения может быть связана не столько с недостатком финансов, сколько с отсутствием сильного лидера, который сплотил бы вокруг себя единомышленников в деле помощи незрячим людям.

Одновременно с Гродненским было открыто отделение в Минске, деятельность которого отлича-

лась большими результатами. Идейным вдохновителем его работы был врач И. У. Зданович. Главную задачу своей деятельности он видел в обучении слепых детей и подготовке их к самостоятельной жизни, поэтому в 1898 г. при отделении было открыто училище для слепых мальчиков. Зданович стал его директором² и занимал эту должность до своей смерти в 1915 г.

Минское училище слепых первоначально было рассчитано лишь на 10 воспитанников и являлось скорее приютом с круглосуточным содержанием. В 1900 г. учебное заведение переехало в новое более подходящее для него помещение по адресу ул. Захарьевская, д. 11³ (сегодня на его месте расположено левое крыло Дома правительства⁴). За годы работы руководству и сотрудникам училища удалось значительно укрепить материально-техническую базу, хорошо наладить учебно-воспитательную работу и ремесленное обучение слепых.

Распорядок внутренней жизни учебного заведения был сформирован на основе опыта деятельности Александро-Мариинского училища слепых в Санкт-Петербурге. Учебные занятия проводились по программам, принятым для училищ слепых. Ученики делились на классы: подготовительный, 1-й, 2-й, 3-й и ремесленный. В конце учебного года проходили итоговые экзамены. Должное внимание уделялось и физическому развитию воспитанников: они занимались гимнастическими упражнениями, по мере сил и возможностей выполняли хозяйственные работы (уборка двора, уход за садом и огородом, пилка дров). Свободное время ученики проводили в играх на свежем воздухе, слушали и обсуждали литературные произведения, которые читали им воспитатели⁵.

Существенное внимание уделялось также вокальному искусству. Обучение пению велось по нотам при помощи системы Брайля и на слух. Для развития музыкального слуха руководство училища организовывало для воспитанников посещение концертов и театра. При училище был сформирован хор, который участвовал в церковных богослужениях в храмах города, что предоставляло слепым возможность заработать.

В 1904 г. к зданию училища были пристроены отдельные помещения мастерских, что позволило организовать обучение воспитанников профессиям. После окончания основного курса ученики переходили в ремесленный класс, где им преподавали сапожное, корзиночное, столярное и токарное ремесло. Продажа произведенных изделий стала

¹Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1910 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1911. С. 27–28.

²Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1912 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1913. С. 14.

³Там же. С. 13–15.

⁴Улица Советская [Электронный ресурс] // Минск старый и новый. URL: <https://minsk-old-new.com/places/ulicy/sovetskaya> (дата обращения: 21.03.2019).

⁵Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1913 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1914. С. 13.

одним из источников доходов отделения, часть выреченных средств распределялась между слепцами согласно их труду⁶. С заказами в училище обращались не только частные лица, но и организации, например управление Полесских железных дорог и Ковенское акцизное управление⁷. О хорошей налаженности ремесленной работы в училище свидетельствует и тот факт, что с 1910 г. оно имело свою торговую будку на Соборной площади Минска⁸, а в 1914 г. открыло собственный магазин⁹.

Из-за нехватки жилых помещений в начале своей работы училище могло принять только 10 воспитанников. Усилия руководства отделения по улучшению материальных условий позволили к 1914 г. увеличить число воспитанников до 30. Именно нехватку помещений И. У. Зданович называл основной трудностью в работе училища. При этом заведение было рассчитано лишь на обучение мальчиков, слепые девочки не имели возможности учиться. Известно, что планировалось открыть отдельный приют-училище и для девочек. В 1911 г. начался сбор пожертвований, и к 1913 г. было собрано 3000 руб. [2, с. 62]. Однако в связи с начавшейся вскоре Первой мировой войной реализовать эти планы руководству Минского отделения не удалось.

К 1915 г. курс училища окончили 18 человек. Руководство отделения поддерживало связь с выпускниками. Почти все они жили полноценной жизнью, работая в мастерских либо являясь певчими в церковных хорах, многие женились и родили детей, некоторые переехали в другие губернии и там устраивали свою жизнь самостоятельно¹⁰. Такое количество выпускников кажется ничтожно малым, особенно в сравнении с тем, что, по данным Ведомства учреждений императрицы Марии на 1907 г., в одной только Минской губернии про-

живало более 3,1 тыс. лиц, страдающих слепотой [5, с. 35]. Однако нельзя забывать, что это была первая на наших землях попытка наладить обучение слепых, а в обществе в то время еще господствовало мнение о невозможности этого.

В 1907 г. при училище была построена церковь, названная в честь иконы Всех Скорбящих Радость. Строительство, внутреннее убранство и покупка церковной утвари обошлись в 13 000 руб.¹¹ Священник церкви отец Владимир Хираско (ныне почитается Белорусской православной церковью как священномученик) стал служить в училище законоучителем¹². Сам факт строительства церкви при учебном заведении вполне соответствует конфессиональной политике Российской империи. В то же время, на наш взгляд, участие воспитанников училища в религиозных обрядах могло способствовать их лучшей социализации.

Финансовое положение Минского отделения было довольно стабильным. На момент открытия оно обладало денежным капиталом лишь в 689 руб. Постепенно доходы отдела росли, а благосостояние улучшалось. Так, если в 1906 г. суммарный доход составил 6119 руб.¹³, то в 1911 г. он вырос до 12 650 руб.¹⁴, а в 1913 г. – до 14 139 руб. При этом в 1913 г. пожертвования составили 3440 руб., еще 4924 руб. приходилось на субсидии от правительственных учреждений¹⁵. Это свидетельствует о том, что руководству отделения удалось хорошо наладить работу с общественностью и местной властью, вызвать у них сочувствие делу помощи слепым.

Численность членов отделения была невысокой: в 1906 г. – 22 человека¹⁶, в 1912 г. – 17¹⁷, в 1914 г. – 26 человек¹⁸. Председателем Совета Минского отделения в 1897–1905 гг. был минский губернатор граф А. А. Мусин-Пушкин, позже эту должность за-

⁶Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1906 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1907. С. 10–13.

⁷Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1913 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1914. С. 12.

⁸Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1910 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1911. С. 12.

⁹Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1914 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1915. С. 11.

¹⁰Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1914 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1915. С. 13–16.

¹¹Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1907 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1907. С. 8.

¹²Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1911 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1912. С. 3.

¹³Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1906 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1907. С. 13.

¹⁴Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1911 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1912. С. 22.

¹⁵Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1913 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1914. С. 20–26.

¹⁶Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1906 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1907. С. 4.

¹⁷Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1912 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1913. С. 4–5.

¹⁸Отчет Минского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1914 г. Минск : тип. И. и В. Тасман, 1915. С. 3–5.

нимали духовные лица: в 1906–1913 гг. – епископ Минский и Туровский Михаил, в 1914–1917 гг. – епископ Минский и Туровский Митрофан.

В 1898 г. было основано Виленское отделение Попечительства о слепых. Его руководство видело главной задачей предупреждение распространения слепоты и медицинскую помощь незрячим, поэтому в 1899 г. при отделении была открыта глазная лечебница с аптекой и амбулаторией¹⁹.

Руководство лечебницей принял на себя окружной окулист П. И. Вадзинский, одновременно он занимал пост вице-председателя отделения. О популярности учреждения у населения свидетельствует тот факт, что уже во второй год его работы (в 1901 г.) было принято 2457 пациентов при 200 приемных днях, на стационарном лечении находились 76 человек, при том что амбулатория располагала лишь 5 кроватями²⁰.

Для улучшения материальной базы лечебницы в 1903 г. Виленское отделение приобрело двухэтажный каменный дом на 20 комнат с усадебным участком по ул. Большая Погулянка (ныне ул. Й. Басанавичюса). Решение о покупке дома руководство отделения согласовывало с Советом Попечительства. Сначала он отказывал, ссылаясь на высокую стоимость – 34 600 руб., однако представители отделения все же смогли убедить его в целесообразности такой покупки. При этом денежной помощи Совет Попечительства не оказал²¹.

После ремонта здание было приспособлено для нужд лечебницы и амбулатории. Количество кроватей для стационарных больных увеличилось до 12²² (для сравнения: в глазной лечебнице при Уфимском отделении Попечительства о слепых в 1904 г. было 6 кроватей [4, с. 707]). Большая часть денежных средств на приобретение дома получена в виде пожертвований, что свидетельствует о сочувствии местного населения делу помощи слепым. Лечеб-

нице было присвоено имя св. Екатерины по условиям одного из жертвователей. Дальнейшая работа по улучшению материально-технической базы лечебницы выразилась в проведении электричества в 1908 г., благодаря чему можно было выполнять операции в любое время суток²³, а также в постройке дополнительного здания, что позволило увеличить число кроватей для стационарных больных до 20, и закупке нового медицинского инвентаря в 1910 г.²⁴

Прием больных осуществлял лично директор лечебницы, ему помогали молодые врачи, которые набирались здесь опыта. Кроме того, на занятия по профилактике глазных заболеваний сюда приходили сестры Виленской общины сестер милосердия Красного Креста²⁵. Тем самым лечебница выполняла еще и просветительские функции и служила практической школой для врачей.

Об эффективности работы учреждения может свидетельствовать количество пациентов, которое с каждым годом возрастало. Так, в 1904 г. были приняты 3972 пациента и проходили лечение 108 стационарных больных (при 12 кроватях)²⁶, в 1906 г. – 4483 пациента²⁷, а в 1911 г. – 5641 пациент и 120 стационарных больных (при 20 кроватях)²⁸. По данным Ведомства учреждений императрицы Марии, в 1907 г. на территории белорусских губерний проживало около 15 тыс. человек, страдающих слепотой: в Виленской губернии – 2,5 тыс., в Витебской – 3,5 тыс., в Гродненской – 1,3 тыс., в Минской – 3,1 тыс. и Могилевской – 4,6 тыс. слепых [5, с. 35]. На наш взгляд, меньшее количество лиц, страдающих слепотой, в Виленской и Гродненской губерниях логично увязать с тем, что их жители имели возможность посещать глазную лечебницу.

В отличие от Минского отделения Виленское было весьма многочисленным. Так, только в 1901 г. в его состав входил 161 человек²⁹. Некоторые из них

¹⁹Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны Виленского отделения Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых за 1901 г. Вильна : тип. «Русский почин», 1902. С. 5.

²⁰Там же. С. 8.

²¹Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1903 г. Вильна : тип. «Русский почин», 1904. С. 15.

²²Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1904 г. Вильна : тип. «Русский почин», 1905. С. 6.

²³Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1908 г. Вильна : тип. «Русский почин», 1909. С. 6.

²⁴Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1910 г. Вильна : тип. «Артель печатного дела», 1911. С. 8.

²⁵Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1906 г. Вильна : тип. «Русский почин», 1907. С. 20.

²⁶Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1904 г. Вильна : тип. «Русский почин», 1905. С. 25.

²⁷Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1906 г. Вильна : тип. «Русский почин», 1907. С. 8.

²⁸Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1911 г. Вильна : тип. «Артель печатного дела», 1912. С. 11.

²⁹Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны Виленского отделения Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых за 1901 г. Вильна : тип. «Русский почин», 1902. С. 3–4.

имели статус членов-учредителей, чего не было в Минском отделении. Этот статус не давал каких-либо привилегий, а лишь подчеркивал, что его обладатели были в отделении со дня основания. Наибольшей численности Виленское отделение достигло в 1909 г. – 413 человек³⁰, однако к 1913 г. количество членов уменьшилось до 273 человек³¹. Причину такого резкого снижения численности отделения после 1909 г. определить трудно, в отчетах нет комментариев по этому поводу. Можно лишь предположить, что среди его членов было немало офицеров (так как Вильно был центром военного округа), которые выбывали из состава отделения в связи с переводом по службе в другие регионы империи.

Материальное положение Виленского отделения можно оценить как стабильное: в 1900–1910 гг. доход отделения составлял 7000–8000 руб. еже-

годно, а в 1910–1914 гг. – свыше 10 000 руб. Существенным источником доходов была прибыль от платных услуг лечебницы. Кроме того, значительную долю в бюджете составляли взносы почетных и действительных членов. Благодаря хорошо налаженной работе с обществом отделение получало много пожертвований.

Дальнейшая судьба отделений Попечительства о слепых в белорусских губерниях неизвестна; последний отчет Виленского отделения датируется 1913 г., Минского – 1914 г. Очевидно, что Первая мировая война фактически парализовала их деятельность. После победы Октябрьской революции вся социальная работа была поставлена под контроль государства и, таким образом, условий для функционирования Попечительства о слепых, как и других подобных организаций, не было.

Заключение

В начале XX в. в Российской империи не существовало государственной системы помощи незрячим и слабовидящим людям. Эту роль взяло на себя Попечительство о слепых, которое пользовалось покровительством императорской семьи. На белорусских землях действовали его отделения – Гродненское, Минское и Виленское.

Деятельность Гродненского отделения ограничивалась сбором пожертвований и выдачей небольших пособий нуждающимся.

Минское отделение сконцентрировалось на обучении незрячих детей. Отделением было организовано училище слепых, где, помимо обучения грамоте, удалось на достойном уровне наладить обучение ремеслам, что позволяло воспитанникам социализироваться и финансово обеспечивать себя во взрослой жизни.

Виленское отделение сосредоточило свою работу на борьбе с глазными заболеваниями. Отделение

содержало глазную лечебницу, которая была первым в регионе лечебным заведением такого профиля и оказывала медицинские услуги жителям не только Виленской, но и сопредельных губерний.

Следует отметить, что указанные отделения оказывали помощь всем нуждающимся, независимо от их этноконфессионального и социального происхождения, что было особенно важно в многонациональных и многоконфессиональных белорусских губерниях.

Таким образом, на белорусских землях Попечительство о слепых стало первопроходцем в деле лечения глазных заболеваний и обучения слепых. Хотя масштабы деятельности его отделений было недостаточно для оказания помощи всем слепым в белорусских губерниях Российской империи, накопленный опыт мог послужить основой для создания государственной системы помощи слепым в последующие годы.

Библиографические ссылки

1. Купреев ДВ. Особенности правового статуса и юридической природы благотворительных ведомств императрицы Марии Федоровны. *Общество и право*. 2006;2:188–190.
2. Шимукович СФ. *Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX века*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2006. 187 с.
3. Хитров АА. Благотворительная социальная и медицинская помощь слепым в России под покровительством императорской фамилии (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. 2008;4(1):54–60.
4. Галимова ЮШ. Создание системы стационарной офтальмологической помощи в Уфе в начале XX в. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018;17(3):696–717. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-696-717.
5. *Благотворительность в России. Составлено по Высочайшему повелению Собственной Его Императорского Величества Канцелярией по учреждениям Императрицы Марии. Том 1*. Санкт-Петербург: [б. и.]; 1907. 601 с.

³⁰Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1909 г. Вильна : тип. «Артель печатного дела», 1910. С. 43–45.

³¹Отчет Виленского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1913 г. Вильно : тип. М. Д. Новогрудского, 1914. С. 41–44.

References

1. Kupreev DV. *Osobennosti pravovogo statusa i yuridicheskoi prirody blagotvoritel'nykh vedomstv imperatritsy Marii Fedorovny* [Features of the legal status and legal nature of the Empress Mary's Office of Institutions]. *Obshchestvo i pravo*. 2006;2:188–190. Russian.
2. Shimukovich SF. *Blagotvoritel'nost' v Belarusi v kontse XIX – nachale XX veka* [Charity in Belarus in the late 19th – early 20th centuries]. Minsk: Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus; 2006. 187 p. Russian.
3. Khitrov AA. A Charitable social and medical aid to the blind in Russia under the patronate of the emperors' family (the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*. 2008;4(1):54–60. Russian.
4. Galimova YuSh. Creation of inpatient ophthalmological care system in Ufa in the early 20th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2018;17(3):696–717. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-696-717. Russian.
5. *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Sostavleno po Vysochaishemu poveleniyu Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantsel-yariei po uchrezhdeniyam Imperatritsy Marii. Tom 1* [Charity in Russia. Compiled by the highest command of his own Imperial Majesty's office on the institutions of the Empress Mary. Volume 1]. Saint Petersburg: [s. n.]; 1907. 601 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.05.2019.
Received by editorial board 21.05.2019.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(438).396

УСПЕШНЫЕ ЖЕНЩИНЫ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В СВЕТЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА «ZWIERCIADŁO: PISMO LIGI KOBIEŃ POLSKICH»

М. ДАЙНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт истории и политических наук Белостокского университета,
пл. Независимого объединения студентов, 1, 15-420, г. Белосток, Польша

Рассматриваются вопросы, связанные с положением польских женщин и культурными изменениями, которые происходили в Польской Народной Республике в конце 1980-х гг. Эти изменения нашли отражение в женских изданиях, в том числе в журнале «Zwierciadło» («Зеркало»), который среди прочего пропагандировал успехи женщин и деятельность единственного официального женского движения – Лиги польских женщин. В результате анализа публикаций журнала «Zwierciadło» удалось реконструировать образ успешной женщины, который выступал примером для подражания для всех полек и показывал, как именно можно достичь профессионального, общественного, а тем самым и личного успеха, демонстрировал, как выглядят успешные женщины и к чему необходимо стремиться. Журнал «Zwierciadło: Pismo Ligi Kobiet Polskich» («Зеркало: журнал Лиги польских женщин») выходил в Польше в 1982–1990 гг. Представленная на страницах издания тематика касалась жизни полек, их повседневных проблем, а также достижений женщин не только в Польше, но и за ее пределами. Автор приводит примеры успешных профессиональных карьер женщин. В статье отмечается, что профессиональная деятельность являлась средством достижения личных успехов и улучшения позиций в обществе. Образ успешной женщины, который был представлен в журнале, существенно отличался от реальных возможностей рядовой читательницы, даже если она была членом Лиги польских женщин.

Образец цитирования:

Дайнович М. Успешные женщины в Польской Народной Республике в свете публикаций журнала «Zwierciadło: Pismo Ligi Kobiet Polskich». Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019;4:64–71. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-64-71>.

For citation:

Dajnowicz M. Successful women in the Polish People's Republic in the light of publications of the magazine «Zwierciadło: Pismo Ligi Kobiet Polskich». *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;4:64–71. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-64-71>.

Автор:

Малгожата Дайнович – доктор исторических наук, профессор; заведующий отделом общественных и политических движений.

Author:

Małgorzata Dajnowicz, doctor of science (history), full professor; head of the department of modern political doctrines.
malgorzatadajnowicz@gmail.com

Ключевые слова: журнал «Zwierciadło»; Лига польских женщин; женские издания в ПНР; профессиональный успех; работа; социальный рост.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках проекта Национального центра науки на тему «Лига женщин в регионах. Деятельность организации и реалии ее функционирования на региональном и локальном уровне в условиях Народной Польши (1945–1989)» («Liga Kobiet w terenie. Działalność organizacji i realia jej funkcjonowania na szczeblu regionalnym i lokalnym w rzeczywistości Polski Ludowej (1945–1989)», № 2017/25/B/HS3/02015).

ПАСПЯХОВЫЯ ЖАНЧЫНЫ Ў ПНР У СВЯТЛЕ ПУБЛІКАЦЫЙ ЧАСОПІСА «ZWIERCIADŁO: PISMO LIGI KOBIEŃ POLSKICH»

М. ДАЙНОВІЧ^{1*}

^{1*} Інстытут гісторыі і палітычных навук Беларускага ўніверсітэта,
пл. Незалежнага аб'яднання студэнтаў, 1, 15-420, г. Беласток, Польшча

Разглядаюцца пытанні, звязаныя са становішчам польскіх жанчын і культурнымі зменамі, якія адбываліся ў Польскай Народнай Рэспубліцы ў канцы 1980-х гг. Гэтыя змены знайшлі адлюстраванне ў жаночых выданнях, у тым ліку ў часопісе «Zwierciadło» («Люстэрка»), які між іншым прапагандаваў поспехі жанчын і дзейнасць адзінага афіцыйнага жаночага руху – Лігі польскіх жанчын. У выніку аналізу публікацый часопіса «Zwierciadło» ўдалося рэканструяваць вобраз паспяховай жанчыны, які выступаў узорам для пераймання для ўсіх полек і паказваў, якім чынам можна дасягнуць прафесійнага, грамадскага, а тым самым і асабістага поспеху, дэманстраваў, як выглядаюць паспяховыя жанчыны і да чаго трэба імкнуцца. Часопіс «Zwierciadło: Pismo Ligi KobieŃ Polskich» («Люстэрка: часопіс Лігі польскіх жанчын») выходзіў у Польшчы ў 1982–1990 гг. Прадстаўленая на старонках выдання тэматыка датычылася жыцця полек, іх штодзённых клопатаў, а таксама дасягненняў жанчын не толькі ў Польшчы, але і за яе межамі. Аўтар прыводзіць прыклады паспяховых прафесійных кар'ер жанчын. У артыкуле адзначаецца, што прафесійная дзейнасць з'яўлялася сродкам дасягнення асабістых поспехаў і паляпшэння пазіцый у грамадстве. Вобраз паспяховай жанчыны, які быў прадстаўлены ў часопісе, істотна адрозніваўся ад рэальных магчымасцей звычайнай чытачкі, нават калі яна была членам Лігі польскіх жанчын.

Ключавыя словы: часопіс «Zwierciadło»; Ліга польскіх жанчын; жаночыя выданні ў ПНР; прафесійны поспех; праца; сацыяльны рост.

Падзяка. Публикация падрыхтавана ў рамках праекта Нацыянальнага цэнтра навукі на тэму «Ліга жанчын у рэгіёнах. Дзейнасць арганізацыі і рэаліі яе функцыянавання на рэгіянальным і лакальным узроўні ва ўмовах Народнай Польшчы (1945–1989)» («Liga Kobiet w terenie. Działalność organizacji i realia jej funkcjonowania na szczeblu regionalnym i lokalnym w rzeczywistości Polski Ludowej (1945–1989)», № 2017/25/B/HS3/02015).

SUCCESSFUL WOMEN IN THE POLISH PEOPLE'S REPUBLIC IN THE LIGHT OF PUBLICATIONS OF THE MAGAZINE «ZWIERCIADŁO: PISMO LIGI KOBIEŃ POLSKICH»

М. DAJNOWICZ^a

^aInstitute of History and Political Science, University of Białystok,
1 Niezależnego Zrzeszenia Studentów Square, Białystok 15-420, Poland

The aim of the scientific research included in the paper was to show the issue of Polish women and the cultural changes in the Polish People's Republic in the end of 1980s. These transformations were reflected in women's magazines, including in «Zwierciadło», being also a platform for disseminating the activities of the only official women's movement at that time – League of Polish Women among readers. The research studies are new; so far scientific research on the importance of the women's press on the subject of «Zwierciadło» has been conducted only by the author of this study. The method of press analysis, analysing individual studies of the «Zwierciadło» magazine, and the historical method of analysing source documents and literature on the subject were used in the study. As a result of the study, an image of women achieving professional, social and, thus, personal success, disseminated in «Zwierciadło», was shown. The image also demonstrated some role models for women – what the women's success which Polish women should strive for can and should look like. «Zwierciadło: Pismo Ligi KobieŃ Polskich», a magazine addressed to women, was published in 1982–1990 and promoted the organization and its

achievements. The magazine sought to present issues concerning the life of Polish women, their everyday problems, but also successes to be enjoyed by Polish women and women from abroad. The magazine provided examples of women's careers. Professional work was to be a way to personal success and social advancement. The image of successful women presented in the magazine differed from the possibility to achieve the success by typical magazine's readers, including League of Polish Women members.

Keywords: magazine «Zwierciadło»; League of Polish Women; women's magazines in the Polish People's Republic; professional success; work; social advancement.

Acknowledgements. The publication is the result of the implementation of the National Science Center's project entitled «League of Women in terrain. The activities of the organization and the realities of its operation at the regional and local level in the reality of the People's Republic of Poland (1945–1989)» (No. 2017/25/B/HS3/02015).

Введение

Во второй половине 1950-х гг. в Польской Народной Республике (ПНР) был поднят вопрос о выпуске нового периодического издания, которое, с одной стороны, было бы «союзником Лиги женщин в решении современных проблем общества», а с другой – еженедельником «типа журнала, возможно, хорошо иллюстрированным, с выразительным общественным профилем и качеством»¹ [1]. Журнал предназначался для представительниц интеллигенции с «большими, чем обычно, интеллектуальными амбициями, широким кругом интересов» [2]. Необходимость создания журнала, читательницами которого должны были стать горожанки, польки со средним и высшим образованием, могла быть связана с происходившим в то время социально-профессиональным ростом женщин. С конца 1950-х гг. их все больше становилось в сфере услуг

и умственного труда, где раньше преобладали мужчины. В 1960 г., по данным Центра исследования общественного мнения, женщины преобладали на должностях чиновников, учителей и врачей. Выбор этих профессий был обусловлен повышением уровня образования полек, а также изменением со второй половины 1950-х гг. политики государства в вопросах трудоустройства, вызванным волной критики за использование женского труда в «мужских» профессиях, в частности в тяжелой промышленности или горнодобыче [3, s. 243–244].

Немногие польки получали высшее образование: в 1982 г. в ПНР примерно 40 % женщин имели базовое образование, около 30 % – среднее и только 6 % – высшее. В 1987 г. доля полек с высшим образованием, главным образом гуманитарным, выросла почти до 7 % [4, s. XV–XXVIII; 5, s. XXV].

Результаты и их обсуждение

Решение о выходе нового издания «Zwierciadło: Tygodnik Pustrowany» («Зеркало: иллюстрированный еженедельник») принято в 1957 г. Идеологически и организационно еженедельник был связан с Польской объединенной рабочей партией (ПОРП) и ее союзниками – Лигой женщин, а с 1982 г. – Лигой польских женщин (далее – ЛПЖ). После введения военного положения в декабре 1981 г. выпуск журнала был приостановлен до апреля 1982 г. С момента возобновления своего издания «Zwierciadło: Pismo Ligi Kobiet Polskich» (далее – «Zwierciadło») выступало органом ЛПЖ. Главным редактором журнала стала связанная с ПОРП Александра Данута Вуйчик, сменившая на этом посту Кристину Мойковскую. Как еженедельник ЛПЖ «Zwierciadło» выходило до конца 1990 г., а с 25 августа 1990 г. (с 34-го номера) у него появилось подназвание «журнал для женщин», что было связано с планами выпускать с 1991 г. ежемесячник.

Являясь официальным изданием ЛПЖ, «Zwierciadło» должно было влиять на формирование позиций читательниц и читателей. В соответствии с социалистическими и политическими установками партийно-государственных органов журнал учил уважительно относиться к работе, призывал к бережливости и хозяйственности в повседневной жизни. Необходимо добавить, что по сравнению с другими популярными высокотиражными женскими изданиями – «Kobieta i Życie» («Женщина и жизнь»), «Przyjaciółka» («Подруга») – «Zwierciadło» имело наиболее пропагандистский характер. Считалось, что в условиях снижения популярности ПОРП и уменьшения численности ее членов журнал должен был способствовать «восстановлению» общественной роли партии среди женщин².

После возобновления издания редколлегия подчеркивала, что содержательно журнал будет «продолжать политику сближения всех патриотиче-

¹Здесь и далее перевод наш. – М. Д.

²В конце 1970-х гг. ПОРП насчитывала свыше 3 млн членов (12 % от численности взрослого населения ПНР). В декабре 1981 г. кандидатами и членами партии было 2 693 357 человек. В конце 1988 г. ПОРП насчитывала 2 132 060 членов, а в январе 1990 г. в ее рядах было около 2 млн человек [6, s. 125].

ских сил, которые выступают за социалистический строй». Для достижения этой цели он нашел «нового союзника – Лигу польских женщин, которая на страницах „Zwierciadło” будет представлять различные формы работы этой организации» [7]. В опубликованном в «Zwierciadło» интервью Даны Вуйчик с руководителем Главного управления ЛПЖ, членом Всемирного совета мира, вице-маршалком Сейма ПНР Ядвигой Беджицкой речь шла о совпадении целей ЛПЖ и журнала в вопросе реализации общественной программы лиги. Важность этого сотрудничества отмечалась и на заседании VIII общего съезда ЛПЖ. Присутствовавшие на нем делегаты считали необходимым иметь в качестве союзника периодическое издание для женщин, которое способствовало бы популяризации и организации работы ЛПЖ. Я. Беджицка убеждала Д. Вуйчик: «Мы должны совместно усиливать позиции женщин в общественно-политической и экономической жизни населения. Мы вместе должны формировать общественное мнение, уважительное отношение к работе, бережливость и хозяйственность... формировать патриотическую позицию». Руководитель ЛПЖ говорила, что организация планирует вернуться на предприятия³, а также отражать на страницах журнала проблемы «практической реализации равноправия женщин», представлять примеры польских женщин, которые «имеют много обязанностей и тем не менее принимают активное участие в политической, профессиональной деятельности и общественной жизни» [9].

По сравнению со своей предшественницей – Лигой женщин – ЛПЖ должна была стать более массовой организацией. Об этом свидетельствовало уже само ее название. Оно было принято на Чрезвычайном съезде Лиги женщин в ноябре 1981 г. В ходе заседаний звучали лозунги: «Не может быть демократии без женщин», «Лига всех полек», которые позже стали основой для формирования программы деятельности восстановленной организации [10, s. 96]. Стремление ЛПЖ объединить все женские организации в единое движение находило отражение и в публикациях журнала «Zwierciadło» [11]. Однако результат был незначительным. Деятельность ЛПЖ неоднократно подвергалась критике со стороны различных женских объединений, в первую очередь связанных с независимым профсоюзом «Солидарность». В 1981 г. они даже предложили переименовать ЛПЖ в Союз польских женщин [12, p. 248]. Данное предложение было воспринято как критика, а потому руководство пообещало активизировать деятельность ЛПЖ по вовлечению в свои ряды широкого круга польских женщин [12, p. 249–250].

Одним из средств реализации этой задачи был журнал «Zwierciadło», который выходил под эгидой ЛПЖ. Нами были проанализированы все номера издания с акцентом на публикации, где отражалось стремление полек к успеху. В данной статье под успехом понимается «положительный результат действий или мероприятий, завершением которого является достижение цели, связанной, например, с получением высокой социальной, общественной, профессиональной позиции»⁴.

На страницах журнала были представлены сюжеты, касавшиеся достижения и реализации профессиональной карьеры женщин. Так, Кристина Стахович в статье «О карьерах женщин» описывала полек, занимавших руководящие должности на предприятиях. Автор убеждала читательниц, что профессиональный успех, логичной вершиной которого является занятие руководящей должности, был возможен благодаря «полученным на своем предприятии знаниям и квалификации» [13]. Именно предприятие создавало условия для профессионального и социального роста активной польки. К. Стахович подчеркивала, что путь к карьере лежал через многолетнюю активную деятельность в общественных организациях. Кроме того, она отмечала, что женщины-руководители «характеризуются выдержанностью, умением преодолевать трудности. Они могут объединить вокруг себя людей, избежать конфликтов и споров» [13]. Иными словами, в журнале примером успешной женщины выступала женщина-руководитель, которая долгое время работала на предприятии и была общественной активисткой (например, см. [14]).

Пропагандируемый в «Zwierciadło» образ женщины, которая добивается профессионального успеха и активно участвует в общественной жизни, соответствовал существовавшим в то время политическим установкам ПОРП. Они заключались в стремлении подтолкнуть общество, в том числе женщин, к работе по улучшению ситуации в государстве. Демонстрируя продвижение женщин в профессиональной и общественной сферах, ЛПЖ участвовала в реализации предложенных и активно продвигаемых партийно-государственным аппаратом программ по улучшению ситуации в стране. В частности, речь шла о совершенствовании социалистической системы путем участия общества в совместных с властями действиях по ликвидации экономического кризиса 1980-х гг. [15; 16].

Посредством публикаций в «Zwierciadło» ЛПЖ все более активно включалась в обсуждение и решение вопросов о равноправии женщин и мужчин в профессиональной и общественной сферах. В журнале печатали материалы о повышении роли

³В конце 1950-х гг. организация перестала действовать на предприятиях. Это было связано с тем, что Лига женщин выступила с критикой деятельности правительства по увольнению с работы полек. В результате «акции оптимизации рабочих мест» в то время были уволены около 6 тыс. женщин [8].

⁴Słownik Języka Polskiego PWN [Electronic resource]. URL <http://sjp.pwn.pl/sjp/sukces;2576536> (date of access: 12.08.2016).

женщин в обществе за годы существования ПНР, а также о трудностях и препонах, с которыми сталкивались польки в стремлении реализовать себя в области образования, в профессиональной деятельности и обществе в целом. Об этом писала Ванда Тыцнер по случаю проведения по инициативе варшавского отдела ЛПЖ конференции «Позиция женщин в 40-ю годовщину ПНР». Автор рассматривала примеры профессионального роста женщин в ПНР и указывала на увеличение их активности. В частности, она приводила данные о том, что в 1950 г. только 13 % женщин работали вне дома, в то время как в 1978 г. этот показатель достигал 72 %. Тыцнер отмечала, что польки охотно получают образование, в том числе университетское, однако это не влияет на занятие ими должностей, которые имеют в обществе статус престижных. «Вот он рост уровня образования, когда среди выпускников школ женщины составляют свыше 70 %, а среди выпускников высших учебных заведений – 50 %», – писала автор статьи, опираясь на одно из выступлений на конференции, и добавляла, что получение образования «к сожалению, не гарантирует польской женщине быстрого карьерного роста. В большинстве сфер он происходит только потому, что мужчины уходят с низкооплачиваемых должностей. Поэтому среди докторов наук они (образованные женщины. – М. Д.) составляют менее трети, пятую часть среди докторов хабилитированных, среди профессоров почти десятую часть и среди профессоров со званием только семь процентов» [17].

Без сомнения, «Zwierciadło» было платформой для популяризации лидеров ЛПЖ и их организационно-политических успехов. В журнале описывали женщин, которые принимали активное участие в деятельности ПОРП и ЛПЖ, а также их путь к политическому успеху. По мнению авторов, он определялся высокими должностными позициями в партийных и политических структурах. Участие женщин в политике наиболее активно обсуждалось в ходе предвыборной кампании в сейм и народные советы. Это делалось с тем, чтобы показать читательницам сферу и направления деятельности кандидатов в депутаты. В частности, отмечалось, что политическая активность и позиция женщин зависели как от личных качеств, так и от их работы в структурах, связанных с ПОРП и ЛПЖ. Описание биографий, как правило, сопровождалось отражением общественно-политической ситуации в стране в целом [18].

Публикации чаще всего были в виде интервью и содержали информацию об общественной работе женщин и их профессиональных функциях, политической программе и предвыборных обещаниях. Например, кандидат в депутаты сейма, секретарь воеводского управления ЛПЖ в Гданьске Хелена Спренгель построила свою предвыборную

программу вокруг вопросов, которыми живут современная женщина и ее семья. В статье она раскрывала план своей будущей работы в сейме. Речь шла об участии в решении проблем, которые непосредственно касаются повседневной жизни женщин: воспитание молодежи, социальное обеспечение польских семей, содействие женщинам в ведении домашнего хозяйства, оказание различной помощи работающим полькам и их семьям (например, создание яслей, детских садов и др.). Еще один вопрос, который поднимался накануне проведения парламентских выборов, – равноправие женщин и мужчин. По мнению Х. Спренгель, оно должно достигаться за счет поддержки ЛПЖ, активизации работы по самообразованию женщин, подталкиванию их к занятию высоких должностей у себя на работе, популяризации модели семьи, построенной на партнерской основе [19; 20].

Значение ЛПЖ в развитии женского движения в Польше, а также различной общественной деятельности раскрывалось в интервью с лидерами организации. Они имели опыт общественной, а иногда и политической работы, сочетали семью и воспитание детей с активной профессиональной и общественной деятельностью. Такая разносторонняя активность часто сопровождалась усталостью и раздражительностью. Однако и здесь женщины были на высоте – они стремились к достижению целей и преодолению трудностей [13; 21; 22].

Во второй половине 1980-х гг. сам термин «успешная женщина» стал появляться в заголовках публикаций. В это время успешная женщина чаще всего представлялась как предприимчивая, владеющая менеджерскими навыками. Она с оптимизмом преодолевала трудности, вызванные экономическим кризисом, и постоянно подчеркивала свое право на активное участие в изменениях, которые происходили в общественной и политической жизни страны [23]. Стремление женщин к достижению профессионального успеха было одним из показателей их личностного развития [24].

Образ успешной женщины, который формировался изданием после 1986 г., был тесно связан с ее участием в деятельности ЛПЖ. В биографии, например, адвоката или руководителя подчеркивалось, что их профессиональный успех стал результатом общественной активности и деятельности в рамках ЛПЖ и не всегда был связан с профессией. В публикациях типа «Осознавать, что мы сила», «Сила организации заключается в нас самих», «Зачем женщинам Лига» читательниц убеждали в том, что ЛПЖ остается единственной массовой организацией, которая заботится об интересах всех польских женщин [25–27].

В апреле 1986 г. в «Zwierciadło» появилась статья «Женщина в изменяющемся мире». Ее ав-

тор призывала «к более динамичному подходу женщин к современным проблемам... новому подходу к [осознанию] роли польских женщин в общественной жизни», что позволит избежать разочарования в том момент, когда «цивилизационные и глобальные изменения получают еще более широкое распространение». В статье отмечалось, что польские женские организации имеют «значительные достижения, однако уже давно действуют в условиях стереотипов, устаревших навыков и методов работы» [28]. Это был своего рода призыв, направленный в том числе и к ЛПЖ, где отмечалась необходимость реформирования, приспособления организации к требованиям современности, активизации деятельности по «омоложению кадров»⁵.

В октябре 1986 г. прошел Краевой съезд ЛПЖ, на котором была принята программа действий до 1990 г. В ней прежде всего отмечалась необходимость активизации работы секций на предприятиях. Они должны устранять барьеры для продвижения женщин, добиваться равной оплаты женского и мужского труда, а также карьерного роста, наград и признания для женщин. Также предусматривалось продолжение работы по консультированию, в том числе юридическому, по вопросам семьи, распространению среди женщин информации о гражданских правах и обязанностях, оказанию помощи в воспитании молодежи. Приоритетным признавалось продолжение деятельности ЛПЖ на предприятиях, борьба за рост численности организации за счет молодежи в городских и сельских ячейках. Для популяризации программы ЛПЖ предполагалось использовать праздничные мероприятия по случаю Международного женского дня – 8 Марта, а также возможности женских периодических изданий⁶. Следует отметить, что это дало определенный результат в виде увеличения численности организации: если в период с 1981 по 1987 г. она насчитывала около 490 тыс. женщин, то в 1987 г. – примерно 560 тыс.⁷

С 1988 г. на страницах женских изданий стали писать об успехах женщин в западных странах, а также о тех, кто добился мирового признания. Это было вызвано общественно-политическими преобразованиями в самой Польше⁸ и выработкой новой концепции журналов в 1989–1990 гг. Кроме того, в конце 1980-х гг. в редакции польских изда-

ний стали поступать западноевропейские женские журналы. Некоторые их публикации перепечатывались затем в польских многотиражных изданиях⁹. Так, в интервью «Моя компания – моя страсть» предлагался пример женщины из Западной Европы, чей профессиональный и личный успех стал результатом многолетней упорной работы, профессионализма и настойчивости в достижении поставленных целей. Этим примером стала участвовавшая в работе IV Варшавской кинонедели Жанин Сивелл – владелица парижской компании *Seawell Film*, занимавшейся продвижением художественных фильмов [31]. В журнале в качестве успешных примеров выступали 40-летние женщины, которые строили блестящую профессиональную карьеру и входили в число «поколения звезд». Это были киноактрисы Джейн Фонда и Катрин Денёв, а также успешные на Западе польки, например пианистка Эва Осиньска – лауреат Международного конкурса пианистов имени Альфредо Казеллы в Неаполе в 1968 г. и обладательница I премии Международного фортепианного конкурса в Хаэне (Испания) в 1970 г. [32].

В 1989 г. в «*Zwierciadło*» образ успешной женщины претерпевает изменения. В статье «Об успехе» понятие успешности современной женщины сформулировала педагог и всемирно известная пианистка, выдающийся знаток творчества Ф. Шопена Регина Смендзянка. Интервью с ней представляло, с одной стороны, жизнь успешной женщины, а с другой – ее определение и оценку успеха, персональных стремлений и достижений, которые могли бы стать хорошим примером для подражания. Интервью появилось как реакция на присуждение Р. Смендзянке пожизненного членства в американской организации *World Institute of Achievement*. Успех, по мнению пианистки, это «успешная реализация каждого важного намерения», в ее случае – «делать в жизни то, к чему издавна стремилась», т. е. совершенствовать игру на фортепиано. Этому помогали «талант, способности, образование и прежде всего напряженная работа, а также самодисциплина, терпение, порядочность, скромность, самокритика и осознание предела собственных возможностей», при проигрыше «в расчет шло умение вынести из болезненного опыта разумные выводы, сохранить веру в себя и вернуться к прежней работе» [33].

⁵В 1980-е гг. в организацию отказывалась вступать молодежь, а потому ЛПЖ стали воспринимать как «устаревшую», которая не отвечала переменам в стране. На это в интервью обращала внимание Данута Ванек (см. [29]).

⁶Inst. Pamięci Nar. BU 01728/52. Kierunki działania Ligi Kobiet Polskich w 1987 r. Projekt, Warszawa, styczeń 1987 r. K. 106–108.

⁷Inst. Pamięci Nar. BU 01728/52. Sprawozdanie z działalności Ligi Kobiet w latach 1979–1981, Warszawa, listopad 1981 r. K. 82; Ibid. Założenie przeglądu struktur organizacyjnych, atestacji stanowisk pracy oraz przeglądu kadrowego w Lidze Kobiet Polskich, b. d. w. K. 126.

⁸По мнению польского исследователя Антония Дудека, перемены в государственном строе Польши начались не в 1981-м, а в 1988 г. – непосредственно перед началом заседаний «Круглого стола» [30, s. 61].

⁹В разговоре с автором этой статьи Кристина Кашуба отмечала, что публикации американских, французских и немецких журналов переводили на польский язык и издавали такие отечественные журналы, как «*Kobieta i Życie*», «*Zwierciadło*» (Архив автора. Интервью с Кристиной Кашубой. Варшава, 8 апреля 2016 г.).

В свою очередь, автор фельетона «Кто платит» Эва Новаковская писала, что «каждый успех чего-то стоит». Она рассматривала послевоенные достижения польских женщин, а также их последствия. Автор обратила внимание на то, каким образом государство использовало в пропаганде успехи женщин и какие модели успешности были распространены в обществе. Для полек в возрасте 50 лет успешным считалось получение высшего образования и занятие высокой должности. Вместе с тем, отмечала Новаковская, «женщины получили образование, профессиональную позицию и материальную независимость, однако они были так заняты, что не заметили, как ушло время для создания семьи». Следующим примером стала женщина, которая, не отказываясь от профессиональной самореализации, заботилась о домашнем

быте и уюте (в этом случае чаще всего речь шла о семье с одним ребенком). Это была представительница поколения 40-летних, у которой «все должно быть идеальным. Способные дети и предприимчивый муж. Удивление начальства на работе и безупречный порядок в доме... однако на фоне этой разносторонней деятельности муж и дети чувствуют себя бездарными статистами, а она часто не скрывает разочарования...». Зато среди поколения 30-летних «вершиной заявленных ценностей стала семья». Эти женщины отказываются от работы в пользу воспитания детей. Следствием такого решения была «фрустрация, так как они сталкивались с монотонностью домашних обязанностей, отсутствием личных финансов, уходящими возможностями для профессионального успеха» [34].

Выводы

В журнале «Zwierciadło: Pismo Ligi Kobiet Polskich» стремление женщин к успеху было представлено в нескольких проявлениях: 1) работающая женщина, которая стремится преодолеть последствия экономического кризиса; 2) женщина, которая делает профессиональную карьеру; 3) активистка, общественная позиция которой растет благодаря деятельности в организациях предприятия; 4) женщина, которая добивается профессионального успеха и строит политическую карьеру и одновременно с этим пытается решать повседневные проблемы рядовых полек. Такие образы доминировали до 1986 г. Во второй половине 1980-х гг. термин «успешная женщина» появляется в заглавиях статей и рубриках журнала, часто встречается в публикуемых интервью. По сравнению с предыдущим периодом успешная женщина представлялась как предприимчивая, не утрачивающая оптимизма в условиях экономического кризиса и осознающая свое право на активное участие в происходящих в обществе преобразованиях. При этом она не забывает о личных интересах, семье и домашних обязанностях. В журнале подчеркивалось стремление женщины к достижению профессионального успеха как одно из проявлений развития ее личности и реализации жизненных устремлений.

На страницах издания отмечалось, что профессиональная деятельность является средством достижения личных успехов, создает условия для карьерного и общественного роста. Представляется, однако, что такой образ успешной женщины

был далек от реальных возможностей читательниц журнала, в том числе членов ЛПЖ, основной целью деятельности которых была организационная работа среди женщин на предприятиях. ЛПЖ преимущественно требовала улучшения условий и оплаты труда полек, повышения их роли на работе и в обществе в целом, давала юридические консультации, помогала в организации опеки над семьей и детьми.

Анализ публикаций показывает, что ЛПЖ посредством статей в журнале «Zwierciadło» совместно с редколлегией ставила своей целью расширение информации о работе женщин в Народной Польше. На страницах издания ЛПЖ была представлена как массовая организация, которая заботится об интересах всех полек и создает условия для их профессионального, общественного и личного успеха. Руководители организации, которые зачастую добивались успеха не только в профессиональной, организационной и политической деятельности, но и в семье, выступали образцом для подражания для польских женщин. В описании лидеров ЛПЖ акцент делался на том, что они помогают решать вопросы другим полкам.

Признаком общественных и политических изменений, которые происходили в Польше в конце 1980-х гг., стала трансформация журнала. В нем появились публикации, посвященные успехам женщин в западных странах, реализации их профессиональной карьеры не только в Польше, но и за ее пределами.

Библиографические ссылки/References

1. Konecki J. «Zwierciadlanych» uwag kilka. (Z okazji 15-lecia pisma). *Biuletyn Zarządu Głównego RSW «Prasa»*. 1972; 153:64.
2. X lecie «Zwierciadła». *Biuletyn Zarządu Głównego RSW «Prasa»*. 1967;21:2.
3. Jarska N. *Kobiety z Marmuru. Robotnice w Polsce w latach 1945–1960*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej; 2015. 368 s.

4. *Sytuacja społeczno-zawodowa kobiet w 1983 r.* Warszawa: Główny Urząd Statystyczny; 1984. XXX, 110 s. (Materiały Statystyczne; 21).
5. *Sytuacja społeczno-zawodowa kobiet w 1987 r.* Warszawa: Główny Urząd Statystyczny; 1988. 255 s. (Materiały Statystyczne; 55).
6. Żukowski M. Wybrane aspekty dotyczące PZPR w latach 1948–1990 (liczebność, skład społeczny, dewizowe składki członkowskie i nomenklatura kadr). *Komunizm: System – Ludzie – Dokumentacja. Rocznik Naukowy*. 2013;2:123–140.
7. Drogie czytelniczki. *Zwierciadło*. 1982;1:3.
8. Jurkowska K. Kłopoty z tożsamością czyli Liga Kobiet Polskich. *Ośka*. 2000;2:37.
9. Co przed nami. Z Jadwigą Biedrzycką, przewodniczącą Zarządu Głównego Ligi Kobiet Polskich rozmawia Danuta Wójcik – redaktor naczelny «Zwierciadła». *Zwierciadło*. 1982;7:5.
10. Ratman-Liwerska I. *Stowarzyszenie jako czynnik społeczno-wychowawczej aktywizacji kobiet (na przykładzie badań na Białostocczyźnie)*. Białystok: Dział Wydawnictw Filii Uniwersytetu Warszawskiego; 1984. 548 s.
11. Mojowska K, Tycner W. Ruch kobiecy w ślepym zaułku. *Zwierciadło*. 1981;5:2.
12. Nowak BA. *Serving Women and the State: The League of Women in Communist Poland* [dissertation] [Internet]. [S. l.]: The Ohio State University; 2004 [cited 2016 July 17]. X, 277 p. Available from: https://etd.ohiolink.edu/etd.send_file?accession=osu1091553624&disposition=inline.
13. Stachowicz K. O karierach kobiet. Rozmowa z profesor Jarosławą Bauerową, prodziekanem Wydziału Zarządzania Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Pradze. *Zwierciadło*. 1984;4:5.
14. Dzięgielewska B. Spółdzielczynie. *Zwierciadło*. 1984;49:3.
15. Stachowicz K. Do usług. *Zwierciadło*. 1983;6:3.
16. Wójcik D. Równość – rozwój – pokój – szansą dla kobiet. *Zwierciadło*. 1985;32:6.
17. Tycner W. Kontury awansu. *Zwierciadło*. 1984;46:2.
18. Tycner W. Rozmowa z posłanką Elżbietą Rutkowską. O godzeniu interesów obywatelskich. *Zwierciadło*. 1985;17:3–6.
19. Stachowicz K. Potrzeba partnerstwa. *Zwierciadło*. 1985;41:2.
20. Dajnowicz M. Kobiety – polityka – wybory w świetle «Zwierciadła: Pisma Ligi Kobiet Polskich» (1982–1990). W: Radomski G, Strzelecki M, Sopolńska K, redaktorzy. *Rzeczpospolita w koncepcjach polskich partii politycznych XX i XXI wieku*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika; 2018. s. 107–125.
21. Znam realia życia. Z Zofią Stępień – członkiem Biura Politycznego KC PZPR rozmawia Danuta Wójcik. *Zwierciadło*. 1986;41:4–5.
22. Stachowicz K. Smutek władzy. *Zwierciadło*. 1986;41:7.
23. Stachowicz K. Doradca menadżerów. *Zwierciadło*. 1987;38:3.
24. Coraz więcej adwokatów. Rozmowa z mecenas Jadwigą Rutkowską, kierownikiem Ośrodka Badawczego Adwokatury przy Naczelnej radzie Adwokackiej. *Zwierciadło*. 1986;46:3.
25. Dobrowolska E. Uświadamiać, że jesteśmy siłą. *Zwierciadło*. 1986;10:3–5.
26. Olechnowicz K. Siła organizacji tkwi w nas samych. *Zwierciadło*. 1986;13:2–3.
27. Dzięgielewska B. Po co kobietom Liga. *Zwierciadło*. 1986;41:2–3.
28. Szawarz S. Kobieta w zmieniającym się świecie. *Zwierciadło*. 1986;16:6.
29. Stachowicz K. Ani gorsze, ani mniej atrakcyjne... Rozmowa z Danutą Waniek, przewodniczącą Demokratycznej Unii Kobiet. *Zwierciadło*. 1990;40:4.
30. Dudek A. «Pierwsza władza». Model nadzoru PZPR nad władzą ustawodawczą, wykonawczą i sądownictwem. W: Rokicki K, Spałek R, redaktorzy. *Władza w PRL. Ludzie i mechanizmy*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej; 2011. s. 55–61.
31. Gutek A. Moja firma – moja pasja. *Zwierciadło*. 1988;46:5.
32. Teresińska M. Piękne czterdziestolatnie. *Zwierciadło*. 1989;11:6.
33. O sukcesie z Reginą Smendzianką rozmawia Barbara Adamczewska. *Zwierciadło*. 1989;10:7.
34. Nowakowska E. Kto płaci. *Zwierciadło*. 1989;10:2.

Статья поступила в редколлегию 02.07.2019.
Received by editorial board 02.07.2019.

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ ЕГИПТА И ИХ ОТНОШЕНИЯ С ПРЕЗИДЕНТОМ М. МУРСИ В 2012–2013 гг.

А. А. КОНДРАЛЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Политическая ситуация в Египте привлекает внимание международной общественности с 2011 г., когда волна протестов так называемой «арабской весны» прокатилась по региону Ближнего Востока и Северной Африки. Вдохновленная демократическими лозунгами политического плюрализма, свободы слова, печати и религии египетская революция привела к политическому успеху исламистских групп, таких как Ан-Нур и «Братья-мусульмане», последние из которых пришли к власти в 2012 г. Однако представитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси занимал должность главы государства критически короткий срок: он был избран в конце июня 2012 г., а свергнут в начале июля 2013 г. в результате военного переворота, поддержанного всеми политическими силами Египта, а также египетским народом, который снова собрался на площади Тахрир. Против М. Мурси выступили не только люди, проголосовавшие за него год назад, но и политические силы, ранее поддерживавшие «Братьев-мусульман». Это было обусловлено рядом факторов: экономическая ситуация в Египте не улучшилась, избранный демократическим путем президент выступил с откровенно недемократическими инициативами и т. д. Все эти факторы, очевидно, являются объективными причинами потери им власти. Но в египетской политической среде есть свои особенности, которые необходимо учитывать при исследовании причин и факторов свержения Мурси в 2013 г. Сформировавшись за последние 30 лет власти Хосни Мубарака, они твердо укоренились в египетском обществе и не могли быть одномоментно изменены после революции. В течение всего этого периода два ключевых игрока занимали лидирующие позиции в египетской политике: бизнес-элита и армия. Оба из них имели финансовую и социальную базу и влияли на общественное мнение в стране. После восстания политическая ситуация оказалась еще более сложной: возникло огромное количество новых партий. Все эти игроки имели большой вес в египетской политике и должны были приниматься во внимание президентом. Более того, его умение сформировать отношения с ними и заручиться их лояльностью было важным условием сохранения власти. Вместо этого М. Мурси вступил в конфронтацию с ведущими политическими силами Египта, что стало одним из факторов его свержения с поста президента в 2013 г.

Ключевые слова: Египет; «арабская весна»; Мухаммед Мурси; «Братья-мусульмане»; Партия свободы и справедливости; исламизм; плюрализм; египетская революция 2011 г.; военный переворот 2013 г.

АСНОЎНЫЯ ПАЛІТЫЧНЫЯ СІЛЫ ЕГІПТА І ІХ АДНОСІНЫ З ПРЭЗІДЭНТАМ М. МУРСІ Ў 2012–2013 гг.

А. А. КОНДРАЛЬ^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Палітычная сітуацыя ў Егіпце прыцягвае ўвагу міжнароднай грамадскасці з 2011 г., калі хваля пратэстаў так званай «арабскай вясны» пракацілася па рэгіёне Блізкага Усходу і Паўночнай Афрыкі. Натхнёная дэмакратычнымі лозунгамі палітычнага плюралізму, свабоды слова, друку і рэлігіі егіпецкая рэвалюцыя прывяла да палітычнага поспеху ісламісцкіх груп, такіх як Ан-Нур і «Браты-мусульмане», апошнія з якіх прыйшлі да ўлады ў 2012 г. Аднак

Образец цитирования:

Кондраль АА. Основные политические силы Египта и их отношения с президентом М. Мурси в 2012–2013 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;4:72–81.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-72-81>.

For citation:

Kondral AA. Egypt's major political forces and their relations with the president M. Mursi in 2012–2013. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;4:72–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-72-81>.

Автор:

Александра Александровна Кондраль – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Aliaksandra A. Kondral, PhD (history); associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history.
akondral87@gmail.com

прадстаўнік «Братоў-мусульман» Мухамед Мурсі займаў пасаду кіраўніка дзяржавы крытычна кароткі тэрмін: ён быў абраны ў канцы чэрвеня 2012 г., а скінуты ў пачатку ліпеня 2013 г. у выніку ваеннага перавароту, падтрыманага ўсімі палітычнымі сіламі Егіпта, а таксама егіпецкім народам, які зноў сабраўся на плошчы Тахрыр. Супраць М. Мурсі выступілі не толькі людзі, якія прагаласавалі за яго год таму, але і палітычныя сілы, раней падтрымаўшыя «Братоў-мусульман». Гэта было абумоўлена шэрагам фактараў: эканамічная сітуацыя ў Егіпце не палепшылася, абраны дэмакратычным шляхам прэзідэнт выступіў з адкрыта недэмакратычнымі ініцыятывамі і г. д. Усе гэтыя фактары, відавочна, з'яўляюцца аб'ектыўнымі прычынамі страты ім улады. Але ў егіпецкім палітычным асяроддзі ёсць свае асаблівасці, якія варта ўлічваць пры даследаванні прычын і фактараў звяржэння Мурсі ў 2013 г. Яны сфарміраваліся за апошнія 30 гадоў улады Хосні Мубарака, цвёрда ўкараніліся ў егіпецкім грамадстве і не маглі быць зменены за адзін раз пасля рэвалюцыі. На працягу ўсяго гэтага перыяду два ключавых гульца займалі лідзіруючыя пазіцыі ў егіпецкай палітыцы: бізнес-эліта і армія. Абодва мелі фінансавую і сацыяльную базу і ўплывалі на грамадскае меркаванне ў краіне. Пасля паўстання палітычная сітуацыя апынулася яшчэ больш складанай: узнікла вялікая колькасць новых партый. Усе гэтыя гульцы мелі вялікую вагу ў егіпецкай палітыцы і павінны былі ўлічвацца прэзідэнтам. Больш за тое, яго ўменне сфарміраваць адносіны з імі і заручыцца іх лаяльнасцю было важнай умовай захавання ўлады. Замест гэтага М. Мурсі ўступіў у канфрантацыю з вядучымі палітычнымі сіламі Егіпта, што стала адным з фактараў яго звяржэння з пасады прэзідэнта ў 2013 г.

Ключавыя словы: Егіпет; «арабская вясна»; Мухамед Мурсі; «Браты-мусульмане»; Партыя свабоды і справядлівасці; ісламізм; плюралізм; егіпецкая рэвалюцыя 2011 г.; ваенны пераварот 2013 г.

EGYPT'S MAJOR POLITICAL FORCES AND THEIR RELATIONS WITH THE PRESIDENT M. MURSI IN 2012–2013

A. A. KONDRAL^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Political situation in Egypt has been attracting international attention since 2011, when the wave of protests of so-called Arab Spring swept through the region of Middle East and North Africa. Inspired by democratic slogans of political pluralism, freedom of speech, press and religion, Egyptian revolution led to the political success of the Islamist groups, such as An-Nour and Muslim Brotherhood, that came to power in 2012. The representative of Muslim Brotherhood Mohammed Morsi held his position of the head of the state for a critically short term: had been elected in the end of June 2012, he was overthrown in the beginning of July 2013 by military coup supported by all the political forces of Egypt as well as Egyptian people, who gathered again in the Tahrir Square. Eventually, the people who had voted for Morsi a year before turned against him as well as political forces that used to support Muslim Brotherhood. He didn't manage to prove his consistency as the president of the country. A number of factors led to this result. Economic situation in Egypt didn't improve, democratically elected president launched totally undemocratic initiatives, etc. All these factors may be considered as obviously objective reasons for losing the power. But Egyptian political environment has specific features that should be taken into account while investigating the reasons and factors of Morsi overthrow in 2013. Had being shaped through previous 30 years of Hosni Mubarak power and firmly rooted in Egyptian society, they couldn't be changed simultaneously after the revolution. Two key players have been occupied leading positions in Egyptian politics during all this period: business elites and army. Both of them had financial and social base and influenced public opinion in the country. Political situation turned to be even more complicated with the vast number of new parties arouse after the revolt. All these players had an important part in Egyptian politics and should have been taken into account by the president. Moreover, his ability to form relationship with them and gain their loyalty was an important condition for maintaining power. Instead, M. Morsi started confrontation with the leading political forces of Egypt. Apparently, this wrong tactics resulted in his overthrow from the presidency in 2013.

Keywords: Egypt; Arab Spring; Mohammed Morsi; The Muslim Brotherhood; Freedom and Justice Party; Islamism; pluralism; Egyptian revolution in 2011; military coup in 2013.

В ходе «арабской весны» 2011 г. Египет стал второй после Туниса страной, где произошла смена власти путем народного восстания. Египетская революция положила конец тридцатилетнему правлению Хосни Мубарака, который ушел в отставку 11 февраля 2011 г. В июне 2012 г. представитель ассоциации «Братья-мусульмане» Мухаммед Мурси стал первым демократически избранным пре-

зидентом Египта, однако смог продержаться на этом посту всего один год: весной 2013 г. площадь Тахрир опять полыхала протестами с требованиями отставки президента, и Мурси был вынужден сложить полномочия уже летом того же года.

Очевидно, что, несмотря на устойчивый и длительный успех в качестве оппозиционного движения, «Братья-мусульмане» потерпели сокруши-

тельный провал в роли правящей силы. Свержение М. Мурси с поста президента произошло в форме военного переворота, который поддержали не только рядовые египтяне, но и ведущие политические силы страны: «Братья-мусульмане» оказались в политической изоляции, потеряв поддержку даже своих бывших союзников. Данное обстоятельство актуализирует вопрос о том, какие отношения сложились между президентом М. Мурси и основными политическими силами Египта в период его правления и как эти отношения обусловили его свержение.

Внутриполитическая ситуация в Египте после революции 2011 г. привлекает внимание ученых-арабистов всего мира, как историков, так и политологов. Например, Мишель Дюнн, известный американский исследователь, директор Ближневосточной программы аналитического центра Карнеги, в соавторстве с египетским ученым, доцентом Каирского университета Амром Хамзауи в статье «Egypt's secular political parties: A struggle for identity and independence» анализируют нерелигиозные партии Египта, их идеологию, политическую деятельность, взаимодействие друг с другом, а также с властными структурами [1]. Немецкий исследователь С. Ролл в своей статье «Egypt's Business Elite after Mubarak. A Powerful Player between Generals and Brotherhood» рассматривает расстановку сил в треугольнике «бизнес-элита – военные – «Братья-мусульмане», характеризуя основные точки соприкосновения и противоречия между данными силами [2]. Важным источником фактического материала по политической ситуации в Египте являются публикации египетских газет «Al Ahram» и «Al Masry Al Youm». В них же печатаются аналитические материалы египетских журналистов и политологов.

В данной статье впервые в мировой историографии анализируются отношения М. Мурси с основными политическими силами Египта и рассматривается их влияние на его свержение в 2013 г. Для раскрытия темы использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы наряду с анализом. Данная комбинация методов, по мнению автора, позволяет наиболее полно исследовать проблему.

Египетская революция 2011 г. явила необычайное разнообразие политических сил различной идеологической окраски, как вновь возникших, так и действовавших со времен правления Х. Мубарака. Условно их можно разделить на две группы. Первая – светский либерально-демократический фланг – включала в себя партию Аль-Гад во главе с известным политическим деятелем Айма-

ном Нуром, насеристов Аль-Карама с их не менее популярным лидером Хамдином Сабахи, Партию свободных египтян (далее – ПСЕ), Новый Вафд, центристов Аль-Адль, которые поддерживали вернувшегося из эмиграции бывшего главу МАГАТЭ Мухаммеда аль-Барадея в качестве кандидата в президенты, «Социалистический альянс» и т. д.

Старейшая партия Вафд воссоединилась в 1978 г. Это была наиболее широко известная партия либерально-демократической ориентации. Первоначально Вафд входил в коалицию «Демократический альянс», возглавляемую Партией свободы и справедливости (далее – ПСС) – политическим крылом «Братьев-мусульман». Однако партии не смогли договориться между собой о количестве депутатов, выставляемых на выборах от каждой из них, а также не сумели преодолеть идеологические разногласия о месте шариата в законодательстве. В результате Вафд вышел из «Демократического альянса» и завоевал 35 мест в Палате представителей Египта в 2012 г.¹

ПСЕ была создана после революции 2011 г. известным египетским миллионером коптом Нагибом Савирисом и представляла интересы бизнес-кругов Египта. Она зарекомендовала себя как оппозиционная «Братьям-мусульманам» партия, не раз критиковавшая политику последних [1, р. 11]. На парламентских выборах ПСЕ дебютировала в составе «Египетского блока», выступившего в качестве коалиционного противовеса «Демократическому альянсу» во главе с ПСС. Кроме ПСЕ в состав блока также вошли Социал-демократическая партия Египта и левые Ат-Тагамму. ПСЕ делала акцент на необходимости отделения религии от политики и получала всяческую поддержку представителей коптской православной церкви.

Партия Аль-Гад была создана в 2004 г. бывшим членом Вафда Айманом Нуром. Идеологически она основывалась на светской либерально-демократической парадигме, а политически являлась резко оппозиционной. В период до революции 2011 г. Айман Нур проявил себя как один из самых ярких оппонентов Хосни Мубарака, участвуя в президентских выборах 2005 г. и будучи не единожды арестованным за свою оппозиционную деятельность [1, р. 9]. На парламентских выборах 2011 г. Аль-Гад выступила в составе «Демократического альянса», солидаризировавшись, таким образом, с ПСС.

Партия насеристов Аль-Карама была образована в 1996 г. и, как и Аль-Гад, имела богатую историю противодействия режиму Х. Мубарака. Основатель партии Хамдин Сабахи не раз сидел в тюрьме из-за своей оппозиционной деятельности. Несмотря на

¹Интихабат маджлис аш-шааб аль-мисри 2011–2012 [Выборы в Палату представителей Египта 2011–2012] (на араб.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.marefa.org/%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%AE%D8%A7%D8%A8%D8%A7%D8%AA%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3_%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9%D8%A8_%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B5%D8%B1%D9%8A_2011-2012 (дата обращения: 03.05.2018).

явную секуляристскую направленность идеологии, Аль-Карама выступила на парламентских выборах 2011–2012 гг. в составе «Демократического альянса» и получила шесть мест. Сам же Хамдин Сабахи составил конкуренцию М. Мурси на президентских выборах 2012 г. и достойно там выступил, набрав 20 % голосов и став третьим по итогам первого тура².

Таким образом, светские политические силы были представлены широким кругом разнообразных течений, различавшихся между собой не только идеологической ориентацией, но и политическим опытом периода правления Х. Мубарака, а также характером взаимоотношений с ПСС, впоследствии ставшей правящей. Одни силы (Аль-Карама, Аль-Гад) имели долгую историю оппозиционной деятельности, другие (Вафд) – действовали в условиях относительной лояльности властей. Кто-то, как, например, Аль-Гад или Аль-Карама, вступал в политическую коалицию с ПСС, несмотря на различие в идеологии, а кто-то, как Вафд или ПСЕ, выступал резко против «Братьев-мусульман» и их политического крыла. Однако всех их объединяло одно: они являлись сторонниками полного отделения религии от политики и настаивали на упразднении п. 2 Конституции Египта о шариате как основе законодательства.

Во вторую группу можно было отнести партии различной религиозной направленности – от ультраконсервативного салафизма до демократически ориентированного умеренного исламизма. Интересно, что наиболее популярной партией из данной категории стали именно салафиты Ан-Нур, выступавшие за полное введение шариата. Ан-Нур – политическое ответвление организации «Салафитский призыв», созданной в 1970-е гг. во многом как исламистский противовес «Братьям-мусульманам», стремительно набиравшим тогда влияние [3, с. 18]. Салафиты выступали за возвращение к «чистому исламу» времен пророка Мухаммеда и праведных халифов и избавление исламской религии от всех «вредных нововведений», которыми она обросла за период своего существования [3, с. 18]. В своей предвыборной программе Ан-Нур открыто призывала к введению шариата на законодательном уровне и подчинению не только культурной, но и социальной, политической и экономической сфер исламским принципам. На парламентских выборах 2012 г. салафиты выступили в составе «Исламского блока» и завоевали 108 мест, уступив только ПСС [3, с. 22], тем самым показав себя в качестве серьезного политического противовеса партии «Братьев-мусульман». На президент-

ских выборах 2012 г. после дисквалификации своего кандидата Салеха Абу Исмаила Ан-Нур поддержала кандидатуру бывшего члена «Братьев-мусульман» Абделя Мунима Абу аль-Фаттуха, имевшего репутацию весьма умеренного исламиста. Однако после его поражения в первом туре салафиты выступили в поддержку М. Мурси [4, с. 23].

Заявила о себе и партия Аль-Васат, отколовшаяся от «Братьев-мусульман» еще в 1998 г. Аль-Васат позиционировала себя более либерально, нежели ее организация-прародитель. Так же как и «Братья-мусульмане», она выступала за демократические принципы и уважение исламских норм в культурной сфере, однако, в отличие от «Братьев-мусульман», довольно четко высказывалась против использования шариата на законодательном уровне. В 2012 г. Аль-Васат смогла завоевать только 10 мест в Палате представителей³ и полностью поддержала победу ПСС на парламентских и впоследствии М. Мурси на президентских выборах [3, с. 13]. Таким образом, несмотря на идеологические разногласия, данная партия выступила сторонником «Братьев-мусульман».

Выходцем из «Братьев-мусульман» была и партия Ат-Таяр, отколовшаяся от ассоциации уже после революции. В отличие от своей «материнской» организации Ат-Таяр выступала за полное отделение религии от государства и более широкую демократизацию общества, а также делала упор на права женщин и религиозных меньшинств, подчеркивая тем не менее важную роль ислама в социально-экономической сфере.

В конце 2012 г. бывший кандидат в президенты и некогда член «Братьев-мусульман» Абдель Муним Абу аль-Фаттух создал умеренную исламистскую партию Сильный Египет, также совмещавшую в своей идеологии религиозные и демократические аспекты⁴.

Таким образом, исламистские политические партии характеризовались идеологическим и организационным многообразием. Главный пункт их различия – провозглашение шариата основным источником законодательства либо, напротив, отнесение его исключительно к культурной и социальной сферам. В данной связи ПСС и «Братья-мусульмане» находились в центре между консервативными салафитами и практически либералами Ат-Таяр. Причем как те, так и другие выступали довольно активными оппонентами ПСС.

Примечательно, что некоторые представители и светского, и исламистского фланга пользовались заметной поддержкой избирателей, что подтверждается результатами президентских выборов. Так,

²Мурси ва Шафик ястаидани ли аль-иадат [Мурси и Шафик готовятся ко второму туру] // Аль-Ахрам. 2012. 29 мая. С. 1. (на араб.).

³Egypt's Islamist parties win elections to parliament [Electronic resource] // BBC. 2012. Jan. 21. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-16665748> (date of access: 20.05.2018).

⁴El Gundy Z. «Strong Egypt» party formally launched [Electronic resource] // Ahram Online. 2012. Oct. 31. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/56863/Egypt/Politics-/Strong-Egypt-party-formally-launched.aspx> (date of access: 15.07.2012).

в первом туре насерист Хамдин Сабахи занял третье место, завоевав 20 % голосов избирателей, что всего на 3 % меньше, чем у Мурси; Абу аль-Фаттух расположился на четвертом месте с 17 %⁵. Во втором же туре Мурси выиграл у своего соперника, бывшего соратника Мубарака, Ахмеда Шафика с перевесом чуть более 1 %⁶.

Такие результаты показали широту политической ориентации египетских избирателей и отсутствие абсолютного политического превосходства «Братьев-мусульман». Социальная и религиозная структура египетского общества всегда была довольно многообразна: от ортодоксальных мусульман, традиционно поддерживавших салафитов, до либерально настроенной молодежи, получившей прозападное образование в частных университетах, и коптов, выступавших за представителей светских демократов (к коим также относилась и правящая до этого Национал-демократическая партия (далее – НДП)).

Кроме того, после отставки Х. Мубарака в официальную политику вошел достаточно широкий спектр различных политических партий, не существовавших ранее либо державшихся в тени во времена его авторитарного правления. Политический плюрализм и свобода мнений, под знаменем которых прошла революция, стали неотъемлемым фоном всех основных событий, происходивших в стране в то время. Не только сами партии, но и электорат пользовались создавшейся ситуацией свободы политического самовыражения. При этом следует отметить, что значительная часть как светских, так и исламистских партий находилась в оппозиции к «Братьям-мусульманам» еще до избрания М. Мурси на пост президента.

Однако состав субъектов, имевших влияние на политику в Египте, не ограничивался политическими партиями. Важную роль здесь играли так называемые внепартийные социально-политические группы, а именно: военные и бизнес-элита⁷. Несмотря на то что официально они не были оформлены ни в одно политическое движение, данные сообщества в значительной мере определяли вектор социального, экономического и политического развития Египта.

Представители вооруженных сил на протяжении всей новейшей истории страны занимали особое положение в обществе. Военные находились у власти в Египте с 1952 г., все президенты до М. Мурси были выходцами из армии. К тому же вышедшие

на пенсию армейцы всегда получали значительное количество влиятельных должностей в органах государственного управления, в особенности в местных советах, а также Министерстве иностранных дел Египта (по состоянию на май 2012 г. 18 из 27 руководителей провинций страны были отставными военными)⁸. Помимо этого, генералы в отставке традиционно занимали много руководящих должностей в принадлежащих государству компаниях. Так, нефтегазовая промышленность и транспортное сообщение в значительной мере регулировались выходцами из армии. Наконец, военные владели большим количеством активов частных компаний, точнее, некогда бывших в собственности у государства, но приватизированных при Х. Мубараке. Всего в 2012 г. в Египте насчитывалось 35 крупных частных компаний, принадлежащих концернам, которые были подконтрольны военным⁹.

Таким образом, представители вооруженных сил находились в составе органов государственной власти и управления, владели немалым количеством коммерческих объектов, что вводило их также в круг бизнес-элиты. В результате египетская армия всегда распространяла свою компетенцию далеко за пределы военной сферы, представляя собой как политический, так и экономический костяк государства. Престиж военного образования и службы в Египте был и остается весьма высоким, данная сфера традиционно считается элитарной. Такая политическая инфраструктура была заложена задолго до прихода Мурси к власти, еще в британский период, развилась при Насере и Садате и окончательно закрепились при Мубараке. Несмотря на то что сам Х. Мубарак ушел в отставку, система, выстраивавшаяся десятилетиями, сохранила свою дееспособность и после революции 2011 г. Более того, именно военные выступили той решающей силой, которая определила успех революции. Ведь то, что Высший совет вооруженных сил фактически поддержал революцию, стало главным фактором ее победы. В результате военные еще больше усилили свой авторитет среди населения, получив славу защитников Тахира и укрепив политическое влияние. Учитывая то, что на протяжении долгого времени армия имела непосредственное отношение к государственной власти, а «Братья-мусульмане» являлись запрещенной оппозиционной организацией, отношения между этими сторонами оставались достаточно напряженными. Как уже

⁵Мурси ва Шафик ястаидани ли аль-иадат [Мурси и Шафик готовятся ко второму туру] // Аль-Ахрам. 2012. 29 мая. С. 1. (на араб.).

⁶Там же.

⁷Rizq S. How to lose power in one year – Morsi: June 30 2012 – July 3 2013 [Electronic resource] // Egypt Independent. 2015. Apr. 13. URL: <https://www.egyptindependent.com/how-lose-power-one-year-morsi-june-30-2012-july-3-2013/> (date of access: 27.02.2018).

⁸Abul-Magd Z. The Egyptian Republic of Retired Generals [Electronic resource] // Foreign Policy. 2012. May 8. URL: <https://foreignpolicy.com/2012/05/08/the-egyptian-republic-of-retired-generals/> (date of access: 27.09.2017).

⁹Там же.

отмечалось, все президенты Египта до Мурси были военными, и конфронтация между «Братьями-мусульманами» и властью перешла на отношения ассоциации с военным сектором в целом: фактически данные силы являлись противодействующими на протяжении всей истории египетской республики.

Следующая группа, имевшая вес в политической и социально-экономической жизни страны, – бизнес-элита – начала свое восхождение при А. Садаате, который, проводя политику «открытых дверей» (инфитах), запустил процесс широкой приватизации и стимулирования развития частного бизнеса, а также иностранных инвестиций. В результате возник слой крупных собственников, разбогатевших на импортно-экспортных операциях и получивших в народе прозвище «жирные коты инфитах»; они были тесно связаны с верхушкой административно-бюрократического аппарата и фактически превратились в финансовую олигархию.

Х. Мубарак продолжил политику приватизации, в результате чего с 2004 по 2008 г. количество частных компаний удвоилось по сравнению с предыдущим десятилетием. Несмотря на то что доля крупных и средних предприятий (с численностью работников свыше 100 человек) в Египте составляла в 2013 г. всего 0,1 %, целые отрасли в стране регулировались крупными монополиями, пользовавшимися поддержкой правящих сил, а именно: производство стали («Эзз Индастриз»), автомобилей («Габбур Авто») и молочной продукции («Джухайна Фуд») [2, р. 8]. Кроме того, некоторые бизнес-магнаты контролировали также и СМИ, владели газетами и телеканалами, влияя прямо или косвенно на общественное мнение и проводя в массы те подходы и точки зрения, которые были выгодны им. Таким образом, сфера влияния представителей бизнес-элиты, так же как и военных, выходила далеко за пределы экономики, распространяясь на политическую и социальную сферы.

Более того, учитывая то, что приватизация проводилась «сверху», в Египте еще со времен Садата закрепилась традиция «сращивания» бизнес-элиты и властных структур. На государственном уровне существовали хранилища «излишков», перераспределяемых в рамках госсектора среди его служащих. Большинство депутатов от правящей партии были бизнесменами, разбогатевшими за счет «бонусов» своей близости к власти [4, с. 52]. В результате значительная часть представителей крупного бизнеса относилась к являвшейся правящей НДП и поддерживала Х. Мубарака. После революции некоторые из бизнесменов вошли в официальную политику и приняли участие в деятельности либерально-демократических политических партий, как это сде-

лал один из богатейших людей Египта Нагиб Савирис, возглавивший ПСЕ.

«Братья-мусульмане», чьим представителем являлся М. Мурси, по своей влиятельности вряд ли сильно уступали вышеназванным группам. «Братья-мусульмане» не только являлись «материнской» организацией ПСС, получившей большинство в парламенте на выборах 2011–2012 гг., но и контролировали ряд профсоюзов, студенческих объединений, мечетей и медресе. По всей стране действовали подконтрольные «Братьям-мусульманам» школы, клиники и благотворительные организации, что делало ассоциацию своеобразным негосударственным центром социальной помощи населению. Между тем «Братья-мусульмане», пользовавшиеся репутацией защитников неимущих классов, имели у себя за спиной серьезную финансовую поддержку [4, с. 57]. Они были собственниками ряда крупных компаний в Египте, что также вводило эту организацию в круг бизнес-элиты и определяло ее экономическое влияние в стране. Например, заместитель верховного наставника ассоциации Хайрат аш-Шатер и ведущий член ассоциации Хасан Малек были известными в Египте бизнесменами и мультимиллионерами. Более того, к началу XXI в. практически весь частный сектор Египта оказался разделен между двумя политическими силами: НДП и «Братьями-мусульманами» [5, р. 2]. Хосни Мубарак, время от времени разворачивавший репрессии против «Братьев-мусульман», зачастую использовал аресты ведущих членов ассоциации для того, чтобы завладеть ее собственностью. Например, все активы ассоциации, как и все ее 72 компании, были конфискованы в ходе арестов 2006–2007 гг. и перешли в собственность НДП¹⁰. Таким образом, антипатия между «Братьями-мусульманами» и остальной частью бизнес-элиты была обусловлена исторически и сохранилась после революции 2011 г.

Несмотря на безусловное широкое влияние во всех сферах жизни египетского общества, важной особенностью «Братьев-мусульман» было то, что, будучи долгое время нелегальной ассоциацией, они являлись элементом своеобразного политического андеграунда. Пришедший к власти в 2012 г. М. Мурси оказался в центре взаимосвязей наиболее влиятельных политических игроков страны, каждый из которых прочно укоренился в существующей государственной системе, по сути, не изменившейся после революции, несмотря на отставку Х. Мубарака. Изменилась лишь расстановка элементов этой системы, в которой «Братья-мусульмане» стали играть роль организации, находящейся у власти.

¹⁰Abul-Magd Z. The Brotherhood's businessmen [Electronic resource] // Egypt Independent. 2012. Feb. 13. URL: <http://www.egyptindependent.com/opinion/brotherhoods-businessmen> (date of access: 10.04.2013).

При этом данная система несколько усложнилась за счет активизации старых и появления новых политических партий, что демонстрировало тактический характер победы Мурси. «Братья-мусульмане», среди прочих равных (а возможно, и более влиятельных) игроков, получили кратковременное преимущество именно в политической сфере. Успех нового президента в значительной мере зависел от того, удастся ли «Братьям-мусульманам» действительно превратиться из организации политического андеграунда в настоящую правящую силу и войти в существующую систему на новых ролях, понимая и принимая важное значение остальных ее элементов. Однако ассоциация предпочла другой путь: она попыталась разрушить существующий порядок и создать новую систему безоговорочного лидерства «Братьев-мусульман» во всех сферах жизни общества.

«Братья-мусульмане» стремились расширить свое влияние в бизнесе, стараясь по максимуму отобрать наиболее лакомые куски у приверженцев прошлого режима. После прихода Мурси к власти Хасан Малек возглавил новый грандиозный инвестиционный проект «Начало», к которому не подпустил значительную часть лояльных к бывшему режиму крупных собственников. В их числе был и известный миллиардер Нагиб Савирис, второй в списке Форбс среди богатейших людей Египта, владелец нескольких ведущих газет и спутниковых телеканалов, очень популярный среди египетской элиты и светских интеллектуалов. Впоследствии его обвинили в уклонении от уплаты налогов, и Савирис был вынужден покинуть страну¹¹. Спустя несколько месяцев, в мае 2013 г., он был реабилитирован и лично приглашен Мурси обратно в Египет¹². Фактически М. Мурси действовал так же, как когда-то его предшественник Х. Мубарак, попытавшись завладеть активами своих оппонентов и постепенно выдавить их с политической арены страны. Однако даже тот факт, что в итоге президент пошел на попятную и постарался замять инцидент, показал влиятельность светского бизнес-лобби и неспособность «Братьев-мусульман» к жесткой конфронтации. Мурси только еще больше усилил недовольство бизнесменов, одновременно продемонстрировав свою слабость перед ними.

Что касается политических партий, то с ними отношения у «Братьев-мусульман» осложнились еще в преддверии парламентских выборов в 2011 г., когда все партии Египта, кроме организованной «Братьями-мусульманами» ПСС, выступили за принятие конституции до парламентских выборов. ПСС же высказалась в пользу того, чтобы конституцию после выборов приняла Конституционная ассамблея, которая должна была избираться из членов парламента. Рифаат ас-Саид, глава партии Ат-Тагамму, заявил, что проведение выборов до принятия конституции, безусловно, служило интересам «Братьев-мусульман», так как в таком случае главный закон страны разрабатывался бы Конституционной ассамблеей, состоявшей из членов парламента, а у «Братьев-мусульман» были деньги и власть «подмять под себя» эти выборы и взять большинство в Народном собрании Египта. Конституция до выборов означала бы, что никакая политическая сила, включая исламистов, не сможет сделать свою идеологию базой основного закона государства. «Братья-мусульмане» не желали соглашаться с этим сценарием, так как были уверены в своем успехе на парламентских выборах и стремились к формированию конституции в соответствии со своей идейно-политической доктриной¹³. Закрепляя свою приверженность скорому принятию конституции, Мухаммед аль-Барадей и Хишам аль-Бастависи при поддержке ряда либеральных партий предложили принятие надконституционного документа – Билля о правах всех египтян. «Братья-мусульмане» выступили резко против этого документа, сказав, что он будет служить интересам определенных политических движений, а не граждан Египта, и проигнорировали собрание по его обсуждению¹⁴.

После завоевания ПСС большинства в парламенте Египта и избрания Мурси на пост президента «Братья-мусульмане» продолжили курс на максимизацию власти и открыто поставили под вопрос влияние военных. Так, будучи избранным в конце июня 2012 г., уже в августе новый президент отправил на пенсию главу вооруженных сил Египта Мухаммеда Хуссейна Ат-Тантави и назначил самого себя на должность председателя Высшего совета вооруженных сил [6, р. 18]. Он стал верховным главнокомандующим Египта, нарушив исключи-

¹¹Rizq S. How to lose power in one year – Morsi: June 30 2012 – July 3 2013 [Electronic resource] // Egypt Independent. 2015. Apr. 13. URL: <https://www.egyptindependent.com/how-lose-power-one-year-morsi-june-30-2012-july-3-2013/> (date of access: 27.02.2018).

¹²Egyptian billionaire Sawiris returns home to warm welcome [Electronic resource] // Reuters. 2013. May 3. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-orascom/egyptian-billionaire-sawiris-returns-home-to-warm-welcome-idUSBRE9420WW20130503> (date of access: 10.05.2013).

¹³Essam El-Din G. Egypt secularist forces want constitution first, elections later [Electronic resource] // Ahram Online. 2011. June 11. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/14072/Egypt/Politics-/Egypt-secularist-forces-want-constitution-first,-e.aspx> (date of access: 22.06.2011).

¹⁴Muslim Brotherhood refuses bill of rights documents [Electronic resource] // Ahram Online. 2011. July. 21. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/16985/Egypt/Politics-/Muslim-Brotherhood-refuses-bill-of-rights-document.aspx> (date of access: 22.08.2011).

тельное право генералитета на руководство армией страны. Данный шаг был весьма амбициозен, учитывая более чем полувекую монополию военных на власть.

В ноябре 2012 г. была издана Конституционная декларация, еще больше расширившая полномочия президента, лишив судебную власть права оспаривать его решения, а также распускать парламент и созванную им Конституционную ассамблею [7, p. 41]. В результате полномочия президента стали выходить далеко за пределы исполнительной власти, а сферы влияния его основного политического оппонента – военных – существенно ограничивались. Кроме того, глава государства наделялся правом предпринимать любые необходимые меры в случае угрозы революции, национальному единству и безопасности, что фактически заново вводило режим чрезвычайного положения, отмененный сразу после революции.

Данный шаг президента вызвал недовольство как политических сил Египта, так и рядовых граждан: в ноябре 2012 г. лидеры светской оппозиции Барадей, Сабахи, Нур, Муса призвали египтян выйти на улицы с протестами против диктатуры Мурси, объясняя это тем, что Конституционная декларация, изданная президентом, является нелегитимной и дает Мурси всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти¹⁵. В итоге 27 ноября 2012 г. на площади Тахрир собралось около 100 тыс. египтян, протестовавших против декларации и призывавших президента отменить ее действие. Хайтем Мохамеддин, один из лидеров египетских социалистов, находившийся в то время на площади, заявил, что «Мурси должен отойти от диктатуры и отозвать декларацию, так как его решения совсем не соответствуют принципам революции. Если он встанет на пути революции, он повторит судьбу Мубарака»¹⁶. Более того, многие из пришедших на площадь выступали с лозунгами свержения нового диктатора Мурси, говоря о том, что он нарушил принципы революции и не заслуживает доверия.

В годовщину революции, 25 января 2013 г., протесты вспыхнули с новой силой и сопровождались насилием и человеческими жертвами: 7 демонстрантов и 2 офицера полиции были убиты в ходе

столкновений в Суэце. Протесты разгорались все сильнее и сильнее, волна насилия все больше захлестывала страну, становилось ясно, что народное недовольство невозможно игнорировать и необходимо принимать меры. Так, 26 июня 2013 г. Мурси выступил с речью, в которой признал ошибки первого года своего правления и пообещал «быстрые и радикальные реформы». В то же время он обвинил неких «врагов Египта» в «подрывании демократической системы и провокациях» и обрушился с критикой на своих политических оппонентов в лице светских партий, упрекая их в нежелании «поддерживать конструктивный диалог». Тысячи египтян собрались на площади Тахрир для того, чтобы посмотреть это выступление на большом экране, и многие из них были разочарованы тем, что президент не предложил никаких конкретных шагов по урегулированию ситуации и «обвинил всю страну в предательстве»¹⁷.

Протесты обрели новую силу 28 июня 2013 г., когда оппозиционное движение «Тамаруд», представлявшее собой сообщество противников Мурси, предъявило петицию с требованием отставки президента, подписанную примерно 22 млн египтян¹⁸. А 1 июля демонстранты атаковали штаб-квартиру «Братьев-мусульман» в Каире, в результате чего погибли 8 человек. В это же время министры туризма, коммуникации, экологии и юстиции объявили об отставке и солидарности с протестующими¹⁹, 2 июля к ним присоединился министр иностранных дел. И уже 3 июля министр обороны Абд-Аль Фаттах Ас-Сиси выступил от имени вооруженных сил Египта с объявлением о смещении Мурси с поста президента, 4 июля бывший президент был заключен под стражу²⁰.

Таким образом, неспособность Мухаммеда Мурси грамотно выстроить отношения с ведущими политическими силами Египта стала одним из важнейших факторов стремительной потери им популярности, а впоследствии и его свержения. Он выиграл президентские выборы с весьма небольшим отрывом: разница между тройкой лидеров в первом туре не превышала 2 %. Такие результаты голосования показали чрезвычайную политическую и идеологическую неоднородность египетского общества, где Мурси представлял значительную, но не преваляру-

¹⁵ElBaradei, Sabbahy and others call for anti-Morsy protests on Friday [Electronic resource] // Egypt Independent. 2012. Nov. 11. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/elbaradei-sabbahy-and-others-call-anti-morsy-protests-friday> (date of access: 10.04.2013).

¹⁶Egypt: protesters descend on Tahrir Square [Electronic resource] // The Guardian. 2012. Nov. 28. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/nov/27/egypt-protesters-descend-tahrir-square> (date of access: 10.12.2012).

¹⁷Egypt's Mohamed Morsi: I have made mistakes [Electronic resource] // The Guardian. 2013. June 26. URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/jun/26/egypt-mohamed-morsi-mistakes> (date of access: 10.12.2013).

¹⁸Tamarod petition has 22 million signatures [Electronic resource] // Egypt Independent. 2013. June 29. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/tamarod-petition-has-22-million-signatures> (date of access: 10.08.2013).

¹⁹Egypt protesters storm Muslim Brotherhood headquarters [Electronic resource] // BBC. 2013. July 1. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-23125387> (date of access: 11.08.2013).

²⁰Египетская армия сместила Мухаммеда Мурси и приостановила действие Конституции [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/11735> (дата обращения: 10.09.2013).

ющую часть населения, поддерживавшую «Братьев-мусульман». В задачи избранного президента Египта входило выстраивание новой реальности с учетом интересов всех категорий египтян, как и было обещано в его предвыборной программе. Кроме того, Мурси должен был найти общий язык и выстроить систему взаимоотношений с основными участниками политического процесса, имевшими большое влияние на общественное мнение, – политическими партиями, военными и бизнес-элитой.

Со всеми этими группами у «Братьев-мусульман» были довольно напряженные отношения и до революции. Политические организации были весьма разнородны и представляли интересы различных слоев многообразного египетского общества. Некоторые либерально-демократические партии (например, ПСЕ) имели в своей основе выходцев из НДП, традиционно являвшейся оппонентом «Братьев-мусульман». Исламистские организации также всячески подчеркивали различие своих идеологических программ с идеологией «Братьев-мусульман». Причем если салафиты придерживались более ортодоксальных взглядов, то Аль-Васат и Ат-Таяр, напротив, считали их слишком консервативными. При этом все партии имели высокие амбиции и были настроены на относительно равноценное политическое представительство. Военные являлись неотъемлемой частью властных структур Египта и традиционно находились в напряженных отношениях с некогда оппозиционно настроенными «Братьями-мусульманами». Что касается представителей бизнес-элиты, то, будучи в большинстве своем приверженцами НДП – основного политического оппонента «Братьев-мусульман»,

они также всегда были достаточно враждебно настроены по отношению к ассоциации.

Все вышеперечисленные политические игроки являлись неотъемлемой частью политической инфраструктуры Египта, которая выстраивалась десятилетиями и сохранилась несмотря на отставку Х. Мубарака. Они располагали значительной социальной базой, имели влияние на общественное мнение и в сумме пользовались поддержкой большего количества египтян, нежели «Братья-мусульмане», которые привыкли взаимодействовать с ними в роли нелегальной оппозиции. Однако после избрания на пост президента Мухаммеду Мурси необходимо было заново выстроить эти взаимоотношения, уже с позиции главы государства, и наладить политический диалог. Вместо этого он предпочел пойти по жестко авторитарному пути, попытавшись подавить все существовавшие политические силы. Мурси просто не смог грамотно взаимодействовать с политической системой Египта, которая сложилась задолго до его прихода к власти и была значительно сильнее его ассоциации. В результате «Братья-мусульмане» окончательно настроили против себя абсолютно все политические силы страны.

Армия же, как старейшая и наиболее влиятельная сила, пользовавшаяся авторитетом у населения, взяла на себя организационную часть свержения Мурси, отправила президента в отставку и привела к власти своего кандидата: 8 июня 2014 г. бывший председатель Высшего совета вооруженных сил Абд-Аль Фаттах ас-Сиси стал президентом Египта, возобновив власть военных, прерванную на год М. Мурси.

Библиографические ссылки

1. Dunne M, Hamzawy A. *Egypt's Secular Political Parties: A Struggle for Identity and Independence*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace; 2017. 40 p.
2. Roll S. *Egypt's Business Elite after Mubarak A Powerful Player between Generals and Brotherhood*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs; 2013. 28 p.
3. Царегородцева ИА. Мусульманские группы Египта и их политические партии накануне и после революции 25 января: препринт WP14/2014/02. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2014. 40 с. (Политическая теория и политический анализ).
4. Анани Х. *Аль-ихван аль-муслимун фи Миср* [«Братья-мусульмане» в Египте]. Каир: Аш-Шурук; 2007. 311 с. (на араб.).
5. Abdel-Latif O. Egypt: Brothers Trigger Debate but Cannot Pass Legislation. *Arab Reform Bulletin*. 2006;4(3):2.
6. Aknur M. The Muslim Brotherhood in Politics in Egypt: From Moderation to Authoritarianism? *Uluslararası Hukuk ve Politika*. 2013;33:1–25.
7. *The Egyptian Experience of the Muslim Brotherhood in Power 2012–2013: A Report by 9 Bedford Row*. London: Nine Bedford Row International; 2015. 108 p.

References

1. Dunne M, Hamzawy A. *Egypt's Secular Political Parties: A Struggle for Identity and Independence*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace; 2017. 40 p.
2. Roll S. *Egypt's Business Elite after Mubarak A Powerful Player between Generals and Brotherhood*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs; 2013. 28 p.

3. Tsaregorodtseva IA. *Musul'manskie gruppy Egipta i ikh politicheskie partii nakanune i posle revolyutsii 25 yanvarya: preprint WP14/2014/02* [Muslim groups of Egypt and their political parties on the eve and after the revolution of January 25: preprint WP14/2014/02]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2014. 40 p. (Series WP14 «Political Theory and Political Analysis»). Russian.
4. Anani H. *Al-ikhwan al-Muslimun fi Misr* [Muslim Brotherhood in Egypt]. Cairo: Ash-Shuruk; 2007. 311 p. Arabic.
5. Abdel-Latif O. Egypt: Brothers Trigger Debate but Cannot Pass Legislation. *Arab Reform Bulletin*. 2006;4(3):2.
6. Aknur M. The Muslim Brotherhood in Politics in Egypt: From Moderation to Authoritarianism? *Uluslararası Hukuk ve Politika*. 2013;33:1–25.
7. *The Egyptian Experience of the Muslim Brotherhood in Power 2012–2013: A Report by 9 Bedford Row*. London: Nine Bedford Row International; 2015. 108 p.

Статья поступила в редколлегию 27.05.2019.
Received by editorial board 27.05.2019.

К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

В ELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY

УДК 94(476)«1921/1941»

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ ТЕПИН И ЕГО «ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

О. И. МАЛЮГИН¹⁾, О. А. ЯНОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются жизненный путь и научно-педагогическая деятельность В. П. Тепина – одного из создателей Белорусского государственного университета. Являясь деканом рабочего факультета, а впоследствии – доцентом педагогического факультета БГУ, он опубликовал ряд научных и научно-методических работ, внес значительный вклад не только в становление университетского образования, но и в развитие белорусской средней школы. Его не обошли стороной репрессии 1930-х гг. После начала Великой Отечественной войны В. П. Тепин остался в Минске и работал в Школьном инспекторате. В период немецкой оккупации он написал свой последний труд – «История Белорусского государственного университета», – в котором изложил собственную оценку событий, предшествовавших созданию

Образец цитирования:

Малюгин ОИ, Яновский ОА. Василий Павлович Тепин и его «История Белорусского государственного университета». *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;4:82–94.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-82-94>.

For citation:

Maliugin OI, Yanouski AA. Vasil Pavlovich Tepin and his «History of the Belarusian State University». *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;4:82–94. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-4-82-94>.

Авторы:

Олег Иванович Малюгин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Authors:

Oleg I. Maliugin, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.

maliugin@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-5848-5918>

Aleh A. Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.

helgoleg@mail.ru

университета, историю первых лет деятельности БГУ, свое отношение к ряду преподавателей и государственных деятелей Беларуси межвоенного периода. Воспоминания В. П. Тепина, взятые в сравнении с мемуарами других сотрудников и студентов БГУ тех двух десятилетий, помогают более точно воссоздать малоизученные страницы истории первого белорусского университета.

Ключевые слова: Василий Павлович Тепин; Белорусский государственный университет; высшее образование; нацистская оккупация; архив Розенберга.

Благодарность. Работа выполнена в рамках подзадания 779/91 государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (подпрограмма «История и культура»).

ВАСІЛЬ ПАЎЛАВІЧ ТЭПІН І ЯГО «ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА»

А. І. МАЛЮГІН^{1*}, А. А. ЯНОЎСКІ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаюцца жыццёвы шлях і навукова-педагагічная дзейнасць В. П. Тэпіна – аднаго са стваральнікаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Працуючы дэканам рабочага факультэта, а затым – дацэнтам педагагічнага факультэта БДУ, ён апублікаваў шэраг навуковых і навукова-метадычных работ, зрабіў значны ўклад не толькі ў станаўленне ўніверсітэцкай адукацыі, але і ў развіццё беларускай сярэдняй школы. Яго не абмінулі рэпрэсіі 1930-х гг. Пасля пачатку Вялікай Айчыннай вайны В. П. Тэпін застаўся ў Мінску і працаваў у Школьным інспектарыяце. У перыяд нямецкай акупацыі ён напісаў сваю апошнюю працу – «Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта», у якой выказаў уласную ацэнку падзей, што папярэднічалі стварэнню ўніверсітэта, выклаў гісторыю першых гадоў дзейнасці БДУ, свае адносіны да некаторых выкладчыкаў і дзяржаўных дзеячаў Беларусі міжваеннага перыяду. Успаміны В. П. Тэпіна, узятыя ў параўнанні з мемуарамі іншых супрацоўнікаў і студэнтаў БДУ тых двух дзесяцігоддзяў, дапамагаюць больш дакладна ўзнавіць маладаследаваныя старонкі гісторыі першага беларускага ўніверсітэта.

Ключавыя словы: Васіль Паўлавіч Тэпін; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; вышэйшая адукацыя; нацысцкая акупацыя; архіў Розенберга.

Падзяка. Работа выканана ў рамках падзадання 779/91 дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (падпраграма «Гісторыя і культура»).

VASIL PAVLOVICH TEPIN AND HIS «HISTORY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY»

O. I. MALIUGIN^a, A. A. YANOUSKI^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: O. I. Maliugin (maliugin@bsu.by)

The life, scientific and pedagogical activities of Vasil Pavlovich Tepin, one of the organizer of the Belarusian State University, are considered in this article. As a dean of the faculty of pre-university education and later – associate professor at the pedagogical faculty – he published number of scientific and methodical works, made a significant contribution not only to the formation of university education, but also in the development of the Belarusian high school. V. P. Tepin was one of the victims of Stalin repressions of 1930s. After the beginning of the Great Patriotic War, he stayed in Minsk and worked in the School Department of local administration. During the German occupation, he wrote his last work, «History of the Belarusian State University», in which he outlined his assessment of the events that preceded the creation of the university, the history of the first years of the BSU activities, his attitude to a number of teachers and political leaders of Belarus during the interwar period. The memoirs of V. P. Tepin, taken in comparison with the memoirs of other BSU staff and students of those two decades, help to reconstruct in more details the little-studied pages of the history of the first Belarusian university.

Keywords: Vasil Pavlovich Tepin; Belarusian State University; higher education; Nazi occupation; Rosenberg's archives.

Acknowledgements. The work was carried out as part of subproblem 779/91 of the State Program of Scientific Research for 2016–2020 «Economics and humanitarian development of Belarusian society» (subprogram «History and Culture»).

Введение

Василий Павлович Тепин – первый декан рабочего факультета БГУ, один из активнейших организаторов университета в годы, когда его ректором был В. И. Пичета (рис. 1). Получив филологическое образование в Императорском Московском университете еще накануне Первой мировой войны, В. П. Тепин впоследствии проявил себя как талантливый методист и преподаватель русского языка и литературы, и более всего – в революционных

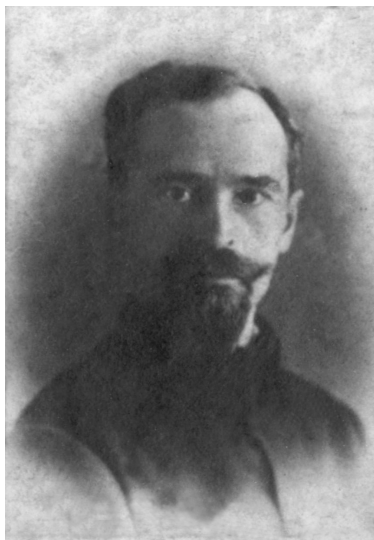

Рис. 1. В. П. Тепин. 1928 г.

Fig. 1. V. P. Tepin. 1928

белорусских реалиях. Обстоятельства сложились таким образом, что его имя на долгое время было вычеркнуто из летописи истории высшей школы Беларуси, и никто из исследователей не занимался изучением жизни и творчества этого незаурядного интеллектуала. Насколько известно авторам, есть лишь одна небольшая статья, посвященная В. П. Тепину в контексте его совместной работы с Я. Коласом над учебником «Мэтодыка роднай мовы», содержащая также краткие биографические сведения о нем [1].

Забвение имени Василия Павловича в послевоенных реалиях произошло из-за того, что он остался в оккупированном Минске и в 1941–1943 гг. занимался организационно-образовательной деятельностью. Но никоим образом нельзя перечеркнуть значительный вклад, который В. П. Тепин внес в развитие как университетского (в первой половине 1920-х гг. был деканом рабочего факультета БГУ, затем преподавал в БГУ и других высших учебных заведениях БССР), так и общего среднего образования (автор ряда работ по методике преподавания русского языка и литературы). Для всех, кто интересуется историей развития высшей школы Беларуси, особого внимания среди его творческого наследия заслуживает «История Белорусского государственного университета», созданная в форме воспоминаний в военные годы и оставшаяся, к сожалению, незаконченной¹.

Основная часть

В. П. Тепин родился 31 марта 1884 г. в г. Елатье Тамбовской губернии² (ныне поселок городского типа Касимовского района Рязанской области) в русской православной семье³. Занятие отца в анкете от 1930 г. Василий Павлович определил в духе времени – «самотужник»⁴, тогда как в его дореволюционном формулярном списке социальное происхождение родителей указано более обобщенно – «из мещан»⁵. Семья Тепиных издавна жила в этом городе между Рязанью и Муромом, о чем свидетельствует документ, подписанный местными купцами и датированный 7 марта 1767 г.: в списке купцов г. Елатьи указаны Алексей Иванович и Петр Данилович Тепины⁶.

После окончания гимназии в родном городе В. П. Тепин учился на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета, который окончил в 1907 г. по специальности «Литературоведение» с дипломом I степени⁷. Свою преподавательскую карьеру Василий Павлович начал в этом же году в г. Славянске Харьковской губернии – в местном реальном училище и женской гимназии⁸. В апреле 1908 г. распоряжением Главного попечителя Московского учебного округа (на основании прошения самого В. П. Тепина) ему было поручено «исполнять обязанности» преподавателя русского языка и истории во Владимирской земской женской гимназии, а 18 июня того

¹В силу значительного объема текста, сохранившегося в двух версиях – на белорусском и немецком языках, его публикация на страницах журнала не представляется возможной. Для заинтересованных читателей обе версии можно скачать с сайта журнала по ссылке: <https://journals.bsu.by/index.php/history/article/view/719/632>.

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 1.

³Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 1349. Оп. 2. Д. 587. Л. 90.

⁴НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 36.

⁵Там же. Оп. 3. Д. 8062. Л. 10 об.

⁶28. В дали веков ища истоки // Елатья. Прогулка по городку. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elatma2008.narod.ru/E28.htm> (дата обращения: 10.02.2019).

⁷НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 10 об.

⁸Там же. Л. 33.

же года приказом министра народного просвещения Василий Павлович был утвержден в должности штатного преподавателя. При недельной нагрузке в 24 урока его годовое жалование составляло 6000 руб⁹.

Согласно распоряжению Главного попечителя Московского учебного округа летом 1911 г. уже опытный педагог был переведен во Владимирское реальное училище, в котором и работал до 1918 г. (рис. 2). Он указан преподавателем русского языка училища в 1912 г.¹⁰, отмечен среди преподавательского состава и в 1916 г.¹¹ В 1912 г. В. П. Тепин получил заграничный отпуск (с 7 июня по 7 июля), из которого, как указано в формулярном списке, «вернулся в срок»¹².

Помимо Владимирского реального училища, Василий Павлович вел занятия в мужской и женской гимназиях, школе II ступени, частных учебных заведениях Владимира¹³, где преподавал русский язык и литературу¹⁴, а также методику родного языка¹⁵. Успешная преподавательская деятельность стала основанием для присвоения ему 18 марта 1913 г. чина коллежского асессора со старшинством (хотя сам чин ему был присвоен с момента назначения на должность преподавателя, т. е. 9 апреля 1908 г.), а еще через год, 28 июля 1914 г., за выслугу лет – чина надворного советника со старшинством (и в данном случае отсчет фактически шел уже с 9 апреля 1912 г.), который наделял его потомственным дворянством¹⁶.

Рис. 2. Преподавательский состав Владимирского реального училища, 1912 г.

Fig. 2. The teaching staff of the Vladimir Real School in 1912

Параллельно Василий Павлович читал лекции в народном университете, сотрудничал с местной прессой – вначале с газетой «Старый владимирец», а после революции с «Известиями Исполнительного комитета», в которых, как он сам писал, «поместил ряд статей на литературные и общественно-педагогические темы»¹⁷. Издатели переписки П. С. Сухотина и К. Ф. Некрасова предположили, что именно о Василии Павловиче Тепине

идет речь, когда обсуждается написание монографий о В. И. Сурикове и М. В. Нестерове. Сперва П. С. Сухотин пишет своему адресату 9 ноября 1914 г.: «Говорил я со Скворцовым и, вследствие выраженного им желания отказаться от Сурикова и Нестерова, стал искать человека, который мог бы о них написать и нашел. Это некий Тепин, о котором я будто Вам уже говорил, но о котором кое-что знает Ашукин, пусть вспомнит очень хорошую

⁹НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 10 об.

¹⁰РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 587. Л. 90–92.

¹¹Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1916 год. Владимир : Тип. губ. правления, 1916. С. 145.

¹²НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 11.

¹³Там же. Д. 8064. Л. 33.

¹⁴Там же. Оп. 1. Д. 456. Л. 36.

¹⁵Там же. Оп. 3. Д. 8064. Л. 33.

¹⁶Формулярный список о службе учителя русского языка и истории Владимирского реального училища Василия Тепина // НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 11 об. – 12.

¹⁷НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8064. Л. 33.

статью его в “Пути” о “Церкви” Иоанна Предтечи. Он согласен взяться за эту работу и только станет ждать Вашего согласия. Он гораздо одареннее Скворцова, а потому надобно ждать от него не менее удачной монографии, чем мог написать Александр Митрофанович. Задача работы ему выяснена мною согласно тому, что мне передал Скворец, размеры также. Стало быть, ждем от Вас решения»¹⁸. Согласие К. Ф. Некрасова было получено, так как на протяжении января 1915 г. вновь заходит разговор о работе Тепина над текстом: «Нынче же у меня читает Тепин о Сурикове; я пригласил и Скворцова, дабы вдвоем внимательнее прослушать и приметить места, нуждающиеся в поправке» (12 января), «Тепин о Сурикове тоже кончил и читал мне, теперь исправляет, стало быть тоже скоро пришлет рукопись» (15 января)¹⁹. Впрочем, отождествление этого Тепина с нашим героем представляется достаточно маловероятным: судя по переписке, он проживал в Москве, регулярно посещая квартиру П. С. Сухотина. Но самое главное – в своих документах В. П. Тепин никогда не упоминал про подобные литературные опыты. Можно предположить, что издатели переписки сделали такое отождествление, не найдя другой подходящей кандидатуры²⁰.

Женился В. П. Тепин довольно поздно – в 33 года, накануне Октябрьской революции (22 октября 1917 г.). Его супругой стала вдова-белоруска Евгения Петровна Коровицкая. Она родилась 1 апреля 1891 г. в г. Дрзе Виленской губернии. Свое сословное происхождение в одной из анкет определила как «крестьянка»²¹. Училась в Ковенской Мариинской женской гимназии, которую окончила в 1908 г., и на Высших коммерческих курсах М. В. Побединского, после окончания которых в 1912 г. получила квалификацию «Канторский труд»²² (однако в другой анкете в качестве специ-

альности указала «Делопроизводство»)²³. Владела белорусским, польским, французским и итальянскими языками²⁴. В 1915 г. ей пришлось покинуть белорусские земли, в эвакуации очутилась во Владимире, потеряв все документы²⁵.

В 1918 г. Василий Павлович принял активное участие в общественной жизни Владимирской губернии: он был консультантом при местном отделе народного образования, читал лекции о трудовой школе на учительских курсах в Муроме, сам являлся слушателем курсов школьных инструкторов в Москве при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) РСФСР²⁶.

Скорее всего, под влиянием своей супруги В. П. Тепин в 1918 г. переехал в Минск. Точная дата переезда неизвестна, хотя сам Тепин указывал начало 1918 г.²⁷ Однако согласно документам еще 22 августа 1918 г. он был переведен с 1 сентября во Владимирскую 1-ю мужскую гимназию²⁸.

В Минске в 1918–1919 гг. Василий Павлович работал школьным инструктором в комитете по образованию²⁹, а затем – школьным учителем (видимо, в годы польской оккупации)³⁰. А 1 ноября 1919 г. он обратился с заявлением в Минский педагогический институт, прося предоставить ему вакантное место преподавателя русской литературы³¹ (рис. 3). Ходатайство было удовлетворено, и В. П. Тепин приступил к работе в институте в 1920 г.³² Известно, что здесь он преподавал русскую литературу и выразительное чтение³³.

С 1921 г. (есть основания полагать, что даже ранее) Василий Павлович принимал активное участие в организации и деятельности Белорусского государственного университета. В целом в его работе в БГУ можно выделить два этапа: с 1921 по 1925 г. и с 1925 по 1931 г. На первом более характерна административная работа в должности заведующего, а затем декана рабочего факультета, на втором –

¹⁸Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : [Альманах]. М. : Студия «ТРИТЭ» : Рос. арх., 1999. [Т.] IX. С. 512.

¹⁹Там же. С. 513, 515.

²⁰Что, без сомнения, подтверждается и исследовательской литературой. В переписке П. С. Сухотина и К. Ф. Некрасова речь идет о Якове Алексеевиче Тепине (1883–1953) – уроженце г. Ржева, лично знавшем Сурикова и написавшем очерк о знаменитом художнике, опубликованный в № 4–5 журнала «Аполлон» в 1916 г. и переизданный в сборнике «Суриков В. И. Письма. Воспоминания о художнике» (Л., 1977).

²¹Исходя из ее образовательного ценза и владения языками, крестьянское происхождение Евгении Петровны можно поставить под сомнение.

²²НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8064. Л. 2.

²³Там же. Д. 8063. Л. 1 об.

²⁴Там же.

²⁵Там же.

²⁶Там же. Д. 8064. Л. 33.

²⁷Curriculum vitae за 1924 г. (24 февраля) // НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8064. Л. 33.

²⁸НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8064. Л. 11 об.– 12.

²⁹15 марта 1919 г. коллегия губернского комиссариата народного просвещения удовлетворила ходатайство инспектора школьного отдела т. Тепина об освобождении его от обязанностей инструктора на время заведывания им «курсами по изучению трудовых процессов» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 44. Л. 28).

³⁰Известно, что он был преподавателем гимназии Рейман в Минске.

³¹НАРБ. Ф. 221. Оп. 2. Д. 16а. Л. 9.

³²Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 36.

³³Там же. Оп. 3. Д. 8062. Л. 33 об.

преподавательская и культурно-просветительная деятельность.

Важно подчеркнуть, что на протяжении ряда лет Василий Павлович возглавлял рабочий факультет, став первым его и организатором, и руководителем. Важно и то, что эта должность позволяла и даже обязывала принимать активное участие в работе Правления БГУ. На должность заведующего рабочим факультетом В. П. Тепин был назначен решением организационной комиссии 20 апреля 1921 г.³⁴, т. е. за несколько месяцев до официального открытия других факультетов университета. Уже в июне 1921 г. рабфак смог начать свою работу.

В этом отношении удивительным представляется заявление В. П. Тепина, датированное 19 июня 1921 г., в котором он отмечает: «В связи с отзывом Председателя организационной комиссии проф. Г. С. Гурвича на заседании 18 июня о моей деятельности и моих сотоварищей по работе для меня не представляется возможным нести обязанности по заведованию рабфаком»³⁵. Возможно, именно этот конфликт и является одной из причин весьма резкой характеристики, которую В. П. Тепин дает Г. С. Гурвичу в своих воспоминаниях (Беларуская газета. 1943. 25 верас. № 73 (191)). Однако в чем состояла причина самого конфликта, пока не удалось выяснить.

В конце лета 1923 г. Василий Павлович вновь попытался снять с себя исполнение обязанностей заведующего рабфаком. В своем заявлении в Президиум рабочего факультета он написал: «По обстоятельствам личного характера в наступающем учебном году я не имею возможности нести обязанности заведующего рабфаком, а потому прошу с 15 сентября освободить меня от несения таковых и передать, впредь до утверждения нового Президиума, выполнение текущей работы заместителю декана» (в резолюции было указано: «Принять к сведению и назначить на 10 сентября выборы нового состава Президиума»)³⁶. Однако Василий Павлович опять остался во главе рабфака, но уже в качестве декана.

Возглавляя факультет, В. П. Тепин являлся членом Совета университета (этот коллегиальный орган управления был введен в советских вузах в 1922 г.), неоднократно выступал на его заседаниях³⁷. Об успехах вверенного ему факультета он рассказывал не только на заседаниях в БГУ, но и на страницах прессы³⁸. Немаловажно отметить, что

Василий Павлович принимал активное участие в подготовке и выпуске первых номеров университетской газеты «Голос рабфаковца», издававшейся как печатный орган факультета³⁹.

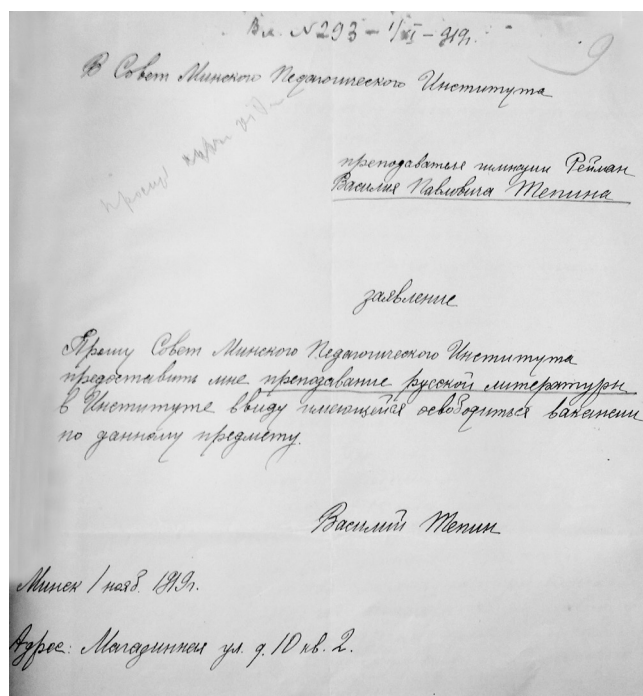

Рис. 3. Заявление В. П. Тепина в Минский педагогический институт (НАРБ. Ф. 221. Оп. 2. Д. 16а. Л. 9)

Fig. 3. Statement of V. P. Tepin in Minsk Pedagogical Institute (National Archives of the Republic of Belarus. Fund 221. Register 2. File 16a. P. 9)

Задачи и перспективы развития рабфаков определялись в Наркомпросе РСФСР. Поэтому естественной и необходимой стала в начале 1924 г. служебная командировка В. П. Тепина в Москву для участия во Всероссийском совещании заведующих рабфаками⁴⁰.

В очередной раз вопрос о декане рабочего факультета обсуждался при личной встрече В. П. Тепина с председателем Главного управления профессионального образования (Главпрофобра) БССР Е. К. Успенским в начале осени 1924 г., в итоге Василий Павлович продолжил возглавлять факультет⁴¹. Его кандидатура была поддержана преподавательской коллегией и студенческими организациями факультета и не встретила возражений со стороны руководства Главпрофобра. Однако уже зимой 1924/25 учебного года ситуация резко изменилась. Приказом № 26 Наркомпроса БССР был утверж-

³⁴НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 19.

³⁵Там же. Л. 2.

³⁶Там же. Л. 14.

³⁷Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 (где В. П. Тепин назван «профессором»); Там же. Л. 19–20; Там же. Д. 58. Л. 56.

³⁸Савецкая Беларусь. 1922. 29 кастр. № 240.

³⁹Аленін Я. Наша сценгазета // Чырвоны сыцяг. 1925. Крас. – май. № 3–4. С. 100–101.

⁴⁰НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 15.

⁴¹Там же. Л. 24.

ден новый состав Президиума рабфака – С. З. Слоним, Н. П. Шкляев, Н. И. Дубатовка и др., а судьба В. П. Тепина определена следующим образом: «Загадчык рабфаку Тэпін Васіль прызначаецца асыстэнтам по кафедрэ мэтодыкі мовы і літэратуры на Пэдагагічным факультэце БДУ с аслабаненьнем яго ад абавязкаў Загадчыка Рабфаку і з захаваньнем за ім пасады настаўніка Рабфаку»⁴².

В связи с этим решением В. П. Тепин предпринял усилия для того, чтобы сохранить за собой до конца учебного года ставку заведующего в размере 90 руб. в месяц (ставка преподавателя была меньше почти на треть – 67 руб.), аргументируя это тем, что при личном общении Е. К. Успенский дал ему заверение: перемещение по должности не повлечет для Василия Павловича какого-либо материального ущерба⁴³. Рассмотрение вопроса затянулось на несколько недель и завершилось решением Правления БГУ от 24 марта 1925 г.: поручить Д. И. Серко («кіраўніку спраў») «атрымаць з Галоўпрафасветы пісоўнае аб гэтым распараджэньне»⁴⁴.

В декабре 1924 г. на заседании деканата педфака рассматривался вопрос об учебной нагрузке ассистента по методике языка и литературы Н. Ф. Красинского. Е. К. Успенский констатировал, что ввиду сильной перегруженности Н. Ф. Красинский не может вести педагогический практикум. По предложению профессора И. И. Замотина и самого Е. К. Успенского было решено разделить этот курс между В. П. Тепиным и И. В. Волк-Левановичем⁴⁵. Главпрофобр дал свое согласие на назначение В. П. Тепина ассистентом по кафедре методики языка и литературы педагогического факультета с 18 января 1925 г.⁴⁶

Так начался второй этап работы Василия Павловича в стенах Белорусского государственного университета. Он смог больше внимания уделить преподаванию, а также научной и культурно-просветительской деятельности как в самом университете, так и за его пределами.

Нагрузка В. П. Тепина в 1924/25 учебном году, который он начинал еще в качестве декана, складывалась из практикума по методике языка и литературы со студентами 3-х и 4-х курсов этнолингвистического отделения, практических занятий по выразительному чтению со студентами 4-го курса, а также руководства школьной практикой

студентов. Что касается методической деятельности, то он работал над составлением «дальтон-плана по языку и литературе в условиях современной школы, а также по вопросу о формально-художественной проработке литературных произведений в школьном преподавании»⁴⁷. На заседании литературной предметной комиссии лингвист и методист В. П. Тепин сделал два доклада – «Применение графики в школьном изучении литературных произведений» и «Революция и школьное преподавание литературы»⁴⁸.

Освобождение Василия Павловича от административных обязанностей сразу же положительно сказалось на результатах его научных исследований. Так, на протяжении 1925/26 учебного года на литературной секции Научного общества БГУ он дважды выступал с докладами – «Прыстасаваньне графікі ў школьным навучаньні літаратурных твораў» и «Школьнае навучаньне літаратуры за апошнія гады (1907–1925)»⁴⁹. Годом позже озвучил еще три свои научно-методические разработки, в том числе «Внешкольные средства к усилению языковой и литературной грамотности» и «Постановка внеклассного чтения в современной школе»⁵⁰.

В 1926/27 учебном году, помимо учебных занятий по методике языка и литературы Василий Павлович проводил методическую работу в кабинете методики языка и литературы, обеспечив ее собственными наглядными материалами: «Габінэт быў папоўнен схэмамі, выдавочнымі дапамагамі і дыяграмамі, якія былі распрацаваны мною па пытаньням школьнага выкладаньня літаратуры, граматыкі, ілюстратыўнай распрацоўкі мастацкіх твораў і па пазакляснаму чытаньню». Он составил подробный методический указатель литературы за предшествующее десятилетие – всего около 800 наименований⁵¹.

Как можно судить по вышеприведенной цитате, преподаватель-филолог с русскими корнями смог быстро освоить язык белорусов. Первый документ, написанный В. П. Тепиным на белорусском языке, датируется 29 октября 1927 г. – это заявление в Правление БГУ с просьбой компенсировать ему часы работы в связи с уменьшением нагрузки по педагогическому факультету. Правление в удовлетворении просьбы отказало, постановив: «За адсутнасьцю сродкаў адмовіць»⁵².

⁴²НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 19. (Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографических особенностей оригинала.)

⁴³Там же. Л. 19.

⁴⁴Там же. Л. 24 об.

⁴⁵Там же. Л. 17.

⁴⁶Там же. Л. 22.

⁴⁷Там же. Л. 29–29 об.

⁴⁸Там же. Л. 29 об.

⁴⁹Отчет о работе Научного общества БГУ за 1925/26 учебный год // Працы БДУ. 1927. № 14–15. С. 170.

⁵⁰НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 32.

⁵¹Там же. Л. 31–31 об.

⁵²Там же. Л. 30–30 об.

Во второй половине 1920-х гг. В. П. Тепин вел курс методики преподавания языка и литературы, сначала в должности ассистента (1925), а с 1930 г. – доцента педагогического факультета БГУ. Параллельно преподавал русский язык на рабочем факультете БГУ и в Коммунистическом университете имени В. И. Ленина⁵³. За свой труд был отмечен Почетной грамотой СНК БССР в связи с 10-летием БГУ в составе группы преподавателей университета, включая ректора И. П. Кореневского⁵⁴, который сменил В. И. Пичету.

Впрочем, уже в 1926 г. в результате проверки работников системы образования БССР фамилия В. П. Тепина появляется в списке «неблагонадежных» с характеристикой «великодержавный русский уклон» [2, с. 182]. Насколько это повлияло на отношение к нему партийных и карательных органов во второй половине 1920-х гг., судить трудно. Можно лишь констатировать, что в ряде материалов обследования педагогического факультета, отложившихся в фондах партийного архива, фамилия В. П. Тепина в связи с разного рода «уклонами» не встречается.

Возвращаясь к сюжету «Тепин как ученый», в первую очередь следует сказать, что вершиной его научно-методической деятельности стала совместная с Якубом Коласом работа над вторым изданием «Мэтодыкі роднай мовы», вышедшим в свет в 1930 г.⁵⁵ По сути, текст учебника был в значительной мере переработан: изменена структура, введены новые разделы, в том числе «Мэтодыка заняццяў роднаю моваю з дарослымі няпісьменнымі і малапісьменнымі». По мнению белорусских исследователей, эти существенные изменения в учебнике появились именно благодаря В. П. Тепину [1, с. 106], который, как можно предположить, применил на практике обширные знания по методике преподавания языка и литературы, приобретенные за годы работы в БГУ и средних школах. Сам Василий Павлович, подводя некоторые итоги своей научной деятельности за первые десять лет работы в Беларуси, писал в анкете: «Супрацоўнічае ў выданьнях па спецыяльнасці», уточнив далее:

«Сістэматычна прымаю ўдзел на працягу шэрагу гадоў у час. Асьвета і Камуніст. выхаваньне, дзе з’мяшчаю артыкулы па спецыяльнасці»⁵⁶.

В первой половине 1920-х гг. работала в университете и его супруга – Евгения Петровна. Так, 15 декабря 1921 г. в БГУ пришел запрос за подписью «начмобраспреда Народного комиссариата труда Беларуси» о направлении в распоряжение Правления в качестве делопроизводителя Е. П. Тепиной⁵⁷. На основании этого документа ей было предоставлено место делопроизводителя канцелярии факультета общественных наук с 1 декабря 1921 г.⁵⁸ В дальнейшем она занимала должность практиканта университетской библиотеки и библиотекаря рабфака (с 1 сентября 1923 г. по 9 октября 1924 г.), после чего была уволена из БГУ по сокращению штатов⁵⁹. Из архивных документов известно, что в 1930 г. Е. П. Тепина работала «на Мінскай раслінав. станцыі»⁶⁰.

В первые годы работы в Минске и БГУ В. П. Тепин с семьей (жена, теща и двое сыновей) проживал сначала по адресу ул. Магази́нная (с 1922 г. – Университетская, позже – Кирова), д. 10, кв. 2⁶¹, а затем – ул. Кожевенная, д. 21, кв. 1⁶². Известно, что младший ребенок родился в сентябре 1922 г.⁶³, но в начале 1923 г. в архивных документах семья названа в количестве четырех человек⁶⁴. Новые данные о составе семьи Тепиных дают архивные источники за 1930 г.: сам Василий Павлович, его супруга, двое сыновей (Евгений и Юрий) и теща⁶⁵.

Зимой 1924/25 учебного года Василий Павлович обратился в Правление БГУ с просьбой улучшить жилищные условия. Он указывал на постановление Мингорисполкома от 5 марта 1924 г., согласно которому педагогические и научные работники имели право на занятие дополнительной, сверх установленной, жилой площади, и просил выселить из одной комнаты в занимаемой его семьей квартире некую «гражданку Варнакову», аргументируя это не только постановлением, но и тем фактом, что она, будучи торговкой, представляет собой «нетрудовой элемент» и занимает комнату без ордера⁶⁶. Правление поддержало просьбу В. П. Тепина и обратилось

⁵³НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 36. Любопытна сумма общего дохода, указанная В. П. Тепиным в анкете, – 366 рублей, из них 125 рублей – по основной ставке ассистента по кафедре, а 241 рубль – за совместительство.

⁵⁴Звезда. 1931. 14 июля. № 159. Можно отметить, что в публикации неправильно указаны инициалы Василия Павловича – «Б. П.», как, впрочем, допущены ошибки и в фамилиях других награжденных (так, декан факультета народного хозяйства А. В. Гурло назван «Гулло»).

⁵⁵Мицкевич К. Мэтодыка роднай мовы / К. Міцкевіч, В. Тэпін. Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1930. 164 с.

⁵⁶НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 37.

⁵⁷Там же. Оп. 3. Д. 8064. Л. 1.

⁵⁸Там же. Д. 8063. Л. 2.

⁵⁹Там же. Д. 8064. Л. 7.

⁶⁰Там же. Оп. 1. Д. 456. Л. 37.

⁶¹Там же. Оп. 3. Д. 8063. Л. 1.

⁶²Там же. Д. 8064. Л. 2.

⁶³Там же. Д. 8062. Л. 7.

⁶⁴Там же. Д. 8062. Л. 8.

⁶⁵НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 37.

⁶⁶Там же. Оп. 3. Д. 8062. Л. 21.

в Минское управление недвижимым имуществом (МУНИ) Минокрисполкома с соответствующим ходатайством⁶⁷. Вот только был ли решен этот квартирный вопрос, неизвестно.

Вновь жилищная проблема оказалась актуальной для В. П. Тепина и его семьи в 1928 г. Дом, в котором они проживали, попал под снос, и было выдано предписание о выселении. В дело вмешалось Центральное бюро Секции научных работников БССР, которое ходатайствовало перед коммунальными службами «прадаставіць кватэру з 2-х пакояў сябру Сэкцыі навуковых работнікаў тав. Тэпіну... Тав. Тэпін зьяўляецца актыўным культурным асветнікам, які вельмі часта выступае з дакладамі ў рабочых клубх г. Менску і правінцыі. Лекцыі яго карыстаюцца вялікай папулярнасцю. Адсутнасць адпаведных кватэрных умоў будзе дрэнна адбівацца на яго навуковай дзейнасці»⁶⁸. Судя по архивным документам, семье В. П. Тепина были предоставлены две комнаты (как и просилось) в коммунальной квартире «общей площадью 10,5 сажений»⁶⁹.

В контексте рассмотрения бытовых условий, в которых жили преподаватели первого белорусского университета, можно сослаться еще на два эпизода из биографии Василия Павловича. Так, в 1922 г. Правление БГУ обратилось в пограничное отделение Особого отдела Западного фронта с просьбой о выдаче В. П. Тепину и его супруге разрешения на посещение пограничной зоны в связи с тем, что они в летнее время проживали на даче в совхозе «Фаниполь»⁷⁰. Ходатайство было удовлетворено, и в рабочем удостоверении В. П. Тепина появилась виза № 2566 от 26 июля 1922 г. «Разрешается проезд до Фаниполя сроком по 31 августа 1922 г.»⁷¹. А в июне 1926 г. В. П. Тепину было выдано удостоверение, что ему разрешается отпуск «на время летних каникул по 15-е августа 1926 г., для поездки во все города Союза ССР»⁷². И если другие профессора и преподаватели использовали такое удостоверение для посещения курортов Крыма и Кавказа, то Василий Павлович побывал летом 1926 г. в родных местах во Владимирской губернии, что засвидетельствовала отметка местного адресного стола⁷³.

В начале 1930-х гг. в судьбе В. П. Тепина произошёл крутой поворот. Правда, восстановить его дальнейший жизненный путь в деталях сложно из-за недостатка источников. Известно, что после

реорганизации БГУ Василий Павлович оказался в Могилёве – с 1933 г. преподавал в местном педагогическом институте. Если судить по публикациям В. П. Тепина этого периода, то основными курсами, которые он читал студентам, были «Русская литература» и «Методика преподавания русской литературы».

Однако 1937 г. принес новые испытания: В. П. Тепин был уволен с работы как враг народа. Несколько месяцев продолжались допросы в НКВД, но, в отличие от других представителей белорусской интеллигенции, к нему судьба оказалась благосклонной. В конце 1937 г. дело В. П. Тепина было закрыто. Впоследствии Василию Павловичу разрешили устроиться на работу в Научно-исследовательский институт школ Народного комиссариата просвещения БССР в Минске⁷⁴. Также в предвоенные годы он преподавал методику русского языка и литературы в Белорусском государственном высшем педагогическом институте (создан в начале 1930-х гг. на базе педфака БГУ).

С началом Великой Отечественной войны Василий Павлович, как и многие его коллеги, не смог эвакуироваться и вынужден был остаться в оккупированном фашистами Минске. Чтобы иметь средства к существованию, после начала оккупации он поступил на службу в Школьный инспекториат Генерального комиссариата Беларуси. Здесь была продолжена привычная работа: В. П. Тепин составлял учебники для средних школ, редактировал разные школьные издания, публиковал в прессе статьи по вопросам школьного образования. В 1942 г. здоровье Василия Павловича резко ухудшилось: последние восемь месяцев своей жизни он провел прикованным к кровати, хотя и не оставлял работу. Умер первый декан рабфака БГУ, незаурядный филолог и методист 29 марта 1943 г. в Минске. Место его захоронения неизвестно.

Для исследователей истории Белорусского государственного университета и белорусской высшей школы довоенного периода, по нашему мнению, особый интерес представляет последняя работа Василия Павловича, опубликованная уже после его смерти⁷⁵. Авторы данной статьи сочли возможным представить ее читателю под условным названием «История Белорусского государственного университета». Этот текст сохранился в двух вариантах: на белорусском языке он был опубликован на страни-

⁶⁷НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8062. Л. 20.

⁶⁸Там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 374. Л. 283.

⁶⁹Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 37.

⁷⁰Там же. Оп. 3. Д. 8062. Л. 5.

⁷¹Там же. Л. 22 об.

⁷²Там же. Л. 27.

⁷³Там же. Л. 27 об.

⁷⁴Беларуская газета. 1943. 3 крас. № 26 (144).

⁷⁵Авторское название неизвестно. В «Беларускай газэце» текст озаглавлен просто – «З успамінаў». Но в немецком переводе дается более пространное название – «Об основании и первых годах деятельности Белорусского государственного университета». Сам же В. П. Тепин несколько раз в тексте подчеркивает, что он пишет именно воспоминания, а не историю БГУ. Про это говорит и тот факт, что в тексте почти нет дат, зато присутствуют оценочные и мемуарные моменты.

цах издававшейся в оккупированном Минске «Беларуской газеты», а немецкий перевод отложился в архиве Розенберга и ныне хранится в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины⁷⁶ (см. рис. 4).

Историю создания то ли личных воспоминаний В. П. Тепина, то ли некоего описания его участия в основании БГУ можно восстановить следующим образом. Материалы архива Розенберга позволяют утверждать, что «инициатором» написания этого текста было оккупационное немецкое руководство рейхскомиссариата⁷⁷. Стоит отметить, что в целом рабочая группа «Вайсрутения» айнзацштаба Розенберга чрезвычайно скрупулезно собирала информацию о деятельности Белорусского государственного университета в довоенные годы (как, впрочем, и других белорусских учреждений образования, культуры и искусства). Так, в июле 1943 г. сотрудниками группы обрабатывались отчеты о рабочем и педагогическом факультетах, факультете права и хозяйства БГУ⁷⁸. А в отчете за 25–31 июля 1943 г. среди доступных для перевода текстов указана и работа В. П. Тепина (редактор – К. Калмбах)⁷⁹.

Однако из-за болезни и смерти В. П. Тепина текст остался незаконченным и в таком виде в ноябре 1943 г. был переведен на немецкий язык в Главной рабочей группе «Остланд». А. Рихель в предисловии к изданию отмечает, что «...смерть обломала крылья этому национально сознательному человеку, вследствие чего работа осталась незавершенной и должна была быть взятой из его наследия в недоработанном виде»⁸⁰. В итоговом варианте немецкий перевод состоит из 17 страниц машинописного текста.

Параллельно на протяжении осени 1943 г. текст печатался на страницах «Беларуской газеты»⁸¹. Публикация воспоминаний обрывается 6 октября и, несмотря на обещание «Працяг будзе», больше в газете текст не появился.

По всей видимости, и белорусский, и немецкий переводы были сделаны с русского оригинала. Скорее всего, в распоряжении издателей и обработчиков текста находились два машинописных экземпляра, о чем свидетельствуют различия между двумя итоговыми вариантами воспоминаний В. П. Тепина⁸².

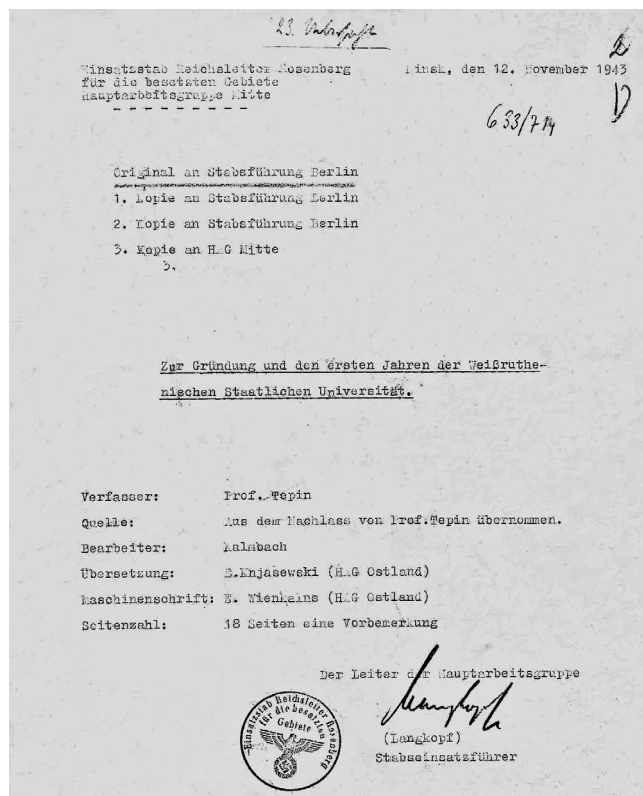

Рис. 4. Титульный лист архивного дела с «Историей Белорусского государственного университета» В. П. Тепина (ЦГАВОВУ Ф. 3676. Оп. 2. Д. 32. Л. 2)

Fig. 4. Archive cover page with Tepin' «History of the Belarusian State University» (Central State Archives of Supreme Authorities and Governments of Ukraine. Fund 3676. Register 2. File 32. P. 2)

⁷⁶Переведенная на немецкий язык книга профессора Тепина [сотрудничавшего с немцами] «Об основании и первых годах деятельности Белорусского государственного университета» // Центр. гос. арх. высш. органов власти и упр. Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 3676. Оп. 2. Д. 32.

⁷⁷Хотя прямых указаний на «заказ» со стороны оккупационного руководства в архивах нет, об этом можно судить по содержанию самого произведения. Кроме понятных в тех условиях инвектив в адрес еврейских преподавателей университета, можно отметить особый интерес В. П. Тепина к личности и деятельности С. Я. Вольфсона, которому посвящены последние две страницы дошедшего до нас текста: именно на характеристике Семена Яковлевича произведение обрывается, и можно с уверенностью сказать, что раздел про этого видного представителя БГУ был (или планировался) значительно обширнее. Об интересе немецких властей к фигуре С. Я. Вольфсона свидетельствует и неоднократное упоминание его фамилии в архивных документах – речь идет о судьбе его личной библиотеки (Bundesarchiv (BA). NS 30 149. S. 50, 57) и о характеристиках, которые о нем собирали сотрудники рабочей группы (например, «Терминология современных понятий. Из заметок еврейского профессора философии из Советского Союза Вольфсона» за авторством фон Крузенштерна и А. Рихеля (BA. NS 30 157. S. 135) или «Характеристика иудейско-советского профессора философии и социологии Вольфсона на основании личного знакомства» профессора Н. А. Дорожкина (BA. NS 30 157. S. 179)).

⁷⁸BA. NS 30 157. S. 5. Как пример можно назвать перевод выдержек из брошюры И. П. Кореневского (ЦГАВОВУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 114. Л. 13–18), которую упоминает и В. П. Тепин (ЦГАВОВУ. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 32. Л. 16).

⁷⁹BA. NS 30 157. S. 23. Здесь текст В. П. Тепина обозначен как «Die Weißruthenische Staatsuniversität Minsk».

⁸⁰ЦГАВОВУ. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 32. Л. 1.

⁸¹Беларуская газета. 1943. № 71–76.

⁸²Однако такое предположение может быть поставлено под сомнение исходя из списка первых преподавателей БГУ (ЦГАВОВУ. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 32. Л. 8–9; Беларуская газета. 1943. 25 верас. № 73 (191)). Из двух вариантов списка видно, что в ряде случаев инициалы в немецком переводе соответствуют не русскому, а белорусскому написанию (например, у Н. М. Никольского – М. М. (Мікалай Міхайлавіч), а у В. Н. Перцева – U. N. (Уладзімір (?) Николаевич).

При сравнении белорусского и немецкого переводов становится очевидным, что в обоих случаях в руках публикаторов находился незаконченный вариант. При этом немецкий текст меньше белорусского по объему в силу ряда сокращений и привнесения элемента формализации, а также отсутствия некоторых структурных частей воспоминаний. Однако в нем освещается больший хронологический период. Так, белорусский вариант текста заканчивается на характеристике С. Я. Вольфсона в тот момент, когда он в 1921 г. начинал работать в БГУ⁸³. Немецкий же перевод содержит информацию о деятельности профессора С. Я. Вольфсона в первое десятилетие истории университета, включает характеристику его взглядов и роли в борьбе партии с национал-демократами в стенах БГУ⁸⁴.

Кроме данного расхождения имеются и иные: еще в трех местах белорусский и немецкий варианты текста В. П. Тепина не совпадают. Во-первых, это рассказ об идее пригласить в Минск для чтения лекций московских профессоров, чтобы убедить местную общественность в способности обеспечить открываемый университет преподавательскими кадрами⁸⁵. Во-вторых, воспоминания о характере взаимоотношений между преподавателями в первые годы деятельности университета, подытоженные словами из Библии⁸⁶ (оба эти отрывка отсутствуют в немецком переводе). В-третьих, фрагмент про Тараса Бульбу и беседу между Горьким и Лениным применительно к характеристике еврейских преподавателей-партийцев⁸⁷.

Что касается первых двух отрывков, которые имеются в белорусской версии текста, то, скорее всего, они не вошли в немецкий вариант из-за отсутствия в том экземпляре, который имелся в распоряжении немецкого переводчика. Сложнее вопрос с теми отрывками, которые есть в немецком переводе, но не напечатаны на страницах «Беларускай газеты». Можно предположить, что в данном случае имела место внутренняя цензура редколлегии, и из публикации были удалены наиболее одиозные фрагменты, связанные с характеристикой еврейских преподавателей БГУ.

Если обратиться к анализу текста воспоминаний В. П. Тепина о создании и первых годах деятельности БГУ, то необходимо отметить, что исследователи располагают лишь несколькими мемуарами и воспоминаниями лиц, работавших или учившихся в университете в довоенное время. Помимо юбилейного сборника 1927 г., в котором напечатаны

воспоминания декана медфака М. Б. Кроля и еще нескольких его коллег⁸⁸, стоит упомянуть мемуары Я. Кипеля, учившегося в БГУ в 1920-е гг. (были изданы в эмиграции значительно позднее описываемых событий) [3]. Замечательны своими деталями и фактами воспоминания Д. П. Кончаловского [4], Р. А. Никольской [5] и других современников и творцов начальной истории БГУ. А не так давно в Национальном архиве Республики Беларусь были обнаружены рукописные воспоминания историка В. Н. Перцева – одного из первых профессоров БГУ (сейчас они уже опубликованы) [6]. Сравнение всех этих воспоминаний интересно тем, что их авторы оказались в итоге, что называется, по разные стороны баррикад. Так, В. П. Тепин, Д. П. Кончаловский⁸⁹, Я. Кипель в довоенный период попали под удар советской репрессивной системы, а в годы войны (кто вынужденно, а кто и осознанно) сотрудничали с нацистами. Но вот профессор университета и академик АН БССР В. Н. Перцев, хотя тоже проходил по сводкам ОГПУ-НКВД, писал свои воспоминания с позиций советского ученого, приурочив их к 20-летию юбилею БГУ. Несмотря на такой различный бэкграунд, воспоминания В. П. Тепина и В. Н. Перцева демонстрируют сходство во взглядах на первые годы становления и деятельности университета как на самые «счастливые» в его довоенной истории. Также они оба, пусть и в разной тональности, упоминают об испытаниях, которые выпали на долю сотрудников и студентов БГУ в 1930-е гг.

Интересный момент этих мемуаров проявляется в оценке борьбы, развернувшейся в 1921 г. вокруг выборов первого ректора университета. Я. Кипель, вспоминая об этом, утверждает, что противостояние возникло между национальными кругами, выступавшими в поддержку кандидатуры академика Е. Ф. Карского, и партийными кругами, которые этому всячески противились. Мол, потому ректором и назначили В. И. Пичету [3, с. 80–81; 8, с. 24]. В то же время В. П. Тепин при описании разногласий по вопросу о первом ректоре БГУ отмечает, что борьба шла между В. И. Пичетой, «кандыдатура якога на пасаду рэктара аднадушна падтрымлівалася беларускай грамадзкасьцю», и Г. С. Гурвичем, которого он характеризует так: «малады навуковы працаўнік, бальшавік із партыйнасьці»⁹⁰. Конфликт между ними, по словам Василия Павловича, разрешился лишь с отъездом Г. С. Гурвича из Минска летом 1921 г.⁹¹

⁸³Беларуская газета. 1943. 6 кастр. № 76 (194).

⁸⁴ЦГАВОВУ. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 32. Л. 18–19.

⁸⁵Беларуская газета. 1943. 18 верас. № 71 (189).

⁸⁶Там же. 6 кастр. № 76 (194).

⁸⁷ЦГАВОВУ. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 32. Л. 17.

⁸⁸Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1921–1927 : да 10-й гадавіны Кастр. рэвалюцыі. Менск, 1927.

⁸⁹О судьбе Д. П. Кончаловского подробнее см. [7].

⁹⁰Беларуская газета. 1943. 25 верас. № 73 (191).

⁹¹О роли В. И. Пичеты в деле создания и становления БГУ см. [9].

Также весьма примечателен эпизод в воспоминаниях Я. Кипеля и В. П. Тепина, касающийся самого факта создания университета. Первый из них со ссылкой на политических лидеров БССР отмечает, что центральные власти долго не давали разрешения на открытие БГУ⁹². Однако в воспоминаниях В. П. Тепина про это нет ни слова, хотя ему было бы выгодно в очередной раз обвинить коммунистические власти в препятствовании делу организации национального университета. Говоря о роли В. М. Игнатовского и других лидеров государства в создании БГУ, Василий Павлович лишь отмечает: «Але трэба адзначыць найбольш ініцыятыўную частку тагачасных беларускіх дзеячоў, якія далі шмат карыснае працы ў справе пабудовы БДУ. Зь ліку гэтых асобаў трэба адзначыць старшыню ЦВК Беларусі А. Чарвякова, камісара Асветы У. Ігнатоўскага, сакратара ЦК КП(б)Б В. Кнорына. З гэтых асобаў асабліва карыснай была праца У. Ігнатоўскага, які быў жывой сувяззю паміж беларускімі коламі, узгадаванымі на традыцыях «Нашае Нівы», і тагачасным бальшавіцкім урадам. Ён увесь час шчыра працаваў для Бацькаўшчыны, але сваю працу павінен быў дапасоўваць да тых цяжкіх абставінаў, якія стварала ягонае афіцыйнае палажэнне кіраўніка Асветы Савецкае Беларусі»⁹³.

При рассмотрении характеристик, которые оставил В. П. Тепин о сотрудниках и преподавателях БГУ, в глаза бросается пиетет, с которым он относится к лидерам национального движения, а также к значительной части российской профессуры. С другой стороны, очевидно его резко отрицательное отношение к представителям коммунистической партии и советского правительства, особенно евреям по национальности. В качестве примера можно привести характеристику С. З. Каценбогена: «Абмежаваны чалавек, які быў пастаўлены, як афіцыйны прадстаўнік камуністычнае партыі, але трэба сказаць, што ён быў менш дакучлівы і шкодны, раўнуючы да Гурвіча»⁹⁴. Еще более жестко характеризуется С. Я. Вольфсон: «В личности проф. Вольфсона мы видим типичного ленинского “умного”, который понимал, что нужно выполнять задачи партии, но кроме того пользовался своей собственной народностью для своей личной выгоды»⁹⁵. Особенно резко, не стесняясь в выражениях, Василий Павлович охарактеризовал университетских партийных деятелей первой половины 1930-х гг.: «Старыя працаўнікі ўнівэрсітэту добра памятаюць, якую шкоду натварылі, колькі людзей загубілі ўдзельнікі жыдоўскае трацкістаўскае хэўры, як Гольман, Рыўлін, Мазель, Кутель, Югаў, Валабранскі і інш.»⁹⁶.

Выводы

Какими бы жесткими и субъективными ни были характеристики, описания событий, в которых активную роль довелось играть В. П. Тепину, в представленных двух вариантах написанного им текста и заинтересованному читателю, и искушенному исследователю возможно отыскать важные факты и оценки, особое прочтение сложного периода в жизни первого белорусского университета и его творцов – периода становления. Для исследователей, как мы полагаем, одновременная публикация двух

достаточно отличающихся вариантов воспоминаний Василия Павловича Тепина позволит более точно оценить многие обстоятельства в развитии научно-образовательной сферы Беларуси 1920–30-х гг.

Авторы данной статьи считают своим долгом выразить благодарность аспиранту кафедры истории России исторического факультета БГУ Филиппу Подберезкину за качественно выполненный перевод архивного варианта воспоминаний с немецкого на русский язык.

Библиографические ссылки

1. Саматыя ІМ, Саматыя РІ. Васіль Паўлавіч Тэпін – суаўтар «Мэтодыкі роднай мовы» Канстанціна Міцкевіча. У: Шамякіна ТІ, складальнік. *Міфалогія – фальклор – літаратура: праблемы паэтыкі: зборнік навуковых прац. Выпуск 6*. Рагойша ВП, рэдактар. Мінск: БДУ; 2008. с. 105–109.
2. Платонов РП, Адамушко ВИ, Селеменев ВД, Фалей ЕС. *Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.). Отражение времени в архивных документах*. Минск: БелНИИДАД; 2001. 310 с.
3. Кіпель Я. *Эпізоды*. Нью Ёрк: Выдавецтва газеты «Беларус»; 1998. 305 с.
4. Кончаловский ДП. *Воспоминания и письма (От гуманизма к Христу)*. Париж: Librairie des Cinq Continents; 1971. 348 с.
5. Никольская РА. *Воспоминания*. Харьков: Права людини; 2013. 304 с.
6. Малюгин ОИ. Первые годы деятельности БГУ в воспоминаниях академика В. Н. Перцева. *Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2016;2:17–25.

⁹² «...некаторыя ўплывовыя асобы (Жылуновіч, Некрашэвіч) расказвалі мне, што адчыніць у Менску ўнівэрсытэт было ня так проста: Масква доўга не давала на гэта дазволу» [3, с. 80].

⁹³ *Беларуская газета*. 1943. 22 верас. № 72 (190).

⁹⁴ Там же. 29 верас. № 74 (192).

⁹⁵ ЦГАВОВУ Ф. 3676. Оп. 2. Д. 32. Л. 19.

⁹⁶ *Беларуская газета*. 1943. 6 кастр. № 76 (194).

7. Яновский ОА. Первые профессора БГУ В. И. Пичета и Д. П. Кончаловский: позиции и судьбы ученых «старой» формации. *Вестник БГУ. Серия 3: Гистория. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* 2006;3:3–9.
8. Малиугин ОИ. «Черносотенцы» Е. Ф. Карский и Никольский (над страницами автобиографии Бронислава Тарашкевича). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2017;4:23–27.
9. Казаков ЮЛ, Сальков АП, Яновский ОА. Владимир Иванович Пичета (к 125-летию со дня рождения). *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3: Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* 2003;3:111–113.

References

1. Samatyja IM, Samatyja RI. [Vasily Tepin – co-author of «The methods of the native language» of Constantine Mic-kiewicz]. In: Shamjakina TI, compiler. *Mifalogija – fal'klor – litaratura: prablemy pajetyki: zbornik navukovyh prac. Vypusk 6* [Mythology – Folklore – Literature: the problems of poetics: collection of scientific works. Issue 6]. Ragojsa VP, editor. Minsk: Belarusian State University; 2008. p. 105–109. Belarusian.
2. Platonov RP, Adamushko VI, Selemenov VD, Falei ES. *Pered krutym povorotom: Tendentsii v politicheskoi i dukhovnoi zhizni Belarusi (1925–1928 gg.). Otrazhenie vremeni v arkhivnykh dokumentakh* [Before a sharp turn: Trends in the political and spiritual life of Belarus (1925–1928): Reflection of time in archival documents]. Minsk: BelNIIDAD; 2001. 310 p. Russian.
3. Kipel' Ja. *Jepizody* [Episodes]. New York: Vydavectva gazjety «Belarus»; 1998. 305 p. Belarusian.
4. Konchalovskii DP. *Vospominaniya i pis'ma (Ot gumanizma k Khristu)* [Memories and letters (From humanism to Christ)]. Paris: Librairie des Cinq Continents; 1971. 348 p. Russian.
5. Nikol'skaya RA. *Vospominaniya* [Memories]. Harkov: Prava Ijudyny; 2013. 304 p. Russian.
6. Maliugin OI. BSU' first years in the memoirs of academician V. Pertsev. *Vesnik BDU. Seriya 3. Gistoryja. Jekanomika. Prava.* 2016;2:17–25. Russian.
7. Janovskii OA. [The first professors of BSU V. I. Pitcheta and D. P. Konchalovsky: positions and fates of scientists of the «old» formation]. *Vesnik BDU. Seriya 3: Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava.* 2006;3: 3–9. Russian.
8. Maliugin OI. «Black-hundredists» Y. F. Karsky and Nikolsky (above the pages of Bronislaw Tarashkevich's autobiography). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2017;4:23–27. Russian.
9. Kazakov YuL, Sal'kov AP, Janovskii OA. [Vladimir Ivanovich Picheta (on the occasion of the 125th birthday)]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Seriya 3: Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava.* 2003;3:111–113. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.09.2019.
Received by editorial board 13.09.2019.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Моторова Н. С. Социальная политика Российской империи на территории Беларуси (1861–1914) : монография. Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2019. 350, [1] с.

Маторавы Н. С. Сацыяльная палітыка Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі (1861–1914) : манаграфія. Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. 350, [1] с. (на рус.).

Motorova N. S. The social policy of the Russian Empire on the territory of Belarus (1861–1914) : monograph. Minsk : National Library of Belarus, 2019. 350, [1] p. (in Russ.).

В современной отечественной и зарубежной историографии значительное внимание уделяется изучению различных аспектов внутренней политики Российской империи и особенностей ее реализации на региональном уровне. Благодаря введению в научный оборот новых источников, использованию современных методологических подходов и научных теорий тематика исследований постоянно расширяется, что сопровождается переосмыслением и новой интерпретацией выводов и обобщений, сделанных в дореволюционной и советской историографии. Однако в этой области присутствует множество малоизученных вопросов, к числу которых относится социальная политика государства после отмены крепостного права. В Российской империи изменение правового статуса крестьянства вынудило правительство приступить к разработке эффективных механизмов решения таких социальных проблем, как обеспечение населения продовольствием в случае неурожая, ликвидация последствий эпидемий, предотвращение пауперизации и т. п. Формировавшаяся модель социальной политики не имела единообразного характера: ее реализация на территории Беларуси отличалась рядом специфических особенностей.

Указанная проблема подробно рассмотрена в монографии Н. С. Моторовой. Исследование построено на применении общенаучных (анализа, синтеза, сравнения, обобщения) и специально-исторических (историко-генетического, историко-сравнительного, ретроспективного) методов. Для выявления сущности системных преобразований, охвативших все сферы жизни общества, и определения их влияния на эволюцию государственной политики автором была использована теория модернизации. Однако изучение социальной политики имеет междисциплинарный характер, а потому представляется целесообразным применять в ходе исследования и методологический инструментарий смежных дисциплин (социологии и политологии): институциональный метод, контент-анализ и проч.

Монография Н. С. Моторовой состоит из введения, пяти глав и заключения. Во введении автор обосновала правомерность использования термина «социальная политика» при характеристике внутриполитической деятельности государства в пореформенный период, обозначила истоки и основные структурные компоненты данного понятия. Н. С. Моторова определила социальную политику как систему мер, направленных на решение социальных проблем населения. Однако при изучении этого феномена используются и другие подходы. Например, Т. Ю. Сидорина сделала основной акцент на организации помощи бедным¹. В то же время Е. В. Савельева предельно расширила исследовательское поле, включив в состав социальной политики развитие рабочего законодательства, помощь малоимущим, политику государства в отношении дворянства и крестьянства, социальные последствия реформ в сфере образования². Это свидетельствует о существовании диаметрально противоположных подходов к изучению феномена

¹ Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 442 с.

² Савельева Е. В. Социальная политика Российского государства в 60–90-е годы XIX века. М. : МПГУ, 2000. 306 с.

социальной политики. В этой связи необходимо более четкое обоснование авторской позиции и выбора исследовательской парадигмы.

Первая глава монографии Н. С. Моторовой носит теоретический характер. В ней представлен подробный обзор историографии по теме исследования, охарактеризованы источники по изучаемой проблеме. Автор детально проанализировала работы по истории отдельных аспектов социальной политики, подготовленные как в дореволюционный и советский периоды, так и уже на современном этапе российскими и белорусскими учеными. В качестве пожелания можно указать на необходимость учитывать выводы и обобщения, сделанные зарубежными исследователями, например Ф. Вчисло³, Н. Вейсманом⁴ и др.

При написании работы автор широко использовала письменные первоисточники, важнейшими из которых являются документальные – правовые акты, статистические данные, а также делопроизводственные материалы (как опубликованные, так и из архивных фондов). Они дополнены повествовательными источниками, такими как документы личного происхождения. Подобная источниковая база позволила Н. С. Моторовой достаточно полно раскрыть заявленную тему.

Во второй главе было проанализировано распределение полномочий по решению социальных проблем между различными институтами центрального и местного управления и самоуправления. Автор пришла к выводу, что центральные органы власти с трудом приспосабливались к исполнению новых функций, а основная нагрузка в этом отношении ложилась на Министерство внутренних дел. Н. С. Моторова указала, что большая часть полномочий по решению социальных проблем населения на региональном уровне была сосредоточена в руках органов местного управления и самоуправления. При этом на территории Беларуси в связи с ограничительными мерами, введенными после подавления восстания 1863–1864 гг., и отказом от осуществления земской реформы важнейшую роль в реализации мероприятий социальной политики играли учреждения губернской администрации, местные губернаторы и генерал-губернаторы.

Значительный интерес вызывает третья глава, в которой охарактеризованы главные источники финансирования социальной политики. Проанализировав материалы государственных бюджетов, Н. С. Моторова сделала вывод о том, что на общегосударственном уровне средства на ее развитие выделялись в минимальном объеме и направлялись преимущественно на выплату пенсий. В то же время на территории Беларуси основная финансовая

нагрузка приходилась на приказы общественного призрения, губернские капиталы, ресурсы местного налогообложения – мирские и земские повинности. К сожалению, автор не указала, в каком объеме привлекались средства частной благотворительности для решения социальных проблем. Конечно, данные материалы не повлияли бы на сделанные выводы, но позволили бы охарактеризовать формы взаимодействия общества и государства.

Четвертая глава посвящена развитию системы здравоохранения на территории белорусских губерний. Н. С. Моторова, подробно рассмотрев организацию медицинской помощи в городах и сельской местности, пришла к заключению, что ее специфические особенности состояли в сохранении приказной медицины и создании специфической «сельско-врачебной» части, которая была построена на принципах земской медицины, но реализовывалась бюрократическими способами. Не меньший интерес вызывает освещение помощи лицам с особенностями психофизического развития и организации противоэпидемических мероприятий. На наш взгляд, представленный в данном разделе материал органично дополнили бы сведения о роли медицинских обществ в совершенствовании системы здравоохранения на территории белорусских губерний.

В пятой главе Н. С. Моторова рассмотрела эволюцию основных форм помощи населению в кризисных ситуациях. Автор проанализировала развитие общественного призрения, охарактеризовала мероприятия по борьбе с нищенством в пореформенный период, описала основные формы помощи трудоспособному населению, пострадавшему от стихийных бедствий. Н. С. Моторова отметила, что это направление социальной политики было одним из наиболее проблемных, так как регулировавшая его законодательная база зачастую не соответствовала потребностям населения, отсутствовали устойчивые источники финансирования для оперативного решения социальных проблем. В связи с этим было бы целесообразным уделить больше внимания деятельности различных правительственных комиссий, созданных для устранения указанных недостатков. Рассматривая эволюцию пенсионного обеспечения и социального страхования, Н. С. Моторова пришла к заключению, что во многом она была обусловлена разложением традиционной социальной структуры и невозможностью организовать помощь лицам, утратившим связи со своими сословными группами, используя ресурсы общественного призрения.

Подводя итог проведенному исследованию, автор указала, что на протяжении пореформенного

³Wcislo F. W. *Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914*. Princeton : Princeton University Press, 1990. XVIII, 347 p.

⁴Weissman N. B. *Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914*. New Brunswick : Rutgers University Press, 1981. X, 292 p.

периода государство постепенно передавало значительную часть своих функций по решению социальных проблем органам местного самоуправления. На территории Беларуси этот процесс осложнялся сохранением ограничительных мер по отношению к отдельным этноконфессиональным группам, отсутствием полноценной системы земского самоуправления. Представляется вполне обоснованным замечание Н. С. Моторовой о том, что для повышения эффективности социальной политики требовалось пересмотреть уставы и положения, регулировавшие распределение полномочий в этой сфере между органами местного управления и самоуправления, четко определить объем их компетенции, отказаться от принципа остаточного финансирования социальной сферы.

В качестве несомненных достоинств монографии можно отметить детальный анализ законодательной базы, а также статистических материалов. Это позволило раскрыть сущность и основные направления эволюции государственной социальной политики Российской империи в целом, определить специфические черты ее реализации на территории Беларуси, обозначить объективные трудности, которые препятствовали повышению ее эффективности. Однако, на наш взгляд, можно было бы в большем объеме использовать материалы из фонда виленского генерал-губернатора (ф. 378) Литовского государственного исторического архива. Это позволило бы более подробно охарактеризовать роль генерал-губернаторов в формировании и реализации основных направлений государственной социальной политики на территории белорусских губерний.

Отдельные вопросы в рамках предложенной темы требуют дальнейшего научного изучения

и осмысления. В частности, в монографии были косвенно обозначены формы и механизмы взаимодействия государства с местными благотворительными обществами и религиозными институтами при решении социальных проблем населения Беларуси в пореформенный период. Дальнейший научный анализ этих вопросов представляется весьма перспективным. В своем исследовании Н. С. Моторова рассмотрела подходы отдельных представителей центральных органов власти к реформированию социальной сферы на территории белорусских губерний, а именно: министров внутренних дел П. А. Валуева и И. Л. Горемыкина, частично – министров финансов Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте. В дальнейшем это может послужить основой для проведения более глубокого исследования, посвященного эволюции взглядов представителей высшей бюрократии имперского центра на значение социальных аспектов во внутренней политике государства и их влияние на выстраивание модели взаимодействия государственных институтов с отдельными социальными группами на территории Беларуси в пореформенный период.

Большинство высказанных замечаний носят рекомендательный характер и выступают как пожелания для дальнейшей исследовательской работы. Монография Н. С. Моторовой представляет собой логически целостное и завершенное научное исследование. Сформулированные автором обобщения и выводы будут способствовать более глубокому и объективному освещению политических и социально-экономических процессов, развернувшихся на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

А. А. Гужаловский⁵

⁵Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Аляксандравіч Гужалоўскі – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: huzhalouski@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: К 75-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ»

КРУГЛЫ СТОЛ «ПАМЯЦЬ ПРА ВАЙНУ: ДА 75-ГОДДЗЯ ВЫЗВАЛЕННЯ БЕЛАРУСІ АД НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ ЗАХОПНІКАЎ»

ROUND TABLE «MEMORY OF WAR: TO THE 75th ANNIVERSARY OF BELARUS RELEASE FROM GERMAN-FASCIST CAPTURES»

Круглый стол под названием «Память о войне: к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» состоялся 21 июня 2019 г. на историческом факультете БГУ. Его инициировали кафедра источниковедения и кафедра истории России, чьи заведующие и выступили в роли модераторов круглого стола.

Открывая заседание и приветствуя его участников, декан исторического факультета профессор А. Г. Кохановский отметил актуальность проведения подобных научных мероприятий, которые призваны способствовать не только сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне среди студенческой молодежи, но и ликвидации белых пятен в историографии. В доказательство существования последних он сослался на стратегическую наступательную операцию «Багратион», которая при всей своей изученности тем не менее сохраняет актуальность в качестве объекта исследования.

Выступая с докладом «Формирование документальной памяти о войне посредством публикации исторических источников (1945–2019 гг.)», заведующий кафедрой источниковедения М. Ф. Шумейко расширил предмет исследования, подчеркнув, что значительные события всегда вызывали к себе повышенный интерес с точки зрения формирования о них документальной памяти. В качестве приме-

ра он указал создание с началом Первой мировой войны при Императорской публичной библиотеке в Петрограде так называемого «Архива войны», в который поступали документы личного происхождения (воспоминания, письма, дневники, лубочные рисунки и т. д.). Аналогичная ситуация имела место и в Великую Отечественную войну, когда по инициативе научных и общественных организаций был сформирован корпус документов и материалов неофициального происхождения, который в настоящее время является объектом пристального внимания со стороны исследователей. Затем докладчик дал краткий обзор документальных публикаций об истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, начиная с подготовленного сотрудниками Партийного архива при ЦК КП(б)Б еще в апреле 1945 г. и изданного в 1947 г. первого тома сборника материалов и документов «Борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне» (тираж сборника был уничтожен; сохранились всего лишь два экземпляра) и заканчивая вышедшим в 2017 г. под грифами Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (НАРБ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГА-СПИ) сборником документов и материалов «Бело-

русский штаб партизанского движения. Сентябрь – декабрь 1942 года».

Тема формирования документальной памяти о войне была продолжена в докладе «Потенциал документальных материалов фондов личного происхождения НАРБ в деле изучения событий начального периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси» заведующего отделом публикаций НАРБ М. Н. Скоморощенко. Докладчик представил количественную характеристику фондов архива, обратив при этом внимание на наиболее интересные хранящиеся в них документы и материалы.

Ряд докладов, а также выступления в дискуссии касались преступлений, совершенных немецко-фашистскими оккупантами в Беларуси. В частности, доклады доцентов кафедры источниковедения К. И. Козака «Освобождение нацистских мест принудительного содержания на территории Беларуси 1943–1944 гг.: белорусские и немецкие образы и представления» и В. А. Латышевой «Документальный фильм “Жертвы обвиняют”: отражение генезиса структуры социальной памяти», в которых отмечалось, что современные немецкие исследователи ставят под сомнение достоверность советских исторических источников и в ряде случаев отмечают несоответствие указанных в них фактов реальным преступлениям, совершенным оккупантами.

В своем докладе «Белорусская республиканская комиссия содействия Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» заведующая отделом информационно-поисковых систем НАРБ Е. А. Макаренко опровергла утверждения о ненадежности советских источников о преступлениях немецко-фашистских захватчиков, сославшись на документы ЧГК, достоверность которых подтверждается путем источниковедческого анализа и сопоставления с другими архивными материалами.

Об участии сотрудников НАРБ в увековечении памяти белорусских деревень, уничтоженных в годы Великой Отечественной войны, говорил, выступая

в дискуссии, ведущий научный сотрудник архива В. Д. Селеменев. Его коллега, первый директор НАРБ Е. И. Барановский рассказал о драматических событиях, связанных с установлением деятельности Минского антифашистского подполья в послевоенные годы, а также о реабилитации одного из его руководителей И. К. Ковалева.

Выступая с докладом «Белорусский государственный университет в условиях войны: малоизвестные факты», заведующий кафедрой истории России О. А. Яновский напомнил участникам круглого стола не только о боевой деятельности профессорско-преподавательского состава университета на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских формированиях и антифашистском подполье, но и о его вкладе в историографию войны. В частности, докладчик продемонстрировал ксерокопию титульного листа кандидатской диссертации П. П. Савицкого, являвшегося во время войны ректором университета. Она была посвящена истории партизанского движения и подполья в Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Отдельное направление в работе круглого стола – анализ дневников участников Великой Отечественной войны. В докладе директора Государственного архива Минской области Ю. С. Ромашко «Фронтовой дневник. Война глазами ее участников» был проанализирован хранящийся в архиве и подготовленный к изданию личный дневник офицера-артиллериста А. П. Сапунова, который тот вел с октября 1941 г. по май 1945 г. Аспирант кафедры источниковедения А. С. Кудрицкий в своем докладе «Сравнительный анализ солдатских дневников Второй мировой войны и блогов участников современных конфликтов» обратил внимание на личностное восприятие гуманитарной катастрофы и роль дневников и мемуаров в исследовании исторических событий.

Подводя итоги круглого стола, М. Ф. Шумейко дал позитивную оценку его работе и выразил надежду, что его результаты будут стимулировать продолжение исследований событий военной истории.

Участники круглого стола выступили с предложением подготовить публикацию его материалов.

М. Ф. Шумейко¹, Т. Д. Гернович²

¹Михаил Федорович Шумейко – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Michail F. Shumeiko, PhD (history), docent; head of the department of the source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: jesti@inbox.ru

²Татьяна Дмитриевна Гернович – кандидат исторических наук; доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Тацияна Дзмітрыеўна Герновіч – кандыдат гістарычных навук; дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tatsiana D. Hiarnovich, PhD (history); associate professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: adelia.z@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АНАТАЦЫІ ДЭПАНИРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 94(476)«18/19»(075.8)

Хадасевіч Г. С. Гісторыя Беларусі [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метад. комплекс для спец. 1-23 01 13 «Гісторыка-архівазнаўства (па накірунках)» / Г. С. Хадасевіч ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 255 с. Бібліягр.: с. 250–253. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/231995>. Загал. з экрана. Дэп. 09.10.2019, № 009309102019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс падрыхтаваны для студэнтаў спецыяльнасці 1-23 01 13 «Гісторыка-архівазнаўства» дзённай формы атрымання адукацыі. Змест ЭВМК асвятляе працэсы трансфармацыі беларускага грамадства ў XIX ст., асноўныя этапы фарміравання беларускай нацыі і дзяржаўнасці на мяжы XIX–XX стст. Значная ўвага нададзена сацыяльна-эканамічнаму і палітычнаму развіццю БССР у складзе Савецкага Саюза, падзеям Другой сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі і станаўленню незалежнай Рэспублікі Беларусь на сучасным этапе.

УДК 94(476)«18/19»(075.8)

Хадасевіч Г. С. Гісторыя Беларусі [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метад. комплекс для спец. 1-26 02 04 «Дакументазнаўства (па накірунках)» / Г. С. Хадасевіч ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 255 с. Бібліягр.: с. 250–253. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/231998>. Загал. з экрана. Дэп. 09.10.2019, № 009409102019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс падрыхтаваны для студэнтаў спецыяльнасці 1-26 02 04 «Дакументазнаўства» дзённай формы атрымання адукацыі. Змест ЭВМК асвятляе працэсы трансфармацыі беларускага грамадства ў XIX ст., асноўныя этапы фарміравання беларускай нацыі і дзяржаўнасці на мяжы XIX–XX стст. Значная ўвага нададзена сацыяльна-эканамічнаму і палітычнаму развіццю БССР у складзе Савецкага Саюза, падзеям Другой сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі і станаўленню незалежнай Рэспублікі Беларусь на сучасным этапе.

УДК 94(476)«18/19»(075.8)

Хадасевіч Г. С. Гісторыя Беларусі [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метад. комплекс для спец. 1-23 01 12 «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (па накірунках)» / Г. С. Хадасевіч ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2019. 255 с. Бібліягр.: с. 250–253. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/232001>. Загал. з экрана. Дэп. 09.10.2019, № 009509102019.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс падрыхтаваны для студэнтаў спецыяльнасці 1-23 01 12 «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» дзённай формы атрымання адукацыі. Змест ЭВМК асвятляе працэсы трансфармацыі беларускага грамадства ў XIX ст., асноўныя этапы фарміравання беларускай нацыі і дзяржаўнасці на мяжы XIX–XX стст. Значная ўвага нададзена сацыяльна-эканамічнаму і палітычнаму развіццю БССР у складзе Савецкага Саюза, падзеям Другой сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі і станаўленню незалежнай Рэспублікі Беларусь на сучасным этапе.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
Героизм и повседневность: к 80-летию начала Второй мировой войны	
<i>Алиева Л. В., Антонова Л. В., Хришкевич Т. Г.</i> Современная историография феномена социальной сплоченности в период Второй мировой войны	7
<i>Мезга Н. Н.</i> Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР	17
<i>Миронович Э.</i> Листовки и воззвания ЦК КП(б)Б к советским гражданам на оккупированной Германией территории Беларуси	27
Становление государственной независимости Индии: революция и прогресс	
<i>Шубхра Н.</i> Назад в будущее? Кризис конституционной демократии и следы большевистского прошлого	36
<i>Упадуэй А.</i> Российская революция в перспективе. Размышления о ее влиянии на борьбу за освобождение Индии	47
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ	
<i>Корсаков Д. Г.</i> Деятельность Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в белорусских губерниях Российской империи (конец XIX – начало XX в.)	56
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Дайнович М.</i> Успешные женщины в Польской Народной Республике в свете публикаций журнала «Zwierciadło: Pismo Ligii Kobiet Polskich»	64
<i>Кондраль А. А.</i> Основные политические силы Египта и их отношения с президентом М. Мурси в 2012–2013 гг.	72
К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ	
<i>Малюгин О. И., Яновский О. А.</i> Василий Павлович Тепин и его «История Белорусского государственного университета»	82
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Гужаловский А. А.</i> Моторова Н. С. Социальная политика Российской империи на территории Беларуси (1861–1914).....	95
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Шумейко М. Ф., Гернович Т. Д.</i> Круглый стол «Память о войне: к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков».....	98
Аннотации депонированных в БГУ работ	100

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі	5
-------------------	---

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Гераізм і паўсядзённасць: да 80-годдзя пачатку Другой сусветнай вайны

<i>Аліева Л. У., Антонава Л. У., Хрышкевіч Т. Г.</i> Сучасная гістарыяграфія феномена сацыяльнай згуртаванасці ў перыяд Другой сусветнай вайны.....	7
<i>Мязга М. М.</i> Заходняя Беларусь у савецка-польскіх адносінах: ад Рыжскага дагавора да ўз'яднання з БССР	17
<i>Мірановіч Э.</i> Лістоўкі і адозвы КП(б)Б да савецкіх грамадзян на акупаванай Германіяй тэрыторыі Беларусі	27

Станаўленне дзяржаўнай незалежнасці Індыі: рэвалюцыя і прагрэс

<i>Шубхра Н.</i> Назад у будучыню? Крызіс канстытуцыйнай дэмакратыі і сляды большавіцкага мінулага	36
<i>Упадуэй А.</i> Расійская рэвалюцыя ў перспектыве. Разважанні пра яе ўплыў на барацьбу за вызваленне Індыі	47

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Карсакоў Д. Г.</i> Дзейнасць Папачыцельства імператрыцы Марыі Аляксандраўны аб сляпых у беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XIX – пачатак XX ст.).....	56
--	----

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Дайновіч М.</i> Паспяховыя жанчыны ў Польскай Народнай Рэспубліцы ў святле публікацый часопіса «Zwierciadło: Pismo Ligi Kobiet Polskich»	64
<i>Кондраль А. А.</i> Асноўныя палітычныя сілы Егіпта і іх адносіны з прэзідэнтам М. Мурсі ў 2012–2013 гг.	72

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

<i>Малюгін А. І., Яноўскі А. А.</i> Васіль Паўлавіч Тэпін і яго «Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».....	82
--	----

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Гужалоўскі А. А.</i> Маторавы Н. С. Сацыяльная палітыка Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі (1861–1914).....	95
---	----

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

<i>Шумейка М. Ф., Герновіч Т. Д.</i> Круглы стол «Памяць пра вайну: да 75-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў».....	98
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	100

CONTENTS

Editorial	5
SPECIAL TOPIC SECTION	
Heroism and everyday life: on the 80th anniversary of outbreak of World War II	
<i>Alieva L. V., Antonova L. V., Khrishkevich T. G.</i> Contemporary historiography on the phenomenon of the social cohesion in the period of the Second World War	7
<i>Miazga M. M.</i> Western Belarus in Soviet-Polish relations: from the Treaty of Riga to reunification with the BSSR	17
<i>Mironowicz E.</i> Leaflets and appeals of the central committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus to the Soviet citizens in German-occupied Belarus	27
Formation of state independence of India: revolution and evolution	
<i>Shubhra N.</i> Back to the future? Crisis of constitutional democracy and traces of a Bolshevik past.....	36
<i>Upadhyay A.</i> Russian Revolution in perspective. Reflections on its impact on the Indian freedom struggle	47
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Korsakov D. G.</i> Activities of the Curatorship of Empress Maria Alexandrovna about the blind in the Belarusian provinces of the Russian Empire (late 19 th – early 20 th centuries).....	56
WORLD HISTORY	
<i>Dajnowicz M.</i> Successful women in the Polish People's Republic in the light of publications of the magazine «Zwierciadło: Pismo Ligi Kobiet Polskich»	64
<i>Kondral A. A.</i> Egypt's major political forces and their relations with the president M. Mursi in 2012–2013	72
BELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY	
<i>Maliugin O. I., Yanouski A. A.</i> Vasil Pavlovich Tepin and his «History of the Belarusian State University»	82
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Huzhalouski A. A., Motorova N. S.</i> The social policy of the Russian Empire on the territory of Belarus (1861–1914)	95
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Shumeiko M. F., Hiarnovich T. D.</i> Round table «Memory of war: to the 75 th anniversary of Belarus release from German-fascist captures»	98
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	100

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 4. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ».

Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы О. А. Семенец, А. С. Люкевич
Технический редактор Т. А. Караневич
Корректор К. Б. Скакун

Подписано в печать 31.10.2019.

Тираж 100 экз. Заказ 409.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».

ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.

Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 4. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.

Until 2017 named «Vesnik BDU».

Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors O. A. Semenets, A. S. Lyukevich
Technical editor T. A. Karanevich
Proofreader K. B. Skakun

Signed print 31.10.2019.

Edition 100 copies. Order number 409.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».

License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.

17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019